

Сара Орне
ДЖУЭТТ

Завоевание Англии норманнами

*Период широкой экспансии в X—XI вв.
скандинавских морских королей — викингов*

Са́ра Орне ДЖУЭ́ТТ

Завоевание
Англии
норманнами

УДК 940.1
ББК 63.3(04)
Д 42

Серия основана в 2001 году

Д 42 **Джуэтт С. О.**
Завоевание Англии норманнами / С. О. Джуэтт.—
Мн.: Харвест, 2003.— 304 с. ил.— (Историческая библио-
тека).

ISBN 985-13-1652-0.

Книга рассказывает о периоде широкой экспансии в X—XI вв. скандинавских морских королей — викингов, как они называли себя сами, или варягов — под этим именем они были известны на Руси, или норманнов — так их именовали в Западной Европе.

Воссоздавая события тех далеких времен, перечитывая литературно-исторические памятники, дошедшие до наших дней, немногочисленные, разрозненные, часто противоречивые, автор пытается сквозь толщу веков разглядеть живых людей, понять их характеры, мотивы их поступков.

Для широкого круга читателей.

УДК 940.1
ББК 63.3(04)

ISBN 985-13-1652-0

© Оформление,
Харвест, 2003

I

ЛЮДИ С КОРАБЛЕЙ-«ДРАКОНОВ»

*Так далеко, как ветер вздымает пенящиеся волны,
простирается наша империя, и здесь наш дом.*

Байрон

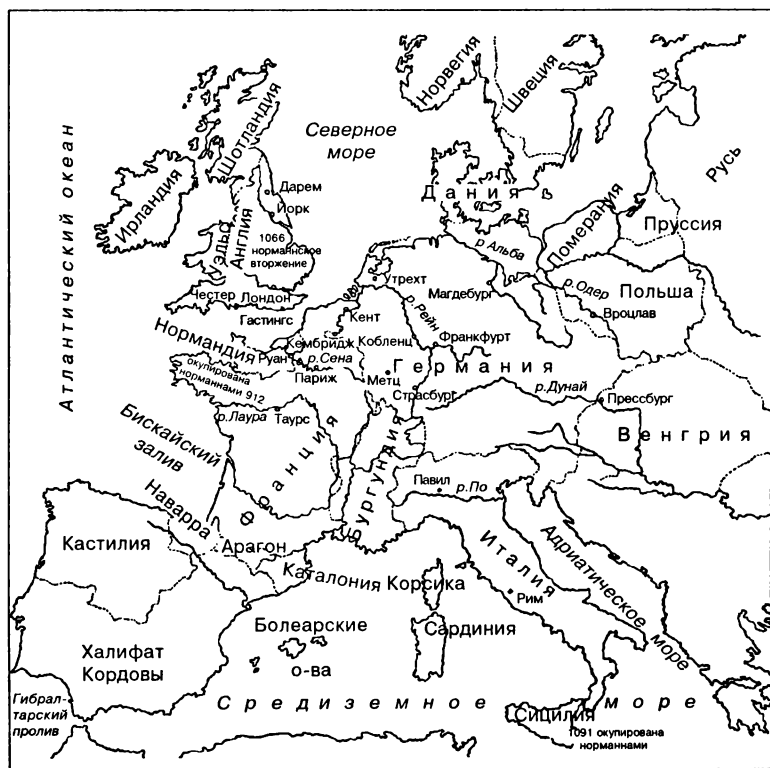
Течение Гольфстрим так близко подходит к южному побережью Норвегии и к Оркнейским и Западным островам, что местный климат гораздо мягче, чем мог бы быть. Все же удивительно, что эти земли были раньше гораздо более населенными, чем сейчас, и что люди, которые стремились обосноваться на западе в то далекое время, когда происходили великие арийские миграции, не упорствовали в том, чтобы осесть на более плодородных землях, лежащих южнее. Несмотря на все недостатки, Скандинавский полуостров и неприветливые острова северных морей были населены мужчинами и женщинами, которые по уму и изобретательности намного превосходили соседей.

Теперь, при современном уровне развития транспорта и простоте перемещения, эти неплодородные страны могут получать все необходимое из других частей света. И хотя в Норвегии летний сезон очень короткий, темный и туманный, и очень трудно вырастить на горных склонах даже немного травы, торговля может возместить недостатки в любых продуктах. В давности торговли не было, кроме той, что осуществлялась пиратами — если только можно определить их занятия таким респектабельным словом, — и было очень трудно выжить, пользуясь лишь дарами земли.

Песчаные дюны Дании, так же как скалистые земли Норвегии, не привлекали земледельцев, однако, вопреки всем нашим представлениям об успешной колонизации, наро-

ды этих стран покинули их сначала лишь для того, чтобы образовать новые поселения в таких местах, как Исландия, Фарерские, или Оркнейские, острова и штормовые Гебридские острова. Не потребуется много времени, чтобы обнаружить, что древние жители Северной Европы были не крестьянами, а охотниками и рыбаками. Добывать пропитание в реках и на широких травянистых равнинах материковой Европы становилось все труднее, и, устремляясь на запад, северяне наконец достигли мест, где они могли жить у вод, изобилующих рыбой, и среди холмов, где было вдоволь дичи.

Кроме того, они не просто совершали этот долгий путь, а были вынуждены сражаться, вытесняя народы, которые

Карта Европы в конце XI века

там уже обитали. Сведений о прежних обитателях Восточной и Северной Европы очень мало, известно лишь, что они были невысокого роста, темнокожи, жили в пещерах и на разных стадиях своего развития последовательно использовали каменные, бронзовые и железные орудия труда и оружие. Обнаружено много домашней утвари и оружия, в настоящее время хранящихся в музеях.

Лишь небольшая часть современных европейцев ведет свое происхождение от этих далеких предков. Жители Северной Испании, баски, говорят на другом языке и отличаются внешне от окружающих их людей, и даже в Великобритании сохранились потомки древнейшей расы человечества, которую не смогли полностью уничтожить и вытеснить в ходе великой естественной войны рас светловолосые кельты Южной Европы и тевтоны Северной Европы. Множественные изменения и смешения обитателей этих стран, длительное становление определенных племен, благоприятные, а также и неблагоприятные условия существования повлияли на то, что в настоящее время различные европейские нации значительно отличаются друг от друга, но, полагают, что они имеют одни и те же корни, а определенные слова санскрита сегодня можно обнаружить не только в персидской и индийской речи, но и в английском, греческом, латинском, немецком языках и во многих диалектах, образованных от этих языков.

Племена, расселившиеся на севере, со временем обрели свои собственные черты, и по мере роста населения им требовалось все больше вещей, добыть которые было непросто. Поэтому вскоре вошло в обычай грабить соседей. Мужчины в той или иной мере походили на хищных зверей. В конце концов, основными занятиями скандинавов почти повсеместно стали непрекращающиеся сражения и мародерство.

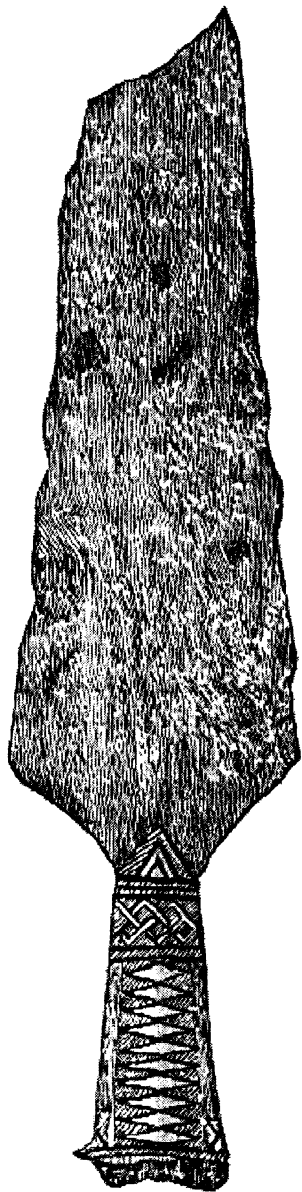
Появилась необходимость в строительстве кораблей и в неограниченных запасах доспехов и оружия. Недостатка в

камнях, которые использовали в качестве снарядов или как материал для наконечников стрел и копий, не было. Для тех же целей весьма искусно обрабатывался металл. Металлические предметы особенно часто обнаруживают в Норвегии и Швеции. Когда северяне планировали крупные сражения, они вынуждены были перевозить огромное количество камней, железа и бронзы.

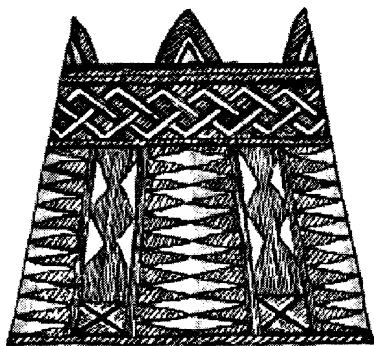
Нетрудно понять, почему в древности почти всегда решающими были однодневные сражения: необходимые запасы невозможно было быстро доставить из одного места в другое. И после того как все стрелы бывали выпущены, побежденные рассеяны по полю боя и у нападавших не оставалось никаких средств наступления, начиналась рукопашная схватка с теми, кому удалось подобрать какое-нибудь оружие.

Как правило, неожиданные вторжения заканчивались успешно; и когда северяне высаживались у какого-нибудь прибрежного города Британии или Галлии, несчастные жители полностью оказывались в их власти. В то время как норманны занимались рыбной ловлей и охотой, их каменистые земли и рудники обеспечивали осуществление их военных предприятий, а леса снабжали корабельным лесом. И по мере распространения славы о них они становились все более известными как неплохие мореплаватели.

Существовала большая разница между образом жизни в Норвегии и, например, в Англии или Франции. Норвежские камни были хороши для наконечников стрел и для топоров, но они не годились для строительных целей. К тому же вряд ли здесь можно было найти месторождения глины для производства кирпича. Таким образом, дерево обычно было единственным материалом, используемым для строительства домов. Жители южных стран могли найти убежище в грубо построенных замках. Северяне не могли построить никакого замка, неподвластного огню. Норманны больше доверяли своим кораблям, чем своим домам, а некоторые из их великих предводителей

Зубило

Железный наконечник, инкрустированный серебром

считали ниже собственного достоинства жить на суше вообще.

Есть какая-то свежесть в рассказах о жизни древних скандинавов, об их простоте и свободе, об их детской непосредственности. Один из древних писателей упоминает, что они стремились к «помпезности и шику», благодаря чему в конце концов изготавливали вещи аккуратно и тщательно и стали законодателями моды для остальной Европы.

Ведение домашнего хозяйства и повседневная жизнь норманнов свидетельствуют о чувстве собственного достоинства. Их дома нередко были очень большими, достигая в длину 200 футов. В центре на полу был выложен из камня очаг, у трех стен располагались кровати, которые иногда накрывались широкими полотнищами домотканой материи или тканью, привезенной викингами из походов. Перед кроватями стояли скамьи, где у каждого мужчины было свое место и скамеечка для ног, а наверху, на стене, висели его доспехи и оружие. У хозяина дома было место с высоким сиденьем посередине длинной скамьи, расположенной у северной стены; напротив находилась другая скамья для гостей и странников, женщины рассаживались у третьей стены.

Крыша была высокой и в ней было несколько окон, затянутых кусками тонкой кожи, пропускавшей совсем немного света. Дым выходил через отверстия, вырезанные в черной от сажи крыше. И хотя в более поздние времена дома богатых людей напоминали скорее деревни из-за целого ряда более мелких построек, используемых в качестве складов, гостевых комнат или мастерских, расположенных вокруг, идея основного большого зала или гостиной осталась. Особенно интересны более поздние варианты таких домов, сохранившиеся в Англии и Франции; и какое же это должно было быть прекрасное зрелище, когда по вечерам, освещаемые отблесками пламени, воины сидели на своих скамьях в торжественном порядке, а скальды читали свои длинные саги о

храбрости хозяина дома или о доблестных делах его предков!

Гостеприимство было одной из самых важных добродетелей северян. История сохранила рассказ об одной норвежской женщине с острова Гельголанд по имени Гериды, которая поселилась в Исландии. Она построила себе дом около большой дороги и часто сидела у двери на маленькой скамеечке, приглашая всех путников войти в дом и отведать кушаний со стола, который всегда был накрыт. И она была не единственной, посвятившей всю свою жизнь выполнению обязанностей хозяйки. Когда в доме находились важные гости, особое внимание уделялось их развлечению. И лучшим развлечением, которое можно было предложить, были саги.

«Эти древнейшие произведения были абсолютно чужеродными для стран, где преобладал латинский язык. Они почти ничего общего не имели с хронологией или общей историей, сводясь к преданиям о каких-то героических семьях, повествующих об их жизни и приключениях. Эти композиции, в стихах или прозе, всегда простые, иногда поэтические, были произведениями диких северных гениев. Они развивались, не сохраняя образцов, и в конце концов исчезали, не оставив имитаций; и наиболее примечательным является то, что на острове Исландия, само название которого¹ говорит о его суровом климате, и где уже сам факт появления поэта почти чудо, — на этом самом острове скальдами (поэтами) было создано бесчисленное количество саг и других композиций на протяжении двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого столетий»².

Придворные поэты или нашедшие приют в великих семьях были самыми важными особами, они пользовались большим уважением, их почитали. Несомненно, они часто подвергались искушению и льстили или зло-

¹ Iceland — ледяная земля. — *Прим. перев.*

² Делпинг. Морские путешествия норманнов.

словили, но ценили их за другое — их истинную преданность. Мы не можем ощутить реальную атмосферу в тех сагах, которые дошли до нас. Мир всегда был очень снисходителен по отношению к поэзии, захватывающей воображение. Конечно, нельзя было ожидать от скальда, что он всегда будет ограничиваться привычным литературным повествованием. Скальды создавали и хранили легенды и литературу в своей особенной манере, и, если сравнивать их произведения с другими образцами мировой культуры, следует признать, что они значительно превосходили в художественном отношении более поздних менестрелей и трубадуров, бродивших по дорогам Франции.

Если вспомнить о скудости запасов пергамента и его высокой цене даже в христианских странах Юга, тот факт, что было написано и сохранено такое большое количество саг, не может не вызвать удивления; при этом следует учесть, что должно было быть и огромное количество других, которые существовали только в обычаях и памяти тех, кто заучивал и передавал их из поколения в поколение.

Попытавшись узнать о жизни норманнов из французских или английских хроник, мы наткнемся на долгие, мрачные сетования по поводу их варварских обычаев и их языческой религии.

Английские монахи, запертые в своих монастырях, также вряд ли сказали бы доброе слово о мародерах, которые, опустошая побережье, были настоящим бедствием для страны. Если поверить им, можно ошибиться, приняв норвежцев и их спутников за хищных и диких язычников. Прочитав то, что написано на их собственном языке, мы испытаем больше уважения к викингам и морским королям, которые всегда выделялись среди них, поскольку, в то время как викингом — морским разбойником — при желании мог стать любой крестьянин, морской король был на самом деле королем, и должен был быть связанным с королевским родом своей страны. Он по праву по-

лучал королевский титул, как только брал командование над корабельной командой, хотя ему не нужно было владеть землями или королевством. Викинги были просто пиратами; они могли быть то крестьянами, то викингами по очереди, и свое название они получили от небольших бухт (viks или wicks), где ставили на якорь свои корабли. Морской король должен был быть викингом, но лишь немногие викинги становились морскими королями.

Если отойти от хроник, написанных монахами на латыни, и обратиться к сведениям, которые оставили о себе сами норманны, на своем собственном языке, обнаруживается удивительное: как эти жестокие язычники, эти безжалостные люди, которые сжигали церкви и деревни своих южных соседей, грабя и убивая тех, кого не уводили с собой в рабство, — как они на самом деле превосходили своих врагов в литературе, не говоря уже о военных успехах. Их законы и правительства, их история, литература и социальные устои были совершеннее, чем у англосаксов и у франков.

Все сказанное приводит к выводу: вряд ли несколько сотен человек, высадившись со своих огромных весельных лодок, смогли бы покорить огромные пространства суши, если бы не обладали более развитым умом и не были одарены удивительной быстротой и храбростью. Великий военачальник не тот, кто может поднять самый большой вес или нанести самый сильный удар, а тот, у кого достаточно ума, чтобы спланировать, организовать кампанию, установить жесткую дисциплину, и настойчиво добиваться поставленных целей, идя в случае необходимости на риск. Население же южных стран было смиренным и неактивным. Сильное влияние на них оказывали церковь и предрассудки, и они уже не обладали той энергией и интеллектом, которые были присущи их предкам пять столетий назад. Римская империя способствовала превращению англичан и большинства французов тех времен в население рабов и работников, у которых не было

никакой собственности и которым нечего было защищать, кроме своей жизни.

Викинг имел определенные права в своей собственной стране и знал, как ими воспользоваться; если он мог завоевать больше земли, он должен был знать, как распорядиться ею, — и он знал, за что он сражается. Задавшись вопросом, почему вся эта энергия тратилась на морские походы и на завоевание чужих стран, можно получить два ответа: первый — сражения были естественным занятием мужчин, и второй — никакие права не могут соблюдаться, если их не защищать.

Но, кроме того, одна из форм этой активности проявлялась дома в неумелых попытках литературной деятельности. К своему удивлению, мы обнаруживаем, что и качественно, и количественно древние саги значительно превосходят то, что можно найти на латыни или на английском языке из созданного в те времена в Англии. Все эти саги написаны на одном языке, так что любой мог понять их, восхищаться ими и черпать новые знания. Они предназначались не только для монахов и людей, которые жили в монастырях. Легенды о красоте или храбрости предков в равной степени принадлежали всем, и это сделало норвежцев единой нацией людей, работающих и питающих симпатии друг к другу, — не просто толпой индивидуумов.

Чем больше мы узнаем о норманнах, тем больше убеждаемся в том, насколько они превосходили в своем знании полезных ремесел людей, которых покоряли. По преданию, в девятом веке Карл Великий, император Священной Римской империи, увидев несколько пиратских кораблей в Средиземном море, закрыл лицо руками и заплакал. Но не жестокостью и варварством этой цивилизации он был так сильно напуган. Никто лучше него не знал, что ни в одной из христианских стран, находящихся под его управлением, не было ни таких кораблей, ни людей, способных совершить такое смелое путешествие. Он знал, что они были мастерами изготовления изделий из дерева и желе-

за, умели вязать канаты и ткать, могли делать бочки для запасов питьевой воды и знали, как подготовить продукты, необходимые в долгих путешествиях. Их мечи, копья и тетива луков содержались в хорошем состоянии и были защищены от воздействия морской воды.

Следует напомнить, что норманнские флоты не были собственно королевским флотом, хотя король при необходимости имел право использовать все военные корабли для несения государственной службы. Они снаряжались всеми, кто желал принять участие в походе, — отдельными искателями приключений и крестьянами, живущими вдоль скалистых берегов.

Корабли в основном были не очень большими, однако все без исключения должны были обладать хорошими мореходными качествами и иметь достаточно места для размещения необходимого груза, помимо самих викингов. Иногда они использовались в качестве транспортных средств, для перевозки снаряжения и продуктов питания и для доставки домой награбленного. Возможно, большинство крестьянских лодок имели в длину лишь тридцать-сорок футов, но, если вспомнить, как сотни людей отправлялись в море после сбора скудного летнего урожая, можно сделать вывод, что очень многие в Норвегии знали, как строить прочные корабли, как снаряжать их подходящим образом, как подбирать команду для участия в последующих сражениях. Никакой другой флот в английских или французских гаванях не снаряжался в таком количестве и так эффективно.

Если представить себе эти знаменитые корабли морских королей, становится понятно, почему норманны так гордились ими и почему скальды без устали восхваляли подвиги, совершенные на них. Существовало два типа кораблей: грузовые корабли, перевозившие грузы, и галеры, или военные корабли.

Поговорим о достоинствах «Длинной змеи», самого длинного корабля, когда-либо построенного в Норвегии. Начнем с того, что это был корабль типа «дракон», поскольку на носу

Корабль викингов

каждой галеры имелась фигура в виде дракона. Исключение составляли лишь самые небольшие из них, так называемые тендеры (одномачтовые парусные судна), вдоль каждого борта которых располагалось от десяти до двадцати рядов весел. У «Длинной змеи» имелось тридцать четыре ряда весел с каждой стороны, а в длину корабль имел сто одиннадцать футов. Вдоль бортов висели сверкающие красные и белые щиты викингов; на носу корабля высоко вздымалась позолоченная голова дракона, а на корме, над головой рулевого, извивался его позолоченный хвост. Затем из длинного корпуса торжественно входили и выходили из воды тяжелые весла, по тридцать четыре с каждого борта. И когда корабли опускались ниже фиорда, «Длинная змея», должно быть, была похожа на огромную многоножку, выползшую из своей норы с ужасной миссией и разрезающую пенящиеся волны навстречу своей жертве.

Обычно команда спала на палубе, а в качестве укрытия использовались корабельные тенты. На кораблях не было глубоких трюмов или комфортабельных кают, поскольку они строились с таким расчетом, чтобы их легко можно было вытащить на покатый берег. А паруса часто окрашивались в яркие цвета или украшались красными, голубыми и белыми полосами. И лишь много лет спустя мир услышал о крестоносце, который в течение длительного времени дожидался попутного ветра в проливе Дарданеллы и украшал свои паруса, чтобы во всем великолепии прибыть к иностранным берегам.

Сегодня в Бергенской бухте Норвегии вы наверняка увидите по крайней мере один или два корабля, которые принадлежат тому великому флоту, что ежегодно перевозит меха и сушеную рыбу из Хаммервеста, Тронхейма и Нордкапа. Вы не увидите на них красных и белых щитов или рядов длинных весел, но у них высокие нос и корма и большой коричневый парус. И вы невольно подумаете о том, что это какая-то запоздалая группа викингов прибыла в порт после длительного путеше-

ствия. Эти «потомки» галер и грузовых кораблей викингов мало напоминают мирные торговые суда, когда торжественно плывут по спокойным водам Бергенского фьорда.

Будучи искусными мореплавателями, путешественники все же нередко попадали в бедственное положение. Морской компас был им неизвестен, и они ориентировались главным образом по звездам — достаточно непостоянным маякам в таких туманных штормовых морях. Они брали с собой также птиц, чаще всего воронов, которых выпускали, следуя за ними до ближайшей земли. Любимой эмблемой викингов был черный ворон, который изображался на их флагах. Эти флаги, бывало, чаще узнавали в чужих бухтах, чем в своих собственных. Викинги были отчаянно смелы и дерзки и придерживались рыцарского кодекса чести. Для вступления в наиболее известное общество викингов во времена правления короля Гарольда II претенденту необходимо было поднять огромный камень, лежавший перед воротами королевского дворца, что послужило бы первым доказательством того, что он достоин принятия в общество. Однако мы в замешательстве узнаем, что тот камень не смогли бы сдвинуть с места и двенадцать обычных мужчин.

Викинги были обязаны давать клятву, что не будут захватывать в плен женщин и детей, спасаться бегством во время бури или останавливаться до окончания битвы для обработки ран. Иногда ими овладевали странные приступы безумия, вызванные либо неистовым соперничеством и диким возбуждением от спортивных состязаний, либо хмельными напитками или наркотиками. Тогда они безумно кружились в диком танце, глотая горящие угли, круша камни и вырывая с корнями деревья, разрушая свою же собственность и нанося удары друзьям и недругам, без разбора. Эта ярость поощрялась, и отличившийся викинг получал высокую оценку в глазах товарищей. Если какой-нибудь морской король узнавал о том, что где-то по соседству на побережье живет светловолосая

девушка, он просто плыл туда на корабле, сражался за нее, а затем с триумфом привозил к себе. При этом он старался захватить как можно больше принадлежащих ей вещей.

Богами викингов были боги войны и разрушения. Кроме Тора, бога грома, они поклонялись Бальдру, светлоликому богу изящной словесности и чистоты, а также Фрейру, управляющему солнечным светом и ростом растений. Ад представлялся викингам царством холода и темноты, а рай был местом, где проходили сражения от восхода солнца и до тех пор, пока не наступало время возвращаться в Валхаллу¹ — дворец Одина, куда попадали после смерти павшие в битве воины, где они устраивали совместные пиры в огромном зале. Те же, кто умирал от старости или болезни, вместо того чтобы пасть на поле битвы, попадали в ад. Главными среди богов были Один, который создал человека и дал ему бессмертную душу, и его жена, Фригга², знавшая судьбу каждого человека, но никогда не раскрывавшая своих секретов.

Северяне расселились на огромных территориях. Энергичные и отважные, они основали колонии в Исландии и России. Сейчас мы можем только догадываться о том, что заставляло их отправляться в рискованное плавание среди айсбергов вдоль опасных скалистых берегов к плодородным землям Новой Англии и почему они не захватили этих владений и не воспользовались теми благами, которые бы получили, открыв Америку и обосновавшись там? К каким изменениям в мировой истории это могло бы привести!

¹ Валхалла — чертог мертвых в скандинавской мифологии. — *Прим. перев.*

² Фригга (или Фригг) — в германской мифологии богиня брака, любви и семейного очага. В скандинавской мифологии Фригге близка Фрейя — сестра и жена бога Одина. — *Прим. перев.*

Викинг

До сих пор историки гадают, почему Лейф Эйриксон¹ не проявил большого интереса к плодородным землям Винланда, теперешней Новой Англии, которую посетил в 986 году и красочно описал. Этим землям пришлось ожидать сотни лет прибытия отважных потомков исландцев из Старой Англии, которые построили здесь дома и провели остаток жизни на урожайных землях среди столетних сосен. На этих просторах смогла бы свободно уместиться вся Гренландия. Но мы не можем отделаться от мысли о том, что северяне не были хорошими земледельцами. Они предпочитали вести сражения и скорее отправились бы за тысячи миль через штормящее море, чтобы грабить других людей, лишая их урожая, чем терпеливо выращивать собственные зерно и шерсть и честно трудиться на своей земле.

Таким образом, вместо того чтобы понять, какое бы это было прекрасное наследие для потомков, если бы они захватили и удержали великий Западный континент, простирающийся от океана до океана, они продолжали рейды на восток. Долины рек Эльбы и Рейна, Сены и Луары стали местами охоты людей с кораблей-«драконов». Богатые морские порты и торговые суда, римские города, обнесенные крепкими стенами, древние монастыри и храмы с сокровищами и запасами продовольствия в результате этих набегов были вскоре разорены и оставлены.

Какой ужас, должно быть, охватывал незащитных жителей гаваней, когда на рассвете они обнаруживали стремительно приближающиеся к берегу со стороны моря корабли северян! Вскоре все вокруг застилал дым от горящих домов, и весь день отовсюду разносились пронзительные вопли несчастных. И когда с наступлением сумерек из укрытий вылезали уцелевшие горожане, то на месте своих домов они находили пепелища, а далеко в море уда-

¹ Лейф Эйриксон — норманнский мореплаватель. — *Прим. перев.*

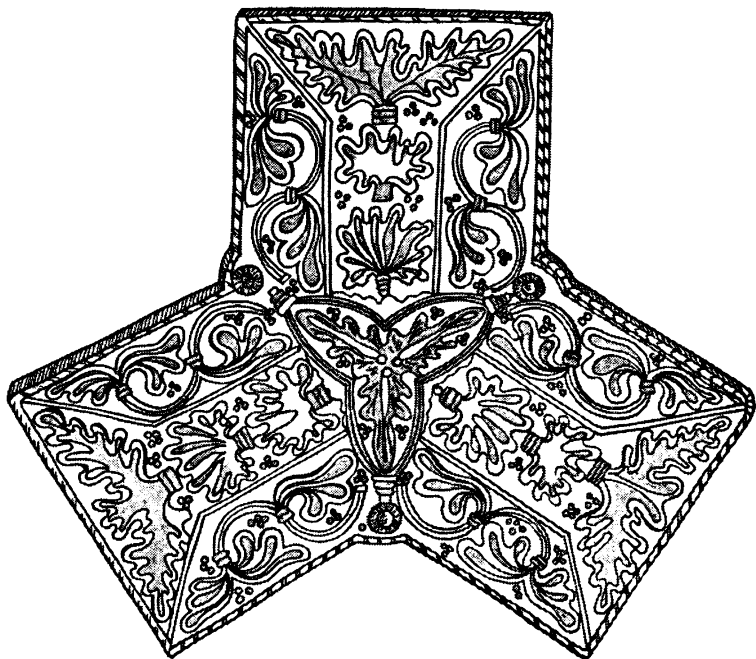
лявшиеся от берега корабли, тяжело груженные награбленным. Мы, в наши относительно спокойные дни, едва ли можем себе представить реальную картину происходившего тогда.

Жившие в то время во Франции люди принадлежали к другому типу. Они зачастую знали, как защитить себя, в то время как северяне хорошо знали, как атаковать. Сохранились лишь немногие французские хроники, что касается литературы того времени, она была почти полностью уничтожена в храмах и общественных зданиях Франции. Кое-где сохранились разрозненные странички какой-либо поэмы, биографии или хроники, но уже по одному этому факту мы можем судить о том, в каком плачевном состоянии находилась страна в то время.

В 810 году северяне под предводительством датского короля Готфрида опустошили Фрисландию¹, однако одолеть императора Карла Великого оказалось им не под силу. Датчане отступили. После его смерти северяне подготовились к новой попытке, а так как его огромное королевство разделили между собой многочисленные правители, которые постоянно вели междоусобные войны, датчанам удалось добиться успеха. Неоднократно разграбив Гамбург, они опустошили побережье и наконец с комфортом поселились в устье реки Луары во Франции. В скором времени их уже не удовлетворяли рейды вдоль побережья. Снарядив небольшие суда, они отправились в глубь страны. Датчане сотнями продвигались вверх по французским рекам, сея повсюду разорение.

В 845 году они поднялись по Сене до Парижа, опустошив город, и не однажды; сорок лет спустя сорок тысяч датчан под предводительством Зигфрида прибыли из Руана на семистах судах и осаждали столицу в течение десяти месяцев. В конце концов парижане выкупили свою свободу за огромную цену, полностью лишившись про-

¹ Фрисландия — провинция в Нидерландах. — Прим. перев.

Пряжка северян с византийским орнаментом

винции Бургундия. Представьте только, какую власть приобрели команды морских королей! Это была слишком дорогая цена, и парижане, должно быть, думали о том, как избавиться от такой армии в центре Галлии. Однако к этому времени датчане могли выдвигать любые условия. Несколько лет спустя группы датских морских разбойников, которые, возможно, приплыли лишь взглянуть на Бургундию, продвинулись дальше и поселились в Швейцарии.

Задолго до этого они покинули свои поселения, основанные в провинции Аквитания, и направились в Испанию. Трудно было удержаться от искушения разграбить богатые испанские города. Они прокладывали себе путь вдоль побережья Средиземного моря и проникали в глубь территорий, неся с собой разрушения и опустошая все на своем пути в Испании, Африке и на Балеарских островах, а затем направились вверх по реке Роне в Валенсию.

Мы находим следы их пребывания в Италии, где они сожгли города Пизу и Лукку, и даже в Греции, откуда пиратские корабли наконец повернули домой. Только представьте себе эти простенькие кораблики с единственной мачтой и длинными веслами, на которых принимались такие долгие путешествия! Подумайте о рассказах, которые передавались из города в город после набегов этих диких северных разбойников! Они были как ястребы, устремившиеся с неба на землю, и хотя испанцы, римляне и греки достаточно хорошо владели военным искусством, они, должно быть, чувствовали себя так, будто какие-то дикие звери из глубины леса примчались на городские улицы в полдень, бросаясь на всех и уничтожая все на своем пути.

Вся вторая половина девятого века связана с историями подобных вторжений. Мы можем проследить за развитием событий в Галлии, или Франции, как мы ее сейчас называем, хотя тогда пострадало много и других, меньших королевств. Результатом великой осады Парижа стало

лишь временное разрешение проблем с норманнами; они освободили одну часть страны за счет другой. Норманнов можно было подкупить путем взяток и компенсаций лишь на какое-то время, однако они никогда не думали о том, чтобы вернуться в свою страну и навсегда оставить Францию в покое. По мере завоевания страны, вместо того чтобы воспользоваться богатством небольшой части населения и увезти его на своих кораблях домой, норманны начали обосновываться на новых землях, став не просто грабителями, а покорителями и колонистами. Вместо постоянных нападений на королевства и их разграблений они постепенно становились оккупантами и хозяевами покоренных территорий; они прокладывали себе путь от одного места к другому. Поначалу, как мы уже отметили, они рассчитывали лишь на свои корабли и всегда оставляли своих жен и детей дома, в своих северных странах. Но со временем они стали привозить с собой семьи и строить новые дома, которые затем им приходилось защищать не однажды.

Неудивительно, что женщинами также овладевала страсть к приключениям, и они настаивали на том, чтобы посмотреть на земли, откуда им привозилась богатая добыча. Они много раз повторяли своим мужьям примерно следующее: «Покажите нам места, где растет виноград и цветут фруктовые деревья, где люди строят великолепные дома и живут в них в роскоши. Мы устали от того, что видим лишь длинные балки из лиственницы от их высоких домов, лишь разные ткани пурпурного, красного и золотого цветов, лишь красное вино и желтую пшеницу, которые вы привозите из этих мест. Почему бы нам не поехать в эту страну и не жить там, вместо того чтобы разрушать ее? Почему многие из вас добираются туда каждый год лишь затем, чтобы быть убитыми на поле битвы? Мы устали от нашей бесплодной Норвегии, от наших обширных песчаных пустынь, от холодных ветров и сырости, от наших зим, которые тянутся так долго. Когда отплывают корабли? Мы бы хотели увидеть сам Париж и Севилью, а не их золото, и

товары и стропила церквей, которые вы привозите домой для строительства кораблей».

В одной из старых баллад о любви и доблести говорится о тоскующих женщинах, поющих песню: «*Далеко отсюда простираются защищенные от ветра земли Миклагарда и Испании*». В этих дальних странах, куда отплывали корабли, было достаточно места — почему же тогда они были вынуждены оставаться дома во Фрисландии, в Норвегии и Дании, этих густонаселенных и голодных королевствах, которыми управляли морские короли?

Шли годы, северные земли становились более мирными, и морским путешествиям пиратов приходил конец. Хотя северяне все еще вели достаточно войн, это уже были датчане и норвежцы против Англии и Франции, одно королевство против другого, а не отдельные люди, грабящие только для себя.

Королевства Франции были разделены и ослаблены, и, хотя мы находим великое множество прекрасных примеров сопротивления и великих побед над норманнами, их так и не удалось ни вытеснить из страны, ни контролировать полностью. Вместо этого они постепенно сами становились французами, отличаясь от них лишь тем, что были более активными, энергичными и осторожными.

Они всячески способствовали развитию религии, языка и манер своей энергией и жизнеспособностью. Да, они были подобны растениям, которые росли на сухой бедной почве, а будучи пересажены в более благоприятные условия и получив двойное количество влаги и солнечного тепла, дали новые побеги. И сегодня мы понимаем, что житель Северной Европы (Northman) исторически связан с норманном (Norman). Что касается европейца-северянина, то главное, что вызывает восхищение в его характере, — это его удивительная энергичность; что касается норманна, как видим, его энергия была направлена в нужное русло и привнесла новые элементы в прогресс цивилизации.

Северяне прибывали в Галлию, чтобы обосноваться там. Однако, несмотря на многочисленность, они были разделены на небольшие группы. Поэтому для них было проще слиться с местным населением, чем держаться отдельно. Некоторые из их поселений были расположены глубоко внутри страны, и поначалу северяне активно смешивали свой язык с французским. Но в конце концов они практически полностью отказались от своего языка и в течение недолгого срока, можно сказать, уже перестали быть датчанами и норвежцами; они забыли свои старые обычаи и даже языческих богов северных стран, откуда прибыли их предки.

Наконец мы подходим ко времени, когда среди толпы северян можно отличить предводителей и других чем-то выделяющихся людей. Полагаться на старинные хроники Скандинавии, Дании и Исландии, как мы делаем в случае с греческими или римскими источниками, нельзя. Пытаясь узнать, когда родился или умер тот или иной человек, исследователь, изучая сагу, скорее всего будет разочарован. Чем больше он будет изучать эти истории о морских королях и их странах, тем отчетливее перед ним будет предстать картина о том, как огромные толпы людей ежегодно снаряжают свои маленькие корабли и покидают скалистое, бесплодное побережье своей страны, чтобы отправиться на юг.

Как известно, земли Франции, Англии, Фландрии и Испании были богаче и плодороднее, и северяне высаживались на берег в той или иной гавани, чтобы украсть все, что можно, и даже саму землю, по которой они ступали. Время от времени упоминается имя какого-нибудь великого человека, более сильного и смелого воина, чем все остальные. Вот печальная история о страшном голоде во Франции, когда несколько недель дул северный ветер, который сорвал распускающиеся листья с деревьев, виноградники вымерзли, а с фруктовых деревьев полностью облетел цвет. Дикие звери, обезумевшие от голода, рыскали по фермам и деревням, а монахи укрепляли свои мона-

стыри и, как никогда раньше, истово молились, прося избавить их от этого бедствия.

Но тут с севера спустился на своих прочных кораблях Рагнар Лодброк, великий датский капитан, «десять раз по двенадцать драконов в море». Он и его люди, в своих лохматых меховых одеждах, пробивались сквозь льды французских рек, чтобы сделать голодных французов своей легкой добычей, — чтобы покорить все и всех на своем пути. Что касается Рагнара Лодброка, о котором говорится в десятках рассказов и которого мы можем живо представить, равно как и его корабли с черными парусами, мы узнаем, что это всего лишь легенды и что никогда не существовало никакого Рагнара Лодброка, который якобы был схвачен врагами и брошен в наполненную змеями ужасную яму, где пел саги о своей жизни и своих злодеяниях.

Но если даже и не было героя под этим именем, можно собрать по крупицам сведения из этих и других легенд и сделать вывод: чтобы быть великим в те беспокойные времена, необходимо было быть пиратом и убивать как можно больше людей и грабить их имущество. Те северяне — худший тип путешественников со времен начала мира. Существует более девяноста источников, из которых мы узнаем об их пребывании в Испании, Франции и на севере Германии, и они всегда разрушали и сжигали не только укрепленные стенами города, но и все вокруг. Часто их высадка на чужой берег заканчивалась провалом; вновь и вновь их разгромленные отряды вытеснялись с территории Англии и Франции, но из поколения в поколение продолжалась вражда.

Мы начинаем удивляться, почему морские побережья не были полностью опустошены. Но давайте вспомним, что войны в те дни были обычным делом и что, будучи побежденным в один год, какой-то народ мог в следующем году добиться успеха и стать хозяином положения. Таким образом, жизнь была полна надежд на военную славу, и волны побед и поражений катились то на север, то на юг.

Каждый год от фиордов Норвегии отплывали лодки отважной выносливой расы молодых людей. Не будем забывать, что их собственная страна, с ее долгими, темными зимами, с ее дождливым коротким летом, когда урожай не успевал созревать, с ее скалами и холмами, с ее скудной природой, была очень непростым местом для проживания. Даже в наши дни, если бы не рыболовство, норвежские крестьяне вряд ли смогли бы добыть себе достаточное количество продуктов питания.

В давние времена, когда обработка земли была несовершенной, должно быть, тяжело было удержать тех горячих рыжеволосых искателей приключений дома, тогда как они могли жить с таким же успехом и в море, на своих грубых прочных кораблях. И представьте себе их настроение, когда им рассказывали о солнечных, плодородных странах, лежащих на юге, где своим мужеством и военным искусством можно было добыть много пищи, яркой одежды, золота и серебра. Неудивительно, что оставаться дома в Норвегии казалось для них пустой тратой времени!

Что касается стариков, которые ранее следовали за своими морскими королями, участвовали в сражениях и привозили сокровища, нет сомнения, что они постоянно рассказывали о своих подвигах и успехах и призывали своих сыновей и внуков следовать на юг. А женщины желали своим мужьям и братьям быть такими же храбрыми, как и остальные воины-мореходы и, конечно, надеялись на богатые дары, которые будут привезены из таких экспедиций. И как же, наверное, тяжело было слабым, больным или получившим увечья юношам, мечтавшим о славе, принадлежавшей всем викингам, но вынужденным оставаться дома с женщинами!

Когда мы думаем обо всем этом — о бесплодных землях и толпах людей, живущих на них, естественной тяге к приключениям и мечтах о богатстве и славе, — то кажется: нет ничего удивительного в том, что в течение сотен лет северяне занимались своим варварским ремеслом, опустоша-

ли южные страны и в конце концов овладевали значительными территориями и удерживали их.

По мере продолжения этого рассказа о норманнах вы узнаете о последователях морских королей, которые всегда сохраняли некоторые черты своих древних привычек и обычаев. И кое-что вы уже должны знать.

Жителями Северной Европы были викинги, всегда неутомимые, находящиеся в постоянном движении, прокладывавшие себе путь в сражениях и опустошающие все вокруг; они были храбры и склонны к приключениям. Норманн двенадцатого столетия был своего рода крестоносцем. Он был одержим идеей крестового похода, и не только из-за религиозных убеждений или ради освобождения святого города — Иерусалима. В течение всех последующих столетий тот или иной предлог заставлял быстрее биться те же дикие сердца и сверкать голубые глаза северян. Куда ни глянь, мы встречаем англичан той же породы — сэр Уолтер Ралей и лорд Нельсон, Стенли и доктор Ливингстоун, генерал Гордон, — все они демонстрируют присущее морским королям мужество и пренебрежение к опасностям. После лучшей саги Снорро Стурлсона последовали произведения Драйтона «Битва Агинкорта» и Теннисона «Атака огненной бригады» и «Баллада о сэре Ричарде Гренвилле». Осмелюсь заметить, что в наши мирные дни вряд ли найдется в Англии или Америке англоговорящие мальчик или девочка, которые не слушали бы этих баллад с глубокими волнением и симпатией.

«На Азорские острова, на Флориш
Направляется сэр Ричард Гренвилл,
И летит издалека, как птица, лодка:
«Испанские военные корабли в море!
Мы насчитали пятьдесят три».

Вдумайтесь в эти слова — сюжет для вдохновенного рассказа. Есть, однако, одна вещь, и я хочу, чтобы вы ее запомнили. В этом длинном повествовании о норманнах, независимо от того, покажется ли оно вам длинным рас-

сказом о кровавых войнах, несчастьях и предательствах, утомительных своими безрассудством и грубостью, или вы вообще усомнитесь в том, что стоит читать об этих норманнских войнах, — в любом случае вы не сможете не заметить отблески славного мужества и непоколебимой стойкости, которые позволили не только добиться преимущества и титулов герцогов в те далекие дни, но и способствовали великим английским и американским открытиям и изобретениям и прогрессу в течение последующих столетий.

На острове Вигр в Фолден-фиорде местные крестьяне до сих пор показывают грубые следы на берегу, куда зимой причаливали корабли и высаживались воины Рольфа¹ Гангера. Отсюда он отплывал на Гебридские острова и во Францию. Это послужило началом великих перемен, несравнимых с достижениями какого-либо другого человека.

II РОЛЬФ ГАНГЕР

Далеко удалился я от того северного берега, далеко от голых вершин и штормящих морей, они не снятся мне больше.

А. Ф.

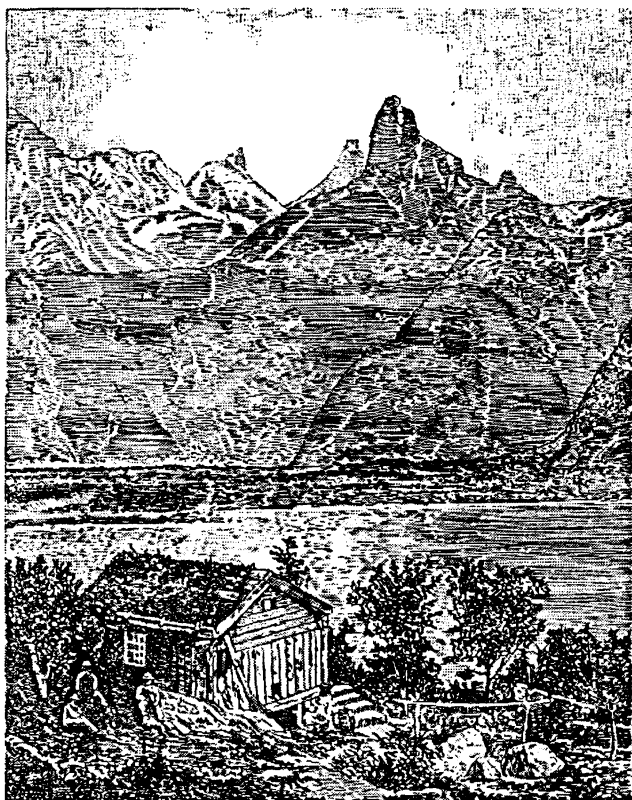
К середине девятого столетия Гарольд Хаарфагер добился больших успехов в Норвегии. Надо сказать, что там всегда было огромное количество мелких королей, или ярлов, которые иногда поддерживали дружественные отношения, но чаще воевали друг с другом. В конце концов Гарольд оказался достаточно силен, чтобы покорить всех остальных и объединить все королевства под своей властью. Это было нелегко, и прошло двенадцать лет, прежде чем объединение было завершено.

Были покорены не только сама Норвегия, но и Оркнейские, Шетландские, Гебридские острова, а также остров

¹ В некоторых источниках — Роллон. — Прим. ред.

Мэн, и даже не признававшие закон викинги были вынуждены поддерживать порядок. Говорят, что король полюбил светловолосую женщину с севера по имени Гида, однако когда он попросил ее руки, она ответила, что никогда не выйдет замуж за ярла, а только за настоящего короля, как датский Горн! Получив ответ Гиды, Гарольд полюбил ее еще сильнее и поклялся, что не будет стричься, пока не покорит всех ярлов и не сможет претендовать на руку Гиды.

Пышная копна его рыжих волос стала знаменитой; легко можно представить себе его с развевающимися волосами во время многочисленных успешных сражений. Став

Норвежский фиорд

наконец королем, он из всех подданных выбрал ярла Рюгнвальда — самого доблестного и уважаемого среди данников — и попросил его обрезать свои яркие локоны.

У ярла Рюгнвальда было несколько сыновей, которые были известными в те дни людьми. Одного из них звали Торф Эйнар, поскольку в свое время прибыв на Оркнейские острова, он открыл большие месторождения торфа и научил людей, живущих в безлесной местности, пользоваться этим топливом. Признательные островитяне и их потомки почитали его как самого главного своего героя.

Второго сына звали Рольфом. Он был лордом трех маленьких островов, расположенных далеко на севере. Рольф занимался уважаемым ремеслом, став морским разбойником. Хотя это было единственным занятием, в отношении иностранных государств король Гарольд издал строгие законы, согласно которым ни один викинг не мог нападать ни на своих соседей, ни причинять зло кому бы то ни было на норвежском побережье. Однако Рольф не очень заботился о соблюдении этих законов.

Был еще один брат, который настолько был возмущен произволом, чинимым Хаарфагером, что, собрав группу отважных викингов и наиболее миролюбивых граждан, отбыл в Исландию, где и поселился. Со временем эти люди стали знамениты как родоначальники одной из самых замечательных республик, которые когда-либо знал мир, — с однородным аристократическим правительством и естественным развитием литературы, которая осталась непревзойденной. Там, где отсутствовало влияние чужеземных обычаев, северная природа и гениальность достигли высочайшего расцвета.

Говорят, что Рольф был так высок ростом, что когда ему приходилось передвигаться по суше, он предпочитал ходить пешком, а не ездить верхом на маленьких норвежских лошадаках. Его прозвали Гэнг Рол (или Рольф), что обозначает Рольф Ходок. Существуют две легенды, которые объясняют причины его ухода из Норвегии: в одной

из них говорится, что он, убив во время ссоры брата, отправился в Англию, направляемый туда видением или сном, и что англичане помогли ему снарядить корабли и отплыть обратно, в направлении Франции.

В другой истории, которая кажется более правдоподобной, рассказывается о том, что король очень разозлился, узнав о том, что Рольф, не имея продовольствия, разграбил одну из норвежских деревень после возвращения из длительного плавания по Балтийскому морю. Крестьяне пожаловались Гарольду Хаарфагеру, которому случилось быть в тех краях. Он созвал Большой совет правосудия и изгнал своего бывшего любимца из страны навсегда.

Верны эти рассказы или нет, Рольф прибыл на юг, будучи вне закона. Нам известно о посещении им Гебридских островов, расположенных у берегов Шотландии, где после покорения этих земель королем Гарольдом образовалось поселение норвежцев. Большинство поселенцев были людьми высокого происхождения и обладали большими способностями. Они с радостью встретили вновь прибывшего, несмотря на недавнюю вражду. Неудивительно, что они вступили в пиратский союз и снарядили знаменитую экспедицию. Возможно, они не считали жизнь на Гебридах достаточно роскошной и решили обзавестись имуществом, деньгами и даже рабами, которые бы работали на них. Таким образом, они вернулись к прежним занятиям.

Объединенные суда Рольфа и его соотечественников составили солидный флот. И хотя было оговорено, что никто не будет избран капитаном, или адмиралом, как бы мы выразились в наши дни, на сегодняшний день нам ничего не известно о существовании в то время другого лидера. Так что можно с уверенностью утверждать, что Рольф Гангер был самым могущественным и принял командование на себя, независимо от того, желал этого кто-нибудь или нет.

Флотилия обошла вокруг побережья Шотландии и сначала направилась в Голландию. Но поскольку эта часть

страны, слишком часто подвергаясь опустошениям, совсем обнищала, корабли вскоре вновь вышли в море. Следы их пребывания мы находим затем во Франции в верховьях реки Сены, которая в те времена была гораздо шире. Они также по основным дорогам двинулись к Парижу и другим городам, которые всегда были весьма соблазнительными для викингов. В то время законным королем Франции был Карл Простоватый. Единственное, что связывало его с прославленным предком Карлом Великим, это имя, к которому его подданные добавили Простоватый (или Глупый), из чего мы можем сделать вывод, что он не принадлежал к типу монархов независимых или чем-либо примечательных.

После многих лет территориальных распрей границы Франции пролегли между реками Луарой и Мезем, и Карл все еще оспаривал свое право на корону. Обширная империя Карла Великого не была сразу же разделена на отдельные мелкие королевства, и каждый из его преемников захватил лишь то, что мог удерживать, всячески стремясь захватить часть соседних владений. Каждый считал, что является законным королем и готов был удерживать отвоеванные территории. Таким образом, между ними не было теплых отношений, и никто не был даже уверен, что его сосед поможет ему в борьбе против общего врага. Здесь уместно вспомнить старую пословицу: «Всяк за себя, один Бог за всех», — которой нечасто можно найти настолько точное применение.

Королю Карлу Простоватому, вынужденному защищать себя от внешних врагов, докучали претенденты на корону, и он, без сомнения, оказался в тупике, не зная, как управлять провинцией Невстрия, которой часто досаждали чужеземцы. Захватить ее для полчищ северян, которые следовали за Рольфом, не составляло труда. Кроме того, что они не боялись никакого союза против себя и считали своим врагом лишь Карла Простоватого, было вполне вероятно, что кто-то из противников Карла объединится с северянами и выступит против него.

Флот с Гебридских островов на своем пути вверх по Сене бросил якорь у города под названием Юмьез, который находился на расстоянии пяти лиг от Руана. Рядом не оказалось войск, которые могли бы помешать врагу. Как только начался беспрепятственный грабеж города, известие о вторжении дошло до Руана. Горожане были в отчаянии, поскольку бесполезно было думать о защите разбитых стен; город был уже наполовину разрушен подобными вторжениями. В любой момент они могли быть отданы на милость новым пиратам.

И в этот трудный момент нашелся архиепископ, человек мужественный и здравомыслящий, о котором мы с признательностью вспоминаем, взявший на себя опасную миссию пойти в стан врага и попытаться спасти город, заключив договор. Можно не сомневаться в том, что он был достаточно наслышан о жестоких истязаниях христианских священников северными варварами, которые все еще поклонялись таким богам, как Тор и Один, верили в существование Валхаллы, и в то, что для счастья человека в ином мире ему необходимо погибнуть в бою.

К этому времени у северян уже сложились другие планы и надежды: вместо того чтобы сразу же убить архиепископа, Рольф и его спутники обошлись с ним и его переводчиком даже в некотором смысле учтиво. Возможно, им импонировала смелость доброго человека, которая казалась им схожей с их отвагой; возможно, они уже планировали захватить часть Франции и навсегда покинуть Гебридские острова, а Рольф строил тайные планы основать собственное королевство, которое будет надежно противостоять врагу. Когда добрый священник вернулся в Руан, я думаю, люди были удивлены тем, что он сохранил голову на плечах, и они еще больше удивились, когда он сообщил им, что заключил перемирие, что он дал нападающим гарантии беспрепятственного входа в город, а они за это обещали никому не причинять вреда. Кто знает, много ли было голосов, выкрикивающих, что они лишь попадут в руки жестокого врага со своими

женами и детьми и что они лишатся всего, что имеют в этом мире. И вот корабли поднялись вверх по реке и бросили якорь перед воротами города, около церкви святого Морина. Высокорослый вождь и его товарищи стали сходить на берег. Как, должно быть, бились сердца горожан, как осторожно выглядывали они из окон в тот день в Руане!

Но вожди дали слово чести и сдержали его; они обошли весь город, обследовали крепостной вал, причалы, запасы воды и всему этому дали неожиданно высокую оценку. Более того, они объявили, что Руан станет их штабом и крепостью. Эта новость не вызвала восторга, однако это было в тысячу раз лучше, чем разграбление, опустошение города и пепелище. И когда корабли двинулись дальше вверх по реке, осмелюсь предположить, что не один голос был высказан за Рольфа Гангера, с благодарностью уверяя, что он, в конце концов, не самый худший из господ. Некоторые из горожан в поисках новых приключений в верховьях Сены даже присоединились к морскому королю и его спутникам.

Там, где река Эр сливается с Сеной, между двух потоков, норвежцы построили большой лагерь, укрепили его и стали поджидать здесь французскую армию. На этот раз король Карл был хозяином всего своего королевства и решил дать отпор этому наглому вторжению. Пираты оказались в трудном положении. Но пираты и есть пираты: даже оказавшись перед лицом гораздо большей, чем обычно, опасности, отступать без боя не стали. Прошло немного времени, и на противоположном лагерью правом берегу Эра появились французские войска. Ими командовал генерал Рейнольд, который носил титул герцога Франции.

Французы сплотили свои силы; они подвели религиозную основу под эту кампанию — разве все эти норвежцы не язычники? А все язычники должны быть уничтожены, даже если в христианскую страну они пришли не для того, чтобы ограбить ее.

В то время жил граф, который раньше сам был язычником, но со временем принял другую веру и стал так же знаменит, будучи христианином, как прежде, когда он был морским королем. Тогда он объявил, что устал вести дикую жизнь, полную приключений, и заключил мир с Францией. Это было за двадцать лет до описываемых событий. Этот варвар, должно быть, был могущественным противником, поскольку королевство отдало ему графство Шартр. Естественно, его сочли лучшей кандидатурой для ведения переговоров с соотечественниками. Во французском лагере состоялся военный совет, и Гастинг (о котором вы еще многое узнаете) посоветовал французам попытаться договориться с Рольфом, прежде чем начинать военные действия.

Возможно, старый морской король посчитал, что его высокий преемник так же, как и он, захочет получить в подарок графство и после этого утихомирится и оставит перепуганных жителей городов, расположенных на побережье Сены, в покое. Некоторые другие военачальники очень неодобрительно отнеслись к этому предложению. Но в конце концов Гастинга послушали, и он с двумя сопровождающими, говорящими на датском языке, отправился в стан Рольфа.

Трое посланников быстро завершили свой короткий путь, и вот они уже стоят на берегу Эра. Поперек реки были построены новые укрепления, а на другом берегу занимались своими делами несколько человек морского короля.

«Доблестные солдаты! — крикнул граф Шартр. — Какое имя носит ваш повелитель?»

«Над нами нет повелителя, — крикнули те в ответ, — мы все равны».

«С какой целью вы прибыли во Францию?»

«Изгнать отсюда людей, которые здесь живут, или сделать их своими подданными и самим создать новую страну, — сказал северянин. — А кто ты такой, как получилось, что ты говоришь на нашем родном языке?»

«Ты знаешь историю о Гастинге, — не без гордости ответил граф. — О великом пирате Гастинге, который рыскал по морям со своей флотилией кораблей и причинил столько зла этому королевству? »

«Да, мы слышали об этом. Но Гастинг хорошо начал, а плохо закончил».

На это графу нечего было возразить: сейчас он был лордом Шартр, и ему это нравилось.

«Вы подчинитесь королю Карлу? — крикнул он снова. А на берегу тем временем собиралось все больше людей, чтобы его послушать. — Будете ли вы служить ему верой и правдой, а за это удостаиваться его чести и получать подарки?»

«Ни за что! — был ответ. — Мы не подчинимся королю Карлу, возвращайся и скажи ему это, ты, посланник. Скажи ему также, что мы правим и властвуем там, где добиваемся победы силой и мечом».

Когда Гастинг вернулся в лагерь с этим ответом и посоветовал своим союзникам не пытаться атаковать укрепления варваров, то французы назвали его предателем. Быть предателем! Это было чересчур для старого викинга. Ко всему прочему, это утверждение, возможно, содержало долю правды. Никто не знает деталей этой истории, но старый викинг, вероятно, вспомнил свою бурную юность, увидев расположение лагеря и услышав знакомую речь соотечественников. Должно быть, неверно подозревать, будто бы он присоединился к ним. Как бы там ни было, негодующий граф Шартр покинул французский лагерь. Никто не знает, куда он направился ни тогда, ни в дальнейшем, поскольку он навсегда покинул свою вторую родину и предоставил ее участь судьбе. Совет, который он дал своим гордым товарищам, как оказалось, был хорош. Когда французы атаковали врага между двумя реками, они были полностью разгромлены; даже герцог Франции, их храбрый вождь, был убит бедным рыбаком из Руана, который последовал за армией северян.

Теперь ничто не могло удержать Рольфа, которого уже начинали признавать формальным лидером, от продвижения вверх по Сене. Через какое-то время был осажден Париж, но безуспешно. Один из вождей был взят в плен, и, чтобы освободить его, королю Карлу было обещано годичное перемирие.

Вскоре северяне вновь вернулись в Руан. Они опустошали территории севернее Парижа, и очень вероятно, что их союзником был король Карл, так как к этому времени произошло новое разделение королевства, и северные провинции больше не признавали его своим властителем. Несчастный Карл Простоватый! Он, похоже, имел много проблем со своими непокорными подданными, с приятелями-рыцарями, а также с принцами, которые при всяком удобном случае пытались обойти его.

К этому времени мы уже достаточно узнали о Рольфе и его друзьях, чтобы предположить, что они недолго вели спокойную жизнь в Руане. Вскоре они отправились в богатый город Байе, взяли его штурмом, убили графа Беренгера и захватили уйму трофеев. Мы многое узнаем об обычаях и нравах тех далеких времен, когда выясняется, что у Беренгера была очень красивая дочь, которая, когда все сокровища были поделены, стала частью добычи Рольфа. Он тотчас женился на ней, явно довольный, и свадьба проходила в полном соответствии со скандинавскими ритуалами и церемониями.

После этого северяне двинулись к Эвре и к некоторым другим городам, где их господство укреплялось день ото дня. Теперь они начали уже проявлять какую-то заботу о бедных провинциях, которые им принадлежали. Они перестали быть жестокими к тем, кто не оказывал им сопротивления, а лишь заставляли их ежегодно платить дань. Кроме того, северяне избрали Рольфа королем, однако этот северный титул вскоре был заменен французским титулом герцога. Должно быть, Рольф был очень популярен. Мы не можем скрыть определенной симпатии к нему, когда узнаем, что его новые подданные искренне

любили его. Нет сомнения, что они довольно часто проклинали его и боялись его власти, когда тот был только пиратом. Но когда у них появился такой бесстрашный и сильный защитник, то они очень обрадовались. Что бы он ни делал, все представлялось им дальновидным и преследующим лучшие цели, чем те, что были у прежних правителей.

Рольф, будучи человеком одаренным и необыкновенно сильным, строил далеко идущие планы и разбирался в политике того времени — прекрасные качества для хорошего правителя. А в хорошем правителе Франция тогда начинала нуждаться больше, чем в хорошем воине.

Сражения, тем не менее, все еще оставались средством достижения целей, так что войны не прекращались. Однако теперь они готовились более тщательно и проводились организованно. Эти северяне — хозяева обширных территорий — объединились с некоторыми мелкими разбросанными тут и там поселениями датчан в устье Луары, и большой экспедицией двинулись внутрь страны. Но и в этот раз им также не удалось покорить ни Париж, ни Дижон, ни Шартр. Крепкие стены этих и некоторых других городов помогли им устоять, однако целый ряд более слабых французских городов был захвачен.

В конце концов французскому народу стало невмогуту переносить осадное положение, и не только крестьяне, но и знать и священники потребовали освобождения. Король Карл, хотя и прозванный Простоватым, на этот раз проявил здравомыслие. Народ роптал: «Мы умираем голодной смертью, никто не осмеливается работать на полях и на виноградниках; нет ни акра свободной земли от Блуа до Санлиса. Сжигаются церкви и погибают люди; северяне делают все, что им заблагорассудится. Смотрите сами, во всем этом виноват слабый король!»

Король Карл решился на важный шаг; он, должно быть, планировал его как политический удар и поставил перед собой цель заручиться поддержкой северян, чтобы удержаться на троне. Он посоветался со своими баронами и

архиепископами, и те согласились с ним: было крайне необходимо заключить союз с врагом для обеспечения прочного мира. Знакомясь с историей того периода, нельзя не заметить, что Рольф был заинтересован в этом не меньше, чем сам король. Он присягнул королю Карлу и получил власть над большей частью территории, которая впоследствии станет называться герцогством Нормандия. Союз подразумевал не более чем выполнение обязательств по совместной защите, и король Карл был счастлив назвать Рольфа своим другом и союзником. Было похоже, что решительный норвежец будет лучше держать свое слово, чем французские герцоги и бароны, которые с легкостью нарушали свои обещания. Обязанности и интересы Рольфа были такими же, но он был склонен исходить из своей точки зрения в понимании того, что правильно, а что неправильно.

Все это время он жил со своей женой Пиппой, дочерью герцога Беренгера, убитого в Байе. У них было двое детей — сын Вильгельм и дочь Аделла. Согласно взглядам короля Карла и христианской церкви тех времен, женитьба по скандинавским обычаям вовсе не была женитьбой, хотя Рольф самозабвенно любил свою жену и заботливо воспитывал своего сына, так что тот впоследствии, заняв его место, ни в чем не уступал тем французским принцам, которые были его ровесниками. Как сказал один историк, все хорошо, что хорошо кончается, и взросление молодого Вильгельма проходило быстро.

Вдобавок ко всему, когда к Рольфу прибыл посланник короля с предложением выдать за него замуж дочь короля Гислу и в качестве приданого отдать все земли между рекой Эптой и границами Бретани, если только тот примет христианство и не будет враждовать с королевством, Рольф выслушал это предложение с удовольствием. Теперь он не повторил слова, которые слышал Гастинг на берегу Эра: «Мы никому не будем подчиняться!». В связи с предстоящей женитьбой он, судя по всему, посчитал себя вправе заключить новое соглашение.

Все это означало большой шаг вперед, и Рольф ясно понимал это. Если он не примет христианство, он не может быть равным среди лордов Франции. Он уже не был простым искателем приключений, главарем банды пиратов. У него появились другие амбиции, с тех пор как он стал правителем на своей территории. Языческий фанатизм и предрассудки его товарищей к этому времени уже более чем наполовину иссякли; старые мифы о норвежских богах не цвели в новых краях.

Наконец, после долгих обсуждений и заключения сделки об отводимых землях, Рольф раз и навсегда дал свои обещания, и с этого момента мы справедливо можем называть его герцогом Нормандии, а его народ — норманнами (нормандцами). Прежние дни северян во Франции подошли к концу. В течение многих лет в соседних провинциях новое герцогство называли «пиратской землей» и «землей северян», однако великая раса норманнов существует поныне, и с тех времен под правлением Рольфа, норвежского морского короля, стала одним из великих державных народов цивилизованного мира.

Здесь следует вкратце описать церемонию получения титула герцога, поскольку это было большим событием. Для того чтобы отметить этот день, к месту церемонии прибыла королевская знать и все норманнские военачальники и важные люди. Церемония проходила в деревне, носящей название Сен-Клер, расположенной на реке Эпте. Французы поставили свои палатки на одном берегу реки, норманны — на другом. Затем, в назначенный час, вперед вышел Рольф, чтобы встретить короля. И он сделал то, что крайне изумило бы его отца Рюгнвальда и его предков-викингов. Он склонил свою голову к рукам короля и сказал: «Отныне я — твой вассал и твой человек, и я даю клятву, что буду честно защищать твою жизнь, члены и королевскую честь».

После этого король и сопровождавшая его знать формально присвоили Рольфу титул герцога, или графа, и поклялись, что будут защищать его и его честь, а также

все земли, указанные в договоре. Однако есть старое предание о том, что, когда Рольф направился к королю Карлу, чтобы преклонить колени и поцеловать ногу в знак подчинения, он тотчас же воспротивился этому. Возможно, ему в голову пришла мысль, что кто-то из его французских соперников возродил этот франкский обычай злонамеренно, чтобы уязвить его гордость. Так или иначе, он только спокойно кивнул одному из своих спутников, чтобы тот подошел и занял свое место. Вперед выступил один из мужчин. Нет сомнения, что его глаза искрились смехом, а рыжая борода скрывала улыбку; он вовсе не преклонил колена, а схватил ногу короля и поднял ее так высоко, что несчастный монарх упал навзничь. При этом все бывшие пираты покатались со смеху. Они не были высокого мнения о Карле Простоватом, эти спутники Рольфа Гангера.

Затем в Руане состоялась свадьба. Сюда пришли с невестой высокопоставленные бароны Франции. Это был не очень счастливый день для Гислы, которую Рольф никогда не любил, потому что был намного старше ее. Когда она умерла, он забрал назад Пиппу, первую жену — если не считал ее в действительности своей единственной женой.

Тогда, в день свадьбы, он также принял христианство, хотя, должно быть, это больше повлияло на изменение его манеры говорить и вести себя, чем на его образ мышления. Рольф очень дружелюбно отнесся к напутствиям архиепископа и, прежде чем разделить новые земли среди своей знати, часть земель передал церкви. Согласно требованиям церемонии, он надел длинную белую рубаху, такую, какую носят только что крещенные люди. Наверное, было очень забавно смотреть на него все эти семь дней, в течение которых он был так одет. Однако старый мореплаватель сохранил свое знаменитое достоинство; каждый день в течение этой особенной недели он по очереди наделял семь церковей поместьями. Затем он снова надел прежнюю одежду и все свое время посвятил решению политических вопросов. Он разделил Нормандию между норвежскими вож-

дами, которые были вместе с ним в этом последнем счастливом путешествии.

Говорят, Рольф был основателем системы землевладения, соответствующей обычаям феодальных времен. Ему приписывают также создание регулярной системы прав собственника, правил найма и раздела земельной собственности, однако какие-либо государственные документы или грамоты, относящиеся к тем давним временам, отсутствуют, так что подтвердить это невозможно.

В любом случае он прославился как лучший правитель, а его провинция стала образцом для остальных и была самой современной в Галлии. Он способствовал восстановлению больших и малых разрушенных городов, церкви в годы его правления постоянно ремонтировали и приводили в порядок. В Руане до сих пор сохранились руины церквей, построенных при Рольфе.

Это очень соблазнительно остановиться, разузнать и описать все, что можно, о временах правления первого герцога Нормандии — так много обычаев и правил, появившихся позднее, связаны с правлением Рольфа. Во всех преданиях о норманнах прослеживается мысль об их сходстве со своим первым вождем и о его влиянии. Его преемники унаследовали многие его дарования — живость мышления и речи, ясный ум и энергию. Даже те из них, кто не был лишен пороков, обладали умом и привлекательностью, что заставляло друзей любить их, несмотря на грехи и вероломство.

В те дни большое внимание уделялось вопросам получения образования людьми благородного происхождения. Рольф понимал все преимущества образования даже тогда, когда больше доверял родным северным традициям, опирающимся на силу и мужество. Если бы он полагал, что этих качеств достаточно для достижения успеха, и воспитывал сына только как пирата или воина, то будущее норманнов и их правителей оказалось бы совершенно другим. Необходимости получения хорошего образования придавали большое значение, и это было как бы семейной докт-

риной в течение всего существования династии Рольфа. Однако в характере каждого из нормандских герцогов, о которых мы расскажем в дальнейшем, просматриваются черты морских королей, смешанные с позднейшими образованностью и хорошим воспитанием.

Нельзя не удивиться, узнав, что молодой Вильгельм, внук старого Рюгнвальда, так полюбил книги, что просил отца позволить ему уйти в монастырь. Его мудрый наставник Ботто научил его гордиться другим своим дедом, графом Беренгером, который принадлежал к одной из самых образованных французских семей. Ботто учил Вильгельма брать пример с почтенных священников Нормандии так же, как и с великих вождей. То тут, то там мы находим свидетельства того, что ему нравилось делать добро и оказывать милости, несмотря на прозвище Вильгельм Лонгсворд (Длинный Меч), данное ему народом за войны, которые он вел.

Нормандия была довольно дикой страной, когда там стал править Рольф, но к моменту его смерти она очень изменилась к лучшему. Большое внимание он уделял защите крестьян. Он издавал законы и требовал их соблюдения, поэтому во всем маленьком королевстве кражи были редкостью. Крестьяне могли оставлять скот и орудия труда в поле, и, если случалось так, что те оказывались украденными, герцог брал на себя ответственность за это.

Есть прекрасная легенда о Рольфе, похожая на аналогичные истории о других мудрых правителях. Однажды он решил поохотиться, и после окончания охоты состоялся небольшой пикник в лесу. Рольф захотел убедиться в порядочности и верности своего народа. Он снял два своих золотых браслета — символы высокого положения, — повесил их на ближайшее дерево и уехал. Спустя долгое время он вернулся за ними — сверкающие браслеты в целости и сохранности висели на месте. Скорее всего, эта история выдумана, хотя повторяется в разных странах — Англии, Ирландии, Ломбардии. В любом случае она сви-

детельствует об уровне общественной безопасности и порядка, а также о благодарности народа по отношению к своим королям.

Рольф привез с собой в новый дом некоторые хорошие скандинавские обычаи, поскольку его народ имел тесные связи с Норвегией. Например, если батраки богатого крестьянина по каким-то причинам не могли выполнить работу, то он мог попросить помощи у соседей, и тогда все приходили и помогали ему убирать урожай, не требуя при этом никакой платы. Кроме того, ничто не наказывалось так сурово, как уничтожение или кража урожая. Считалось, что поле находится под замком у Господа и небо служит крышей. Если кто-то осмеливался украсть что-либо с чужого поля, забрать урожай в свой амбар, то платил за это собственной жизнью.

Правда, это не очень вяжется с прежними «подвигами» морских королей на чужбине, но в целом они были строгими правителями и очень честными людьми у себя на родине. Считается, что одно из современных английских слов — «ура» — появилось во времена правления Рольфа. Французы называли Рольфа Roi, и существовал обычай, согласно которому человек, оказавшись в опасности или преследуя врага, кричал: «На roi!» — и таким образом призывал к справедливости именем герцога Рольфа. Услышав этот крик, каждый был обязан немедленно принять участие в преследовании злоумышленника. И кем бы тот ни оказался, он должен был уплатить большой штраф Рольфу. Отсюда берет начало старинный английский призыв к поимке преступника: «Лови, держи!», так же как и американский обычай кричать «ура!», когда мы довольны или возбуждены.

Мы не перестаем удивляться, когда видим, как быстро норманны стали французами по образу жизни и даже по особенностям речи. Следы их собственного северного языка, за исключением названий нескольких местностей в Нормандии, едва обнаруживаются. Однажды поселившись в своих новых владениях, Рольф и его последователи, по-

хоже, теперь так же были заинтересованы в укреплении благосостояния Нормандии, как раньше стремились опустошить ее. Они уже гордились тем, что они норманны, а не северяне. В противном случае их страна не смогла бы совершить того, что было сделано во времена после правления Рольфа. И Руан не стал бы таким образцовым французским городом, каким стал уже в период правления Рольфа. В его власти было хорошо управлять и улучшать жизнь людей. Его энергия и быстрота принятия решений позволили ему перенять лучшие черты и способности у своих новых соотечественников, которые служили образцом для подражания.

Со времен экспедиции кораблей викингов, которые доставили Рольфа и его союзников — поначалу равных — пролегал долгий путь от Гебридских островов к нормандским землевладельцам и мирным гражданам во главе с могущественным герцогом, поселившимся во дворце Руана. Как известно, Рольф разделил земли Нормандии между своими товарищами. И они представляли собой настоящую аристократию (правление лучших — вот что означает истинная аристократия). Безусловно, и при новом порядке было достаточно и беззакония, и несчастий. Но мы отчетливо видим, какой значительный прогресс произошел во времена правления первого герцога, даже если не можем поверить в то, что все эти прекрасные истории, рассказанные летописцами, правдивы.

Рольф умер в 927 году. По свидетельству его друзей, он был набожным христианином. Как утверждают его враги, он сохранил уважение к языческим идолам. Он умер в преклонном возрасте. По сей день его почитают за храбрость, справедливость и мужество. Некоторые говорят, что, прежде чем прибыть в Нормандию, он был пиратом. Оглядываясь на те дни морских странствий, грабежей и насилия, можно предположить, что на склоне лет его больше всего радовал вид полей, плодовых деревьев и волнующихся нив, что он был доволен городом Руаном и своим сыном Вильгельмом, который был другом священников.

Перед смертью Рольф стал немощным и слабоумным, поэтому правление герцогством передал сыну. Он умирал долго, в течение нескольких лет, и нам больше ничего не известно о нем, кроме того, что перед смертью его мучили ужасные сны о пиратском прошлом. Его беспокоили видения загубленных людей и произведенных им опустошений.

Но мы с радостью узнаем: он очнулся на время, достаточное для того, чтобы богато одарить церковь и бедноту, которые облегчили его последние страдания. Он был похоронен в церкви города Руана, там находится его могила с надгробной плитой и высеченной из камня фигурой старого усталого человека с испещренным морщинами лбом. Лицо 80-летнего старца выражает усталость и печаль, но, несмотря на одежду герцога Французской Нормандии, он выглядит как северянин. Его преемнику необходимо было обладать достаточной смелостью — когда умирал старый Рольф и его доспехи висели на стене, на границах еще продолжались войны и в герцогстве существовала опасность новых волнений.

III

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛОНГСВОРД (ДЛИННЫЙ МЕЧ)

*Во славу давно минувших битв.
Вордсворт*

Прежде чем проследить судьбу нового герцога, молодого Вильгельма Лонгсворда, нам следует сделать краткий обзор истории Франции и посмотреть, какие традиции могли оказать влияние на колонию северян и каковы были взаимоотношения между соседями. Возможно, чтобы все стало понятно, стоило бы вернуться во времена правления Карла Великого, унаследовавшего великое королевство и затем расширившего его посредством войн и благодаря искусству управления государством (еще до коронации в

Риме в 800 году), императора не только Германии и Галлии, но и части Италии, северо-восточных областей Испании. Большая часть этой территории разделила славу Великой Римской империи и впоследствии пала вместе с ней. Будучи человеком, обладающим огромной властью и значительными возможностями, Карл Великий восстановил многие прежние достижения.

Наряду с проведением своих великих кампаний он находил время для развития образования в стране. Он основал нечто вроде педагогического училища, где преподавали лучшие учителя, а его дочери занимались переписыванием рукописей. Самому императору нравилось, когда во время трапезы ему читали книги, а по ночам он любил наблюдать за звездами.

Может быть, некоторые истории о нем и придуманы, но то, что он был великим полководцем, опытным правителем и законодателем, а также просветителем, бесспорно. Так же, как и Рольф, он был одним из тех, кто оставил значительный след в мировой истории. В годы его правления был сделан большой шаг вперед. Когда мы узнаем, что ему потребовалось около 40 лет, чтобы покорить саксов, которые жили в северной части страны, когда читаем рассказ о великой битве при Ронсевале, где победу одержали баски, когда следим за Карлом Великим во времена этих кампаний, мы не можем не заметить, что его противники сражались против того порядка, который он представлял. И не только потому, что они не хотели видеть Карла Великого в качестве своего короля, но и потому, что они не желали принимать христианство и отказываться от своей веры и идей.

Когда он умирал, то был правителем великого союза стран, которые до этого не могли объединиться из-за различий и вражды. Карлу Великому удавалось управлять всеми, потому что ему подчинялись все сыновья и военачальники, которых он сделал правителями различных провинций, — все они зависели от него. Его слава была огромна. К нему приезжали послы из далеких восточных стран, и он,

бесспорно, чувствовал, что создает великую империю для своих потомков.

Но через 30 лет после его смерти империя раскололась на три части, а спустя еще 34 года вся она рассыпалась в результате неумелого правления его потомка, которого также звали Карл, но в отличие от своего великого прадеда он вошел в историю как Карл Толстый. Из осколков старой империи были образованы королевства Франции, Италии и Германии с менее значительными государствами — Лотарингией, Бургундией и Наваррой. Но, хотя великая империя распалась на куски, каждая ее часть сохранила ту духовную сущность, которую вдохнул в нее великий император. И поэтому в его обширных владениях не было уголка, который даже спустя долгие годы после его смерти не способствовал бы развитию человеческой цивилизации.

Все это время усиливала свои позиции знать, поскольку власть изначально предоставлялась лишь военачальникам короля, которые назначались или смещались с постов в зависимости от королевской прихоти. Со временем они добились передачи занимаемого положения по наследству, а также определенных прав и привилегий. Все это легло в основу феодальной системы, а с ее развитием глубоко укоренилось.

Каждый военачальник имел надежду стать хоть маленьким, но правителем и завещать семье все блага и приобретения, которые ему удалось добыть. И как только эти феодальные вожди набирали силу, они готовы были вести сражения — не только все вместе за своего короля или сюзерена, но и за себя. Землевладелец мог со своими подданными выступить против соседа в надежде на то, что заставит его платить дань.

Если вы знакомы с «Историей Рима» или с «Расцветом и падением Римской империи», то можете проследить за еще более ранними изменениями, происходившими в Древней Галлии. Франки, воинственный союз германских племен, двинулись на запад. В V веке, когда пала Великая Римская

империя, сотни, тысячи франков поселились в захваченных провинциях. Но странное дело: со временем они исчезли, но не потому, что они или их потомки вернулись назад и оставили Галлию, а потому, что приняли образ жизни и обычаи этой страны. Их еще называли франками, и даже часть страны называлась Францией, но обе расы уже полностью смешались друг с другом, и покорители были такими же галлами, как и покоренные. Они даже говорили на новом языке. Из этого явствует, что произошло усиление расы галлов, а не ее покорение. Так что приход франков означал собой основание не новой провинции Германии, а французской нации.

Сильно изменился язык, потому что, безусловно, к нему были добавлены многие франкские или германские слова, как прежде к галльскому языку романские. Были и другие перемены. Действительно, нас несколько не удивляет факт, что германские короли, потомки самого Карла Великого, считались иностранцами, а некоторые французские вожди, феодальные лорды и принцы противопоставляли себя монархам.

Это были смелые люди, готовые сражаться за то, чего хотели добиться. Карл Толстый не смог удержаться на троне. Во время правления Рольфа Франция постоянно вела войны, иногда внутри страны, и почти всегда — с соседними провинциями и королевствами. Современник Рольфа, Карл Простоватый, потерял свое королевство в 922 году, когда знать подняла мятеж и его место занял другой вождь, которого звали Гуго Великий, граф Парижа. До конца своих дней Карл Простоватый был пленником графа Вермонда, у которого он требовал защиты и на дочери которого был женат Вильгельм Лонгсворд.

Среди французской знати предательство было совершенно обычным явлением. Каждый стремился стать богаче и величественнее и служить там, где можно было получить больше выгод. Много времени тратилось на дипломатию, переговоры, а также на сражения, однако во всем этом было мало преданности народу и заботы о его благосостоянии.

В Нормандии стремление к улучшению ситуации проявлялось все более и более целенаправленно; вместо того чтобы отстаивать осколки расчлененного королевства, Рольф осторожно строил новое, а вместо того чтобы ломать законы, создавал новые и заставлял придерживаться их, пытаясь добиться торжества добродетельных начал и права в противовес воровству и предательству. Не следует судить о том времени с позиций сегодняшнего дня, поскольку многие вещи, которые тогда считались правильными, сейчас таковыми не являются. Рольф прекрасно знал, что порядок и храбрость — это благо, и что образование — это тоже благо, так что он хранил в своем герцогстве мир, хотя и был достаточно подготовлен для ведения борьбы с врагами. Он отправил своего сына Вильгельма Лонгсворда в школу и сделал его таким же хорошим учеником, как и солдатом. Это было самое лучшее образование, которое мог получить молодой человек в те беспокойные времена.

При Рольфе Нормандия хранила верность королю. Однако, когда правителем стал его сын, произошел целый ряд изменений, поскольку Вильгельм постоянно менял свою лояльность — то королю, то герцогу. Приняв власть от своего отца, он застал Нормандию и Францию в состоянии войны: Рольф не признавал никакого другого короля, кроме Карла, который находился в тюрьме, в то время как на французском престоле находился узурпатор Рудольф Бургундский.

Очень трудно сейчас проследить за ролью различных участвующих сторон и их вождей, которые постоянно переходили с одной стороны на другую, и не совсем понятно, что это была за честь быть королем, когда вассалы были настолько могущественны, что могли восстать против своего властелина и пойти на него войной, когда им заблагорассудится. Зачастую их желание иметь короля ограничивалось лишь стремлением показать собственное величие по сравнению с ним. В то время самое заметное место среди них занимал герцог Парижа Гуго. Невозможно не уди-

виться, узнав, что, имея огромные владения и личную власть, герцог не поставил себя во главе королевства. Вместо этого он избрал другой путь — оставаться подданным короля и в то же время контролировать его действия, грабить его территории и держать в узде. Ничто не мешало ему менять свою странную верность от одного короля к другому, но он всегда оставался именно подданным своего короля. При этом было три момента, когда только собственные планы могли помешать ему водрузить на голову корону Франции. Герцог был более сильным руководителем, чем его союзники и, похоже, обладал лучшими человеческими качествами.

Карл Простоватый отдал земли Нормандии, и ему первому были принесены клятвы верности. Так что и Рольф и Вильгельм приняли его сторону и были врагами как узурпатору, так и недоброжелателям короля. Когда Вильгельм стал во главе герцогства, то одним из первых его шагов было засвидетельствовать почтение королю Карлу, вассалом которого был его отец. Вильгельм не присягал узурпатору Рудольфу до самой смерти короля, и даже потом ждал еще три года. Все же Рудольф был явно рад дружбе с Вильгельмом и подарил ему побережье Бретани. Нормандский герцог был опасным соперником в случае возникновения каких-либо волнений, а сами норманны были весьма независимы в суждениях. Один из соратников Рольфа как-то сказал французу, что его властелин, придя сюда королем без королевства, сейчас обладает значительной территорией, благодаря солнцу и Богу. Оба правителя доверяли друг другу, что было необычно в те дни. Каждый строил собственные амбициозные планы, и все заключаемые союзы и дружественные договоры были предназначены лишь для выполнения этих планов. Подданные Рольфа знали, что земли Бретани были не свободным даром во имя дружбы. Это была цена мира и союзничества.

Если поломать голову и проанализировать события, относящиеся ко времени правления Вильгельма, можно об-

наружить, что иногда он выступал против Рудольфа в союзе с графом Парижа Гуго. В другие времена он был в союзе с Рудольфом, хотя и не называл того королем. Но чаще он не имел ничего общего ни с одним, ни с другим.

Большинство норманнов приняли христианство за много лет до описываемых событий, во времена правления Рольфа, и прошли обряд крещения, но некоторые отказались от него и по-прежнему придерживались обычаев предков. Эти люди образовали отдельное «сообщество» или колонию около города Байе и даже после смены нескольких поколений, внешне придерживаясь существующих обычаев, в душе оставались северянами. Они очень выделялись среди других норманнов своей буйностью и почти не прекращающейся оппозицией по отношению к герцогам. Некоторые из них прикрепляли к щитам старые языческие символы и шли в битву, выкрикивая северный военный клич «*Thor aide!*» («Тор, приди на помощь!») вместо благочестиво-христианского «*Diew aide!*» («Помоги, Господи!») или «*Dex aide!*», как было принято в Нормандии.

Даже если следы язычества все еще сохранялись в душе самого Рольфа, можно быть абсолютно уверенным, что его сын, наполовину француз по происхождению, был почти полностью французом в чувствах. Однако мы не должны забывать: он был не сыном Гислы, сестры короля, а сыном Пиппы из Байе. У нее был брат или, скорее, сводный брат, которого звали Бернард Сенлис. Несмотря на то что Рольф был убийцей его отца, что никак не способствовало дружбе, он, похоже, очень сдружился с северным вождем.

Последствия войн были так привычны в те далекие дни, и так много людей яростно враждовали друг с другом, что пример таких искренних, добрых отношений в преданиях о ранних норманнах удивляет. Даже глупая кличка жены Рольфа «Пиппа» — название куклы или какой-нибудь маленькой безделушки — благодаря которой было забыто ее собственное имя, это намек на нежность и признак нали-

чия домашнего уюта, который было бы обидно потерять. Что касается Бернарда Сенлиса, он защищал не только права детей и внуков Рольфа, но и их жизнь, и, если бы не он, преемники Рольфа никогда не стали бы герцогами Нормандии.

Несмотря на унаследованную от предков власть и личную храбрость, Вильгельм оказался в очень трудном положении. Он был верен своим взглядам на право и могущество, и можно полагать, что по своей полуфранцузской, полунорманнской природе мог бы правильно понять обе стороны, которые очень скоро стали противостоять друг другу в Нормандии. Он правил как французский принц. Он и его сторонники страстно желали сохранить место в общей конфедерации Франции. Столь же страстно они желали, чтобы Нормандия была французской по религии, манерам и обычаям. Единственное, чего они не хотели, так это поглощения Нормандии Францией в политическом смысле. Хотя и были некоторые люди, датчане по происхождению, старые товарищи Рольфа, которые соглашались с этой точкой зрения и были готовы разделить судьбу Франции (среди них были Ботто, старый наставник Вильгельма, Ослак и Бернар Датчанин, о котором мы еще услышим), но существовала и большая группа норманнов, которые протестовали, причиняя массу неприятностей.

Французская речь Вильгельма и его французские друзья стали причиной того, что ему уже перестали доверять и даже перестали любить многие из его собственных подданных. Все еще сохранялось сильное влияние язычества и прежних традиций в тех областях Нормандии, которые заселялись первыми; в то же время на новых территориях Бретани некоторые независимые датские города, населенные главным образом потомками тех, кто проторил себе путь в страну еще до Рольфа, были еще менее готовы к французскому правлению, чем норманны. Объединившись, союзники, недовольные норманнами, организовали мятеж. Предводителем его стал один из бретонцев, независимый датский вождь. Мятежники, требовавшие одной

уступки за другой, насмерть перепугали герцога Вильгельма: он даже предложил оставить свое герцогство и просить защиты у своего французского дяди, Бернара Сенлиса. Можно подумать, что во время этой кампании Вильгельм забыл свой знаменитый меч дома. Однако выясняется, что его старый советник, Бернар Датчанин, убедил его вернуться и дать отпор бунтовщикам. В результате была одержана окончательная победа и мятеж на этот раз был подавлен. В старых хрониках замечательный успех Вильгельма описывается как чудо.

Две норманнские группы удерживали отдельные территории и были разделены географически. Каждая из них мечтала о том, чтобы держаться отдельно и не быть связанной с другой. Христианский герцог, который любил французские язык и правительство, должен был удерживать христианские Руан и Эвре, которые оставили французы.

Что касается язычников-датчан на западе, то они предпочитали не зависеть от вождя, который отвернулся от традиций и верований предков. Определенное время мятежники вынуждены были скрывать свое недовольство и терпеть обиды, поскольку их противники являлись их хозяевами. А Вильгельм мог рассчитывать по мере расширения своих владений на все большую роль во французской политике.

В течение всей жизни его не оставляли религиозные порывы, и, как известно, одно время было очень трудно удержать его от монашеского обета. Тем не менее он не был слишком щедр в отношении церкви (чего, казалось бы, следовало ожидать от хорошего монарха). Большинство аббатств и храмов, пострадавших во времена пиратских опустошений, продолжало влачить жалкое существование, а некоторые из них были совершенно покинуты. Его правление описывается как справедливое и энергичное, как правило, подданные любили его и поддерживали его власть.

Вильгельм постоянно стремился к тому, чтобы его народ развивался в рамках христианской цивилизации, а

также французского закона и порядка. Тем не менее он не стремился отказаться от языка или идей предков. Безусловно, он по-разному относился к западным поселениям и к датской части своих владений в различные периоды правления. Так или иначе, он приложил много усилий, чтобы отождествить себя со всем французским. Несмотря на это, Вильгельм еще часто ощущал на себе надменные взоры современников, которые называли его герцогом пиратов. Так что в последние годы он больше заботился о народе своих предков и даже (так говорится в предании) разрешил новой датской колонии, прямо из Дании, поселиться в Бретани.

Его юный сын Ричард был предоставлен заботам не французских священников, а его собственного старого наставника, Ботто Датчанина. Мальчик и его учитель были специально посланы в Байе, тот самый город, который некогда помог опустошить дед молодого Ричарда, Рольф.

В Руане язык северян был к тому времени почти полностью забыт, но наследник герцогства был послан туда, где мог слышать его каждый день, хотя его добрый учитель и перенял французские манеры и религию Рима. Вильгельм Лонгсворд убедился в том, что невозможно пытаться быть либо датчанином, либо французом. В планы герцога Нормандии входило быть одновременно и датчанином, и французом. Впоследствии чаша весов, похоже, склонилась в сторону всего датского. И после беспорядков, сопровождавших закат его правления, Вильгельм умер от рук своих врагов, которые убедили его провести встречу с Арнульфом во Фландрии, где он внезапно умер.

Следующий, 943, год был знаменательным в истории Франции. Именно в этот год произошли два важных события — рождение и смерть, которые изменили ход истории. Граф Вермонда, тот самый человек, который держал в тюрьме и, возможно, убил Карла Простоватого, сам был убит или, по крайней мере, умер необъяснимой и ужасной смертью, как принято говорить о тиранах и цареубийцах. Его владения были разделены между сыновьями, за

исключением территорий, которые захватил граф Парижа Гуго. (Это о том, что касается смерти.) В тот же год родился сын и наследник самого Гуго. Его первой женой была англичанка Эдхильда, но к его великому сожалению, она умерла бездетной. Родившийся же ребенок был сыном его жены Хадвизы, дочери короля Германии Генриха, которого, как и его отца, называли Гуго, Гуго Капет — будущий король.

После рождения сына Гуго изменил свою политику. Это верно, что сам он никогда не соглашался быть королем, но совсем другое дело было препятствовать сыну в осуществлении власти во Франции. Сейчас француз стал чаще сопоставлять себя с франком. То же самое происходило, как мы уже наблюдали, когда норманн начинал отделять себя от северянина. Под управлением Рольфа Нормандия была постоянно лояльна по отношению к королю Карлу Простоватому, при Вильгельме она переходила от короля к герцогу. Мы еще увидим, как под управлением Ричарда Нормандия будет снова становиться французской.

В годы правления Вильгельма Лонгсворда, который принимал сторону то французов, то северян, каждый подданный был готов сражаться вместе с ним, не очень беспокоясь о том, за что, собственно, воюет. И везде встречаем яркое описание фигуры молодого герцога, несущего свой знаменитый меч, которому суждено было стать символом порядка и мира. Золотая рукоятка и длинное сверкающее лезвие меча достаточно часто фигурируют в преданиях о жизни Вильгельма. Едва ли можно представить его без этого великолепного оружия. Этим мечом Вильгельм мог нанести мощный удар. Но несмотря на необыкновенную силу, у него была стройная фигура, красивые черты лица и светлая, как у девушки, кожа. Его обаяние и непринужденные манеры делали его притягательным для друзей.

Один биограф пишет: «Он отличался красотой, прекрасно находил общий язык со всеми. Вильгельм Лонгс-

ворд мог цитировать наизусть какой-нибудь текст священнику, уважительно слушать мудрые речи стариков, оживленно беседовать о шахматах с друзьями за столом, обсуждать стремительный полет сокола и повадки охотничьих собак».

Когда он захотел стать монахом, его переубедили: ради Нормандии он должен выполнять свое предназначение в миру, а не в монастыре. Несмотря на веселую жизнь и склонность к забавам и удовольствиям, когда он умер, его последователи нашли под его великолепными одеждами власяницу и кнут. И когда в Руане его провожали в последний путь, люди видели вывернутую наизнанку у шеи власяницу.

У него не было той жесткости и решительности, которыми должен был обладать герцог Нормандии. Он был добр, эмоционален и глубоко несчастен и не мог при всем своем могуществе делать то, что требовалось.

IV РИЧАРД БЕССТРАШНЫЙ

*Французская лилия растоптана вражеской ногой.
Драйтон*

Штаб-квартирой норманнов был город Байе и его окрестности. Последователи Рольфа и более поздние колонисты сохраняли город практически свободным от французского влияния. Сюда и был направлен для изучения языка северян маленький сын Лонгсворда Ричард (матерью которого была первая жена герцога Эсприота, на которой тот женился согласно датским традициям). Ричард жил вместе со своими учителями у графа Бернара и здесь узнал об убийстве своего отца Арнульфом Фландрским, с которым Вильгельм Лонгсворд поддерживал хорошие отношения.

Представим, как выглядел юноша и каким было его окружение. Уже тогда Ричард увлекался охотой и, должно быть, однажды вечером, вместе с охотниками войдя в дом, обнаружил в нем затаившего дыхание посланника, кото-

рый принес известие о смерти Лонгсворда. Представим выложенную камнем комнату с низкой крышей, толстыми колоннами, глубокими облицованными камнем оконными проемами, через которые проникал ветер, колышущий пламя факелов. По углам комнаты горели большие костры, около одного из них слуги готовили ужин, а посередине на каменной плите лежали сваленные в кучу туши оленей или других животных, добытых охотниками. Каминов не было, и дым стлался вдоль стен, находя выход в потолочных отверстиях.

У одной из стен комнаты было возвышение в две ступени, на котором располагался большой стол. На нем были разложены рога для питья, миски, возможно, красивые серебряные кубки с изображениями винограда, фавнов и сатиров. Эти кубки были привезены северными пиратами в давние времена из Италии. Пол был покрыт тростником, который разбрасывали женщины, живущие в доме. Некоторые из них носили старинные северные украшения из серебра со вставленными кусочками коралла. Эти украшения также были привезены из Италии... Огромные шотландские борзые вытянулись на полу, отдыхая после тяжелой дневной работы. Юный Ричард также устало опустился в высокое резное кресло у костра.

Звук охотничьего рога заставляет всех прислушаться. Что последует за этим сигналом? Атака и осада? Ведь в те смутные времена друзья были более редкими посетителями, чем враги!

Лают растревоженные псы. Опять снаружи, за воротами, звучит рог, и кто-то выходит узнать, что же случилось. Оставшиеся слышат скрип огромных завес, по мере того как открываются ворота. Топот копыт во дворе. Собаки, поняв, что опасаться нечего, лениво возвращаются спать на свои места. Но когда жильцы дома вновь собираются в большом зале, то их лица уже омрачены: что-то случилось.

Среди прибывших двое, два старых графа, которых все знают. Опустив головы, они скорбно приближаются к Ричарду, который стоит у небольшого костра на почетном

месте у кресла своего отца. Неужели отец вернулся раньше, чем ожидалось? С минуту сердце мальчика бьется сильнее в надежде, затем он пугается наступившей в большом зале тишины. Умолкли песни и разговоры, стоит гнетущая тишина, даже собаки притихли и безмолвно наблюдают за происходящим со своих камышовых подстилок. Потрескивают костры, отбрасывая длинные тени по комнате.

С чем же они приехали, эти два графа, Бернар Харкурт и Райнульф Ферьер? Они становятся на колени перед мальчиком, которому хочется броситься прочь неизвестно почему. Стоя на коленях, граф Бернар берет маленькую руку Ричарда в свою и говорит следующее: «Ричард, герцог Нормандии, я твой преданный сторонник и верный вассал». После этого другой граф повторяет то же самое, а Бернар встает, закрывая руками лицо, по которому текут слезы.

Изумленный Ричард тоже встает, остальные благородные воины один за другим клянутся в верности и в готовности служить ему. И тут Ричард начинает понимать истинную причину всего этого: его любимый отец умер, и он должен теперь стать герцогом. Он, глупый мальчишка, должен занять место статного мужчины со сверкающим мечом, на черном коне и в пурпурном одеянии, с пером в высокой герцогской шляпе, такой же великолепной, как и его корона. Он должен принять старых графов в качестве партнеров и научиться управлять провинцией Нормандия. Какую же длинную и страшную, полную скорби и печали ночь предстояло пережить мальчику, который так рано лишился отца и которому суждено в будущем заслужить гордое имя Ричарда Бесстрашного!

На следующий день они отправились в Руан. Здесь, когда собралась вся знать, с большими почестями был похоронен погибший герцог. Народ, оплакивая его смерть, был готов отомстить за предательское убийство. После службы Ричарда вывели из храма и провели на законное место. С него сняли тяжелые черные одежды и облачили в ярко-крас-

ную тунику, его длинные темные волосы были уложены локонами, и он был великолепен, этот маленький герцог. (Хотя глаза его покраснели от слез и он едва переносил все эти помпезность и пышность, которые еще раз подтверждали то, что отец оставил его.)

Его провели в большой зал дворца, и здесь он увидел баронов, которые присутствовали на похоронах его отца. Мальчику было велено снять шляпу и низко поклониться всем в ответ на приветствие. Затем он медленно пересек зал, и все бароны последовали за ним длинной вереницей, занимая в процессии места в соответствии со своими титулами, — первым шел герцог Бретани, а замыкал процессию самый бедный из рыцарей. Все они направились в собор Нотр-Дам, великий храм Руана, где совсем недавно звучали торжественные похоронные песнопения.

Когда Ричард подходил к своему месту у алтаря, где так часто видел отца, в соборе присутствовали все священники и нормандские архиепископы, пел хор. Были исполнены все долгие службы, и тогда мальчик-герцог именем Бога и народа Нормандии дал обещание, что будет хорошим и справедливым правителем, будет защищать свой народ от врагов, устанавливать истину, карать зло и защищать церковь. Два епископа облачили его в огромную мантию нормандских герцогов, сшитую из малинового вельвета и отделанную мехом горностая (мантия была так длинна, что лежала складками на земле). Затем архиепископ водрузил на голову мальчика корону, которая была так тяжела и велика, что одному из баронов пришлось ее придерживать. Напоследок они вручили Ричарду меч его отца, который оказался выше него. Однако мальчик крепко ухватил меч за рукоятку и держал его на всем пути к трону, хотя граф Бернар предлагал ему помощь. Затем вся знать засвидетельствовала свое почтение, начиная с герцога Бретани Алана. Именем Господа Ричард поклялся, что будет хорошим лордом и будет защищать каждого из них. Возможно, пожилые люди, которые в свое время последовали за Рольфом Гангером,

прониклись нежностью к этому внуку храброго вождя. Друзья же добросердечного Лонгсворда настроились быть лояльными и по-отечески относиться к этому беззащитному ребенку, на которого так рано обрушилась такая честь и такая ответственность.

Давайте посмотрим, какие изменения произошли в Нормандии с приходом Рольфа, как возросло благосостояние и укрепился порядок в герцогстве. Времени для формирования и установления феодальных и родовых настроений было достаточно, и Нормандия была в первых рядах французских герцогств. Но пройдет еще какое-то время, прежде чем датчане и норвежцы перестанут считать норманнов братьями и родственниками, станут называть их французами, или валлийцами, или каким-нибудь другим именем, которым они называли народы Франции или Великобритании. Править таким герцогством юному герцогу было, безусловно, трудно, ведь время было беспокойное, опасное.

Вильгельм Лонгсворд был крестным отцом наследника нового короля Франции — а это очень близкое родство, — которого звали Луи и который был в мирных отношениях с графом Парижа Гуго. Вскоре после смерти Лонгсворда король Луи прибыл с войсками в Руан. Он потребовал установить над юным Ричардом опеку до его совершеннолетия.

Это было неожиданностью для графов Руана, которые в то время были практически беззащитны. Им не удалось бы противостоять Луи и его сторонникам, поскольку у них не было войск, и они сочли, что в этой ситуации безопаснее позволить Ричарду уехать на некоторое время. Ведь он был вассалом короля, а Нормандия всегда оказывала почести королям Франции. Таким образом в сопровождении верного друга и защитника мальчик покинул славную Нормандию и прибыл в королевский замок в Лионе.

Жители Руана не очень жаловали короля Луи, и это сильно злило его. Власть французского короля действительно не была прочной, и каждый знал, что он был бы

рад завладеть герцогством или по крайней мере его частью. Не было секретом и то, что он не питал вражды к Арнульффу, предавшему Вильгельма Лонгсворда. Так что бароны и все жители Руана, должно быть, были взволнованы и беспокоились о безопасности Ричарда, когда французские всадники увозили его с собой. Время от времени приходили известия о том, что с мальчиком обращаются не лучшим образом. В любом случае ему не оказывали внимания и заботы, которые следовало оказывать герцогу Нормандии.

Жизнь в герцогстве всегда была достаточно бурной как в нормандской, так и во французской частях, когда зависть и соперничество были обычными явлениями. Но все было верно мальчику-герцогу, который связывал обе эти части и говорил на пиратском языке так же хорошо, как на языке французского двора. Случись так, что его жизнь безвременно оборвалась бы, — какие разногласия это вызвало бы среди тех, кто сейчас уже не скрывал желания быть его подданным! Неудивительно, что старые бароны так стремились вернуть Ричарда домой: они не доверяли дипломатическим заверениям и искусству убеждения короля Луи. У Луи было двое сыновей, и вполне естественно, что его могли иногда посещать мысли о том, что в случае смерти Ричарда один из его собственных детей мог стать герцогом Нормандии — при условии, что на пути его не встанет старый граф Парижа Гуго.

Итак, Ричард покинул свою прекрасную Нормандию с ее яблоневыми и вишневыми садами, богатыми фермами. Страну, где оставались его соотечественники датчане и северяне, растерянные, ревностно оберегающие его бароны. Опекал Ричарда молодой человек знатного происхождения по имени Осмонд Сентевильский, который обещал наилучшим образом заботиться о своем юном хозяине. Но, добравшись до зловещего замка в Лионе, они очень скоро поняли, что король Луи не выполнит своих обещаний. Королева Франции Герберга была смелой женщиной, но она стремилась лишь упрочить положение соб-

ственной семьи, и никто не уделял достаточного внимания мальчику, который занимал такое высокое положение дома, в собственном замке в Руане. Остается загадкой, почему Ричард избежал участи своего отца. Возможно, осторожность и бдительность Осмонда не дали свершиться предательству.

Спустя какое-то время мальчик-герцог стал выглядеть очень бледным и болезненным. Осмонд заботливо ухаживал за ним, в то время как остальные обитатели замка питали большие надежды на то, что юный герцог скоро умрет. Предание гласит, что в действительности Ричард вовсе не был болен, а хотел казаться слабым, отказываясь от еды и питья. В любом случае он выглядел так, что ни у кого не было сомнений в том, что он долго не протянет. Однажды вечером обитатели замка предавались веселью в ожидании естественной развязки и даже устроили по этому случаю грандиозный банкет. Больше не нужно было выставлять охрану возле маленького главаря пиратов, и никто почти не обращал внимания на Осмонда, который с осунувшимся лицом сновал взад-вперед около башенной комнаты.

Поздно вечером Осмонд сказал всем, что забыл покормить своего боевого коня и сменить ему подстилку. Он прошел через двор к конюшне с большой охапкой соломы. Слуги замка видели его, но позволили ему пройти, как обычно, и веселье продолжалось. И вот уже тускнеют огни и ночь подходит к концу. Никто не заметил, что в вязанке соломы, которую вынес Осмонд, был спрятан исхудавший мальчик. Несколько часов при свете звезд путники двигались в сторону нормандских границ. Ура! Мы почти слышим стук копыт черного коня по дороге домой и можем вздохнуть с облегчением, когда узнаем, что на следующее утро беглецы благополучно добрались до Кретского замка на территории Нормандии.

Король Луи ужасно рассердился. Он направил послание, в котором потребовал возвращения Ричарда. Однако на этот раз бароны отказались выполнить требование, и

вскоре произошла великая битва. В действительности не могло быть стабильного мира между норманнами и французским королевством. Король Луи все чаще задумывался, как избавить страну от ненавистных ему пиратов. Он и Великий Гуго в душе были врагами, и каждый из них стоял на пути другого. Однако Луи заставил Гуго поверить в свою дружбу. Он предоставил грозному сопернику новые территории и продолжал всеми способами демонстрировать свое королевское покровительство. Каждый из них желал увеличить владения за счет Нормандии.

А если вспомнить, что в самой Нормандии существовало разделение на два лагеря, то станет ясно: Ричарду предстояло пройти тернистый путь. Враг его отца — Арнульф из Фландрии — все еще был врагом Нормандии и всегда тайным или явным союзником Луи. Провинцией Бретань было трудно управлять, и оказывая покровительство французской части своих владений, Вильгельм Лонгсворд в то же время отдал Ричарда на попечение северянам. Однако полностью удовлетворен он не был, поскольку пожилые датчане придерживались старых религиозных традиций и их совсем не беспокоили торжественные церковные ритуалы, согласно которым Ричард получил герцогство. Они были чуть ли не оскорблены такой, на их взгляд, напыщенной церемонией.

Кроме того, наследник Нормандии был отдан на попечение не старым пиратам, а датчанам, принявшим христианство, штаб-квартира которых находилась в Руане. Сам Ричард не был христианином. Он скорее был северянином, но не принадлежал к когорте старых викингов-язычников.

Это было весьма мудрым шагом со стороны Лонгсворда — отдать своего сына на попечение принявшим христианство датчанам, таким как Бернар и Ботто. Но существовало и то, что не вызывало разногласий у норманнов, — они никогда не соглашались быть вассалами короля Франции и слепо повиноваться ему. Когда король забирал юного Ричарда в Лион, они опрометчиво позволили ему сделать это.

Но теперь, когда у них было достаточно времени все обдумать, они поняли, какой ошибкой было отдать мальчика на попечение Луи. Теперь, когда Ричард вернулся, бароны мобилизовали силы и были полны решимости не отдавать его Луи. Когда король вновь явился в Нормандию, чтобы с галантностью великого полководца предложить свое попечительство, а также распространить в герцогстве христианство и отомстить — представьте себе! — за смерть Лонгсворда, его встретила огромная армия.

Непонятно, как, несмотря на множество поражений, королю удавалось содержать свою армию в хорошем состоянии. Он потерял много земель и государственных доходов, и, насколько мы знаем, не было никаких законов, принуждавших служить в армии, недостатка в солдатах не было. Когда король выступал в поход, впереди несли Золотого орла Карла Великого, а когда армия останавливалась на привал, то над королевским шатром развевалось знамя великого императора, его предка.

Что касается датчан (которые представляли лишь северную, или пиратскую, часть Нормандии), они были очень скромными солдатами и обычно сражались в пешем строю, вооруженные мечами и щитами. Некоторые из них уже имели другие эмблемы вместо красных и белых полос на щитах, которые висели вдоль бортов галер. Некоторые были вооружены необычным оружием наподобие цепов, которое оказалось весьма эффективным.

Опустим рассмотрение деталей ненадежного союза между графом Парижа Гуго и королем Луи и их договора о разделе Нормандии. Впоследствии Гуго нарушил этот договор, а Бернар Сенлис организовал заговор против обоих врагов Нормандии. Как раз в это время между Нормандией и Бретанью с новой силой разгорелась вражда, а норманны были более мятежными, чем обычно. Если и было что-то, с чем были согласны все, так это убеждение, что Нормандия должна оставаться неделимой, то есть такой, какой была при Рольфе. Даже если бы и удалось разделить Нормандию между Луи, Гуго и Арнульфом из Фландрии,

норманны сразу послали бы с севера флот кораблей-«драконов» и снова покорили бы страну. Они прекрасно знали, что, какими бы льстивыми и настойчивыми ни были их соседи, когда жаждали перемирия, за спиной те всегда называли их «грязными норманнами», «пиратами» и лелеяли надежду вытеснить их из Нормандии. Между герцогствами и королевством никогда не было теплых отношений.

По прошествии какого-то времени Луи снова убедили в том, что жители Нормандии якобы ничего так не желают, как называть его феодальным лордом и властителем. А Бернару Сенлису удалось убедить короля в том, что норманны уже не хотят иметь в качестве правителя ребенка, а хотят вернуться к прежним временам, когда преемнику Карла Великого присягал Рольф. Король снова должен стать властелином и занять смиренный город Руан... Жители города устали от набегов, их земли опустошены, и они согласны на все, лишь бы избавиться от горестей и тягот войны.

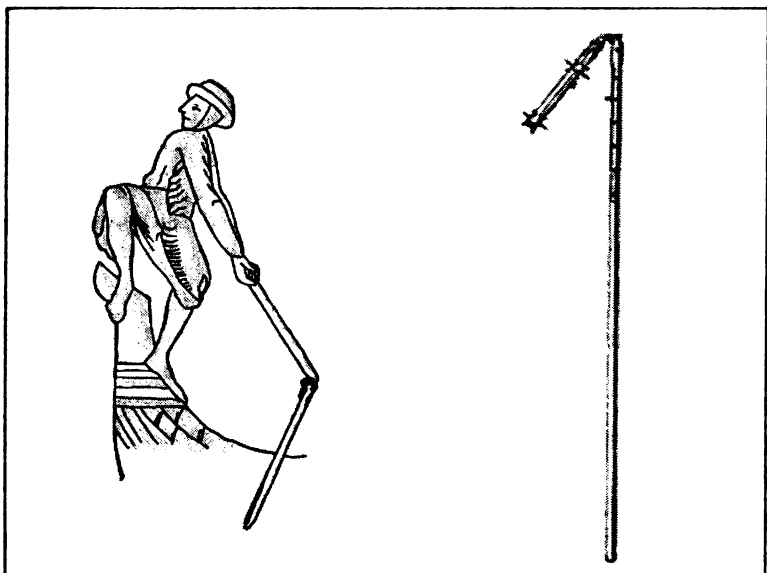
К нашему удивлению и, возможно, неожиданно для самого короля Луи по прибытии в Руан он был принят со всеми почестями, хотя ненавидели его не меньше, чем раньше, и не доверяли ему. Несомненно, Луи в ответ на полученные комплименты ответил тем же. Создавалась видимость, будто подданные любят и почитают его, и нормандский город казался спокойным и особенно покорным перед своим новым правителем и его кичливым войском. Никто толком не мог понять, как же им удалось так легко добиться своих целей, и каждый, ожидая неожиданного заговора, не доверял ни врагам, ни друзьям.

Что касается Луи, то норманны раньше так часто позорили его и издевались над ним, что теперь он вряд ли мог стать добрым властителем. Он стал наконец-то правителем Нормандии, но это стоило ему усилий. Самые ничтожные его приближенные вели себя в городе как покорители и нестерпимо раздражали нормандских подданных. Французы, которые так долго следовали за Золотым орлом Карла

Великого, не получая ничего, кроме славы и скудного содержания, стали настойчиво требовать права разграбить герцогство, чтобы самим завладеть богатствами, которые слишком долго от них утаивались.

Гуго Парижский и король Луи совместно предприняли смелые и рискованные шаги для покорения Нормандии и, к своему глубокому удовлетворению, явно преуспели в этом. Гуго напал на Байе. Под двойным угнетением страна переносила невероятные тяготы. Бернар Датчанин, равно как и Бернар Сенлис, не видел другого пути исправить положение, кроме как держать Луи в Руане и обманывать его демонстрацией полного подчинения. Норманны, должно быть, доверяли Бернару Датчанину, если безоговорочно подчинились Луи. Ведь последний мог пренебречь правами мальчика-герцога и лишит его наследства.

Теперь, когда король благополучно обосновался в Руане, его новые вассалы начали высказывать ему весьма неприятные вещи. Сам король поставил себя в глупое положение на банкете, вскоре после того как оказался в

Цеп как боевое оружие

замке-башне Рольфа в нормандском городе. Бернар Датчанин устроил для Луи пир, на котором подавалось его собственное красное вино. Пьяный Луи стал очень болтлив и открыто заявил о том, что наконец собирается стать хозяином Нормандии, заставит всех чувствовать себя зависимыми от него, чем сильно смутил гостей. Однако Бернар покинул свое место за столом и расположился рядом с королем. Вскоре он начал упрекать его в том, что гот остался с незначительной территорией, лишив себя богатств древней провинции Невстрия. Он доказывал королю, что больше всего от сделки получил Гуго Парижский, а сам он отказался от гораздо большего. Бернар красноречиво описывал великолепные владения, которыми пожертвовал, позволив сопернику короля вмешаться и сделать выбор. Луи же не досталось и седьмой части герцогства, а Гуго Парижский стал хозяином всей Нормандии за Сеной, прекрасной страны, омываемой чистыми источниками, имеющей приспособленные для защиты и торговли порты. Более того, он упустил десятитысячную армию, которая стала союзником его злейшего врага. Бернар и его друзья излагали свою точку зрения Луи так откровенно, что тот допустил большую ошибку. Они согласились, чтобы король был их властелином и попечителем юного герцога, если Нормандия не будет разделена на части (на это они никогда не дадут согласия).

Луи слушал эти предложения в полубессознательном состоянии, а когда протрезвел, понял, что на него насаждают со всех сторон. Гуго Парижский объявил, что, если сейчас Луи нарушит данное ему слово, он разорвет с ним союз. И король знал, что если послушается норманнов, то у него появится грозный противник — Гуго Парижский. Если же откажет, то против него повернут норманны.

С другой стороны, если он позволит Гуго обладать новыми территориями, то этим лишь усилит положение человека, который в душе всегда был его врагом, и рано или поздно это проявится. Собственными солдатами Луи становились очень трудно управлять. Они вновь и вновь

предъявляли претензии, что Рольф не имел законных прав на нормандские земли. Но, как только он разделил их среди своих последователей, немедленно появились причины для того, чтобы покорители, французские хозяева Нормандии, снова завладели тем, что наконец удалось получить назад. Они требовали, чтобы армия-победительница воспользовалась своими правами, и выражали желание овладеть не только обширными землями Бернара Датчанина, но и его молодой красавицей женой. Они не хотели позволить норманнам вообще иметь какие-либо права. Когда слухи об этих коварных планах начали распространяться в Руане и его окрестностях, начались большие волнения. Мятеж был неизбежен, но изворотливый старый Бернар вновь воззвал к терпению и покорности, против чего восстала даже его жена, заявив, что пострижется в монахини и до конца дней своих будет жить в монастыре. Что касается Эсприоты, матери юного Ричарда, то она твердо решила, что должна иметь защитника, и вышла замуж за Сперлинга, богатого мельника из Водре.

В это смутное время Гуго Парижский скрывался у Бернара, и теперь мы начинаем понимать, что планировал все это время Датчанин. Гуго начинал верить в бессмысленность попыток удержать новые владения Нормандии, расположенные за Сеной, и склонялся к мысли, что лучше вернуться к прежней дружбе с норманнами и поддержать герцогство Рольфа Гангера. Таким образом, христиане и язычники со стороны датчан, норманны со стороны французов и Гуго Парижский устроили мощный заговор против Луи. Норманны, должно быть, были удовлетворены выдворением непрошенных гостей и лишением Луи незаконно полученных им прав. Однако Великий Гуго во что бы то ни стало стремился сам захватить Луи.

Кроме Гуго Парижского и нормандских баронов, которые поддерживали молодого Ричарда, существовал и третий важный союзник в этом мятеже против короля Франции Луи. Когда за несколько лет до этих событий умер король Дании, славный Горм, его престолонаслед-

ником стал Гарольд Блаатанд, или Блютут, исключительный для того времени человек, всегда выполнявший обещания и известный своей простотой, честностью и умением держать слово. Мы не знаем, что привело Гарольда в Нормандию в то время, но он оказался там, этот верный друг жителей Байе. Он прибыл со своей армией в Шербур.

Нормандия вооружилась и была готова к решающей битве с французами, хотя предпринимались попытки решить проблему миром. Поначалу все шло хорошо, противоборствующие армии собрались по обе стороны реки Див. И тут появился некто Герлейн Монтрейский, наглый изменник, которого подозревали в убийстве Вильгельма Лонгсворда и который правил в Руане в качестве наместника Луи, вызывая к себе все больше ненависти. Но сейчас он занял видное место в рядах французов, и тут уже ни норманны, ни датчане не могли совладать с собой. Таким образом, мирные переговоры были внезапно сорваны и началось сражение.

Удача отвернулась от французов: один за другим погибали их графы. Золотой орел Карла Великого, шелковые штандарты и знамена французской армии стали добычей норманнов. Что касается короля, то он был захвачен в плен. Говорят его увел с поля боя верный ему дворянин и спрятал на глухом тенистом островке протекавшей неподалеку реки. Несчастный дорого заплатил за это: его дом и имущество были сожжены, а жена и дети схвачены прежде, чем он успел рассказать что-нибудь об убежище поверженного монарха. Существует другая версия: Гарольд Блаатанд и Луи якобы сошлись в рукопашной схватке и датчанин увел француза в качестве приза за собственную храбрость. Королю удалось бежать, но он вновь был схвачен и заключен в тюрьму в Руане. Сейчас он уже молчал о том, что делает с норманнами, если захватит их земли и жен. Несчастный Луи потерпел сокрушительное поражение, но дух его не был окончательно сломлен (так же, как и его храброй жены Герберги, которая, казалось, обладала не меньшими

мужеством и стойкостью). Спустя какое-то время Луи удалось получить свободу, отдав свой замок в Лионе Гуго Парижскому, и преемник Карла Великого был низведен до роли короля провинции Компьен. Он все еще был королем, но никто, кроме Гуго Парижского, не считал его таковым. Впрочем, и для него это было лишь дипломатической игрой.

После завершения великого сражения Гарольд значительно укрепил свои позиции в Нормандии. Народ был очень благодарен ему. Известно, что он восстановил законы, принятые Рольфом, и подтвердил права юного герцога. Сегодня нам не совсем понятно, почему Гарольд вообще оказался в Нормандии и сделал для нее столько полезного. Существует еще одна легенда: двадцать лет спустя он так же благородно сражался на стороне норманнов.

Безусловно, для несчастного Луи настали тяжелые времена, его гордость была уязвлена. Но он все еще был достаточно молод и надеялся исправить положение. Юному герцогу Ричарду было всего тринадцать лет, когда Нормандия оказалась в состоянии вражды с Францией. Он еще не заслужил своего прозвища — Ричард Бесстрашный, под которым войдет в историю как личность героическая. В то время он ждал своего часа для настоящих действий и усиления влияния в Нормандии. Луи в значительной мере сочувствовали его немецкие и английские соседи, однако это не принесло ему большой пользы. Англия направила послов, чтобы потребовать его освобождения, но Гуго Парижский весьма нелюбезно отказался сделать это.

Несколько позже король Германии (или восточные франки) вторгся на территорию Гуго, но поначалу не хотел иметь с ним никаких дел и даже не направил ему своих требований. Когда граф Парижский узнал, что в Германии собирается против него армия, то вынужден был уступить. Но, как известно, Луи пришлось уступить значительную часть своего королевства. На словах он снова был королем. В неволе он утратил власть, которая теперь была восстановлена

с надлежащей торжественностью, а Гуго снова стал преданным вассалом своего бывшего пленника. Если верить нормандским историкам, то все остальные европейские правители, по крайней мере соседи, последовали примеру Гуго — все, за исключением одного. Итак, на берегах Эпты, где Рольф впервые стал вассалом французского короля, нормандское герцогство освободилось от какого-либо господства и стало независимым государством. Герцог по-прежнему назывался герцогом, а не королем, но он был настоящим монархом Нормандии, и ему не надо было ни платить дань, ни подчиняться.

Однако прошло немного времени, и Ричард (или выступающие от его имени бароны — хитрый Бернар Датчанин, Бернар Сенлис и другие) поручил земли и народ Нормандии покровительству благодетеля и союзника — графа Парижского. Нормандские историки не сообщают подробнее об этом событии, поскольку не гордились им так, как своим освобождением от французского господства. Мы уверены, что нормандские солдаты участвовали в кампаниях Гуго. До настоящего времени сохранились грамоты и государственные документы, относящиеся ко времени правления Ричарда Бесстрашного, свидетельствующие о том, что Ричард был вассалом Гуго Парижского.

Сохранилось так мало реликвий того времени, что мы должны отметить чеканку первых нормандских денег во времена правления Ричарда. Хроники, следуя старым традициям древних саг, воздавали хвалу одному человеку, приписывая ему подчас славные дела современников. Но, к сожалению, в них мало исторических ссылок и сведений о жизни народа. Мы обнаруживаем, однако, что во время этого правления Нормандия и Англия устанавливают более тесные отношения, а первое упоминание об английском короле и событиях за Ла-Маншем привносит новое в наш рассказ о норманнах. Что касается современных англичан и американцев, то корни английской истории сами по себе интересуют их меньше, чем всевозможные толкования хода событий.

Прежде чем закончить рассказ о детстве герцога Ричарда, следует отметить одно примечательное событие, пропущенное в рассказах о войнах, мятежах и раздорах. Однажды королю Луи предложили свободу, но с условием — его сын и наследник Лютер будет заложником у норманнов. Безусловно, и французский король, и королева Герберга чувствовали за собой вину, ведь они были не слишком добры к Ричарду, и поэтому опасались, что им оплатят той же монетой. Тогда Герберга предложила норманнам не наследника, а другого своего, младшего, сына Шарльмана, хилого, болезненного мальчика. Он был взят в качестве заложника и вскоре умер в Руане. Писательница Енг написала прелестный рассказ под названием «Маленький герцог», в котором нарисовала трогательную картину этой грустной непродолжительной ссылки. В этом рассказе королева Герберга изображена очень решительной и жестокой, и создается впечатление, что ее вынудили отдать своего ребенка врагам. Но мы не должны забывать о том, какие это были времена, и потому нельзя не посочувствовать несчастной королеве, которая была смелой женщиной и делала все, что могла, чтобы ее осажденное и сражающееся королевство не досталось врагам.

Здесь мы опускаем длинный перечень незначительных столкновений между Луи и Гуго и обратимся к Ричарду. Его правление началось в беспокойные времена, но в течение нескольких лет вплоть до его смерти в Нормандии было сравнительно спокойно. Луи пережил самые тяжелые для себя времена, когда Нормандия освободилась от французского господства, и с этого часа его судьба стала более счастливой. Король Германии Отто и Луи, на стороне которых был и король Бургундии, заключили союз против двух герцогов, Гуго и Ричарда, и перед смертью Луи удалось вернуть большую часть своих владений в Лионе. Слава герцога Гуго на какое-то время померкла, и архиепископ Реймский отлучил его от церкви, чего Гуго не заметил. Но когда сам Папа Римский предал его анафеме, пришлось с этим смириться. Норманны были его

постоянными союзниками, но очень мало известно об их собственных военных предприятиях. В нормандских хрониках ярко описываются неудачные попытки союзных королей захватить Руан, но почти ничего не говорится о собственных мародерских походах по Нормандии и владениям Гуго. К этому времени Руан стал могущественным городом, и вся его дальнейшая история овеяна славой. Некоторые фрагменты зданий Руана тех дней сохранились до сих пор — поразительно, если вспомнить, сколько раз в течение последующих столетий город осаждался и разрушался.

Неплохо складывались дела у короля Франции, несмотря на бурное царствование и изменчивую судьбу, но он внезапно умер в возрасте всего 33 лет. Должно быть, он чувствовал себя очень старым человеком, и можно представить его и его жену Гербергу старыми людьми в их замке в Лионе. Лютер стал следующим королем, а Ричард, который недавно тоже был ребенком, стал самым пожилым правителем того времени. Через два года умер Гуго Парижский, и Арнульф Фландрский, давний враг Нормандии, вскоре последовал за ним. Король Германии Отто пережил их всех, однако Ричард жил дольше его и его сына.

Герцогство Франция, владение Гуго, перешло к его юному сыну Гуго Капету, тринадцатилетнему мальчику. Когда тот подрос, он стал вассалом Лютера, но Ричард все-таки дал клятву верности Гуго. Войны продолжались, и на протяжении многих лет Гуго Капет убивал наследников Карла Великого, которые претендовали на французский трон. В конце концов он сам стал королем, начав, таким образом, править собственно Францией — могущественным и обновленным королевством, каким его знала Европа на протяжении столетий. С ликвидацией господства германских принцев и установления независимости прежней французской династии постепенно сложился тот порядок вещей, который в целом сохранился до наших дней. Мало-помалу французская корона аннексировала владения всех своих вассалов, даже Нормандию.

Надеюсь, нам удалось хотя бы в малой степени показать историю Франции начиная со времен галлов Великой Римской империи, Священной Римской империи Карла Великого, а затем осколков этой империи, когда провинции или королевства, имевшие собственных правителей, объединялись в конфедерацию под управлением короля Франции. Все это время Европа находилась под властью Римской Католической церкви.

В последние годы жизни Ричард Бесстрашный бескорыстно помогал церкви. Он жил рядом с Феканским монастырем и там же был похоронен. У одной из дверей мо-

Церковь в аббатстве Сент-Уэн (Руан)

настыря находилась глубокая каменная ниша, выдолбленная по приказу герцога Ричарда. В дождь сюда стекали капли со священной крыши. В течение многих лет в субботние вечера эта яма заполнялась пшеницей, невероятная роскошь по тем временам. Беднота подходила и заполняла зерном свои емкости, а затем протягивала руки за пятью сверкающими пенсами; калекам и немощным милостыню приносили домой посланцы этой великой церкви. Об этом выдолбленном в камне углублении много говорили. А в 996 году, когда в конце своего пятидесятипятiletнего правления Ричард умирал от долгой мучительной болезни, он распорядился, чтобы его похоронили в этой яме. Это было его последнее желание — лежать там, «куда будет ступать нога человека, падать роса и небесные воды». Кроме этой церкви Святой Троицы в Фекане, он построил монастырь Сен-Вандвиль, храм в Руане и церковь Благодарения. На старых фундаментах воздвигались новые строения, но имя Ричарда все еще связано с местами поклонения, о которых он заботился.

Сэр Фрэнсис Палгрейв, который, возможно, дал наиболее полное описание жизни Третьего Герцога, пишет: «Ричард Бесстрашный долго был нашим любимым героем. Мы восхищались мальчишкой, когда старые датские воины, преклонив перед ним колени, клялись в своей верности. Мы с интересом наблюдали за ним в детстве, отрочестве и юности. Его активность, энергия никогда не снижались. И мы следуем за ним до его последних дней».

V

ГЕРЦОГ РИЧАРД ГУД

Да будут воспеты его достижения и будет славен его рыцарский дух.

В. Скотт

У Ричарда Бесстрашного было несколько сыновей. Перед кончиной приближенные спросили у него, кто будет его преемником. «Тот, кто носит мое имя», — прошептал

старый герцог и добавил: «Пусть остальные дадут клятву верности и признают Ричарда своим господином; и пусть они пожмут ему руку и примут от него земли, которые я вам назову».

Таким образом, Ричард Гуд стал управлять герцогством, получив богатое наследство от отца, который успешно правил в течение многих лет. Его братья Джефффри, Могар, Вильгельм и Роберт получили свои доли герцогства, к которым Ричард добавил и собственные.

Во время этого правления было много перемен, некоторые из которых происходили естественным образом. Нормандия становилась все более французской и менее скандинавской, и все более укреплялись взаимоотношения между набирающей мощь Нормандией и беспокойной, слабеющей Англией. Позднее мы увидим, какой импульс даст Нормандия развитию Англии, но уже в то время появились знамения тех перемен, которые должны были произойти в дни правления внука Ричарда Гуда, известного под именем Вильгельма Завоевателя.

Сейчас мы узнаем многие имена, которые не забыты в Нормандии и Англии и в наши дни. Палгрейв пишет: «Кажется, что не было в мире другого такого места, где было бы столько прославившихся своими делами, страстями и преступлениями людей. Хроники о Нормандии тех времен пестрят историческими именами и поражающими воображение знаменательными событиями». Странно, что во Франции почти не сохранилось государственных документов, относящихся к этому периоду. Все значительные события до сих пор тщательно фиксировались в Англии, но, несмотря на общеизвестную приверженность закону, религиозность и образованность высших классов, сохранились лишь единичные документы, относящиеся к периоду, предшествующему действительному слиянию Нормандии с Францией.

Подобное почти в точности повторилось в мире литературных источников, относящихся к периоду жизни Уильяма Шекспира, к немалому удивлению историков,

человека, известного и любимого как на родине, так и в Лондоне, исписавшего тысячи страниц и бесчисленное множество раз ставившего свою подпись. Не сохранилось ни одной рукописи — найдено лишь несколько подписанных им бумаг. Лишь ссылки на него в современной литературе дают представление о нем как о величайшем английском писателе. А ведь жизнеописания гораздо менее значительных людей времен Шекспира и предшествующих сохранились.

Нормандия предстает перед нами лишь благодаря записям о ней представителей других наций и сохранившимся документам средневековых хроникеров. Нет ни имен, ни названий денежных единиц, равно как и упоминаний о каком-либо казначее или военачальнике, по которым можно было бы судить о временах Рольфа или Лонгсворда. Брат Рольфа, который отправился в Исландию, в то время как Рольф прибыл в Нормандию, во времена тиранического режима Гарольда Хаарфагера создал в этой окруженной штормящими морями маленькой стране нацию учащихся и хроникеров. Возможно, только там было проще вести записи, поскольку единственными врагами были лед, снег, темнота и ярость моря и ветра.

Тем не менее можно составить достаточно четкое представление о положении дел в Нормандии. Там была хорошо развитая транспортная сеть, велась активная торговля, и мы знаем, что старые римские дороги поддерживались в хорошем состоянии и по мере увеличения населения строилось много других. Проводившиеся там знаменитые ярмарки — свидетельство большой деловой активности, а помимо использования и укрепления большой армии проявлялась забота о развитии коммерции и сельского хозяйства. Иностранные ремесленники и промышленники, которые всегда приветствовались в нормандских провинциях, вскоре образовали собственные деловые сообщества: фламандских мастеров, ткачей и кожевников Фалеза. Норманны неосознанно стремились к пышности и великолепию, так что их

торговцы процветали, а дома становились все более изящными, их отделявали и украшали, как некогда корабли «драконы».

Ричард был веселым либеральным герцогом, ценил свое окружение и всегда был готов защищать честь Нормандии и свою собственную, когда речь заходила о сражениях. Он был высокого мнения о своих приближенных, и мы обнаруживаем очень много высказываний о джентльменах. В число избранных герцога входили только джентльмены, и аристократы чувствовали себя достойнее, чем когда-либо. Правление лучшего оказывается правлением счастливого. С этого времени начинает процветать дух рыцарства.

С другой стороны, есть немало домыслов о том, что существовали искусственные различия между людьми, что становилось все труднее переносить тиранию, что кто-то из норманнов негодовал от того, что его сосед лучше и богаче и, более того, имеет право сделать его слугой и устанавливать законы. Нормандские граждане были равны в гражданских правах — это значит, что они не облагались налогами без их согласия, им не нужно было платить пошлин, они могли охотиться и ловить рыбу. Все имели на это право, все, кроме сельхозрабочих и крестьян, которые составляли коренное население. Это были потомки тех, кто жил в Нормандии до прихода Рольфа. Даже высшее духовенство поначалу не представляло части титулованного и мелкопоместного дворянства, и в последующие годы все еще заметна была разница в рангах и привилегиях между священниками норвежского и датского происхождения и другими священнослужителями.

Когда Ричард Гуд только начинал свое правление, мятежное крестьянство не считало, что новый герцог вообще заслуживает своей фамилии (Гуд — хороший, добрый). Эти люди хотели ликвидировать неравенство, с тем чтобы Нормандия включала только одну нацию под одним названием. Нельзя не восхищаться продуманной политической организацией крестьянства, учредившего

постоянный парламент, в который входило по два представителя от каждого района. Во всех деревнях и селениях после окончания рабочего дня жители собирались вместе, чтобы обсудить возникшие проблемы или послушать одного из своих товарищей, более лаконичного, чем остальные. Они «составляли коммуну», которая удивительным образом предвосхищала последующие события в истории Франции. Г-н Фримэн пишет, что «такое положение вещей вряд ли могло быть выдуманно простыми крестьянами», полагая, что мятежники лишь пытались защитить свое освященное временем наследие и попираемые местные права и обычаи. Древненормандский уклад жизни, существовавший на островах Ла-Манша, Нормандских островах, на Джерси и в других местах, дает нам представление о свободе, достойной Англии, Швейцарии или Норвегии.

Крестьяне настойчиво требовали равных прав с остальными и, безусловно, к ним присоединились многие мелкие землевладельцы, которые не желали присягать на верность своим феодалам. В «Roman de Rou», старинной хронике, в которой собраны воедино многие обычаи древней Нормандии, находим одно изречение. Возможно, оно не является подлинным, но настолько ярко характеризует дух той эпохи, что мы считаем необходимым привести его здесь.

«Лорды приносят только зло, мы не можем ожидать от них ни справедливости, ни благоразумия; у них все есть, они все отбирают и все пожирают, они заставляют нас жить в бедности и страданиях. Каждый наш день наполнен болью, мы ничего не получаем за свой труд, мы обременены налогами и повинностями. Почему мы позволяем так обращаться с собой? Давайте освободимся от их господства; мы тоже люди, у нас такие же руки и ноги, мы теряем остатки терпения, и нас в сто раз больше. Давайте поклянемся защищать друг друга, давайте сплотимся. Никто не может быть нашим господином, мы должны быть свободны от пошлин и налогов, нам не следует пла-

тить за дрова, мы должны быть свободными охотниками и рыбаками. Мы должны быть хозяевами в лесах, на лугах и на реках!»

В те времена большую часть Нормандии занимали леса. Значительные участки были заняты вересковыми пустошами и болотами. И все это было собственностью короля. В старину крестьяне имели право, или по крайней мере привычку, вести себя в лесу как в своем собственном доме, но их все больше ограничивали в этом, и непривычное ярмо сильно раздражало их. Кроме того, что им запрещали охотиться и рыбачить, для них были закрыты водные пути, они были обложены налогами и должны были обрабатывать земли герцога. Новоиспеченной знати дарили свободные пространства, а, получив землю, новые лорды претендовали на то, чтобы крестьяне находились у них в услужении.

Народ восставал не столько против герцога, сколько против своих непосредственных угнетателей, один из которых особенно преуспел в карательных мерах. Вспомним, что Эсприота, мать Ричарда Бесстрашного, в беспокойные времена его детства вышла замуж за богатого соотечественника по имени Сперлинг. Их сын, Рауль Эврский, имел большую власть и пользовался покровительством своего брата Ричарда. Этот самый Рауль с очевидным удовольствием приступил к осуществлению жестоких карательных действий. Он воспитывался среди простого народа, но по своему положению стоял сразу после герцога.

Он был коварен и рассылал шпионов по всей Нормандии, чтобы узнать о времени и месте проведения ассамблеи парламента. Затем, получив от шпионов донесения, он посылал войска, которые хватили депутатов и тех крестьян, что дали клятву верности своим новым хозяевам. В целях устрашения бессердечный Рауль обращался с несчастными пленниками крайне жестоко. Он калечил их всеми возможными способами: выкалывал глаза, отрубал им руки и ноги, сажал на кол, обливал расплавленным свин-

цом. Тех, кому удавалось выжить после экзекуции, водили по улицам в назидание остальным. Так что в их отважных сердцах возобладало чувство страха, победив любовь к свободе. Сообщество нормандских крестьян распалось, и на столетия воцарилась печальная покорность, лишь изредка прерываемая проявлениями мужества.

Имело место еще одно открытое неповиновение, где против существующего порядка выступил не целый класс, а лишь один человек. Один из братьев Ричарда, или его сводных братьев, о матери которого ничего не известно, получил в качестве наследства графство Эксмы, на территории которого находились три чрезвычайно богатых и процветающих города: Эксмы, Аржентан и Фалез. Как известно, здесь находилась колония фламандских поселенцев — умелых, предприимчивых ткачей и кожевников, мастеров по изготовлению одежды и металлических изделий. Фалез уже тогда считался древним городом, в котором до наших времен сохранились руины старого романского лагеря, по всей видимости, относящиеся ко времени Юлия Цезаря. Сохранилась и серая башня, которая, хотя и ассоциируется всегда с нормандским феодализмом, на самом деле принадлежит к гораздо более древним временам. Знаменитая во времена первых герцогов Фалезская ярмарка является в каком-то смысле пережитком языческих празднеств далеких эпох. Считается, что название Гибрея, пригорода Фалеза, давшего название этой ярмарке, произошло от галльского названия омелы. Любое упоминание омелы в древней истории ассоциируется у нас не с веселыми приготовлениями к Рождеству, а с мрачными ритуалами и обычаями друидов.

Брат герцога Ричарда Вильгельм, похоже, не испытывал радости от своих богатых владений, и вскоре на него стали поступать жалобы, будто он не выполняет королевских распоряжений и отказывается служить и платить дань за землю. Рауль Эврский настойчиво советовал герцогу применить оружие против нарушителя.

И вскоре Вильгельм оказался в застенках старой башни Рольфа в Руане, где с ним обращались очень сурово, и ему удалось избежать казни через повешение, бежав из тюрьмы весьма романтичным способом. Сочувствующей женщине удалось передать ему веревку, и Вильгельм благополучно спустился на землю из высокого окна башни. К счастью, никого из стражников внизу не оказалось, и он беспрепятственно покинул страну. До этого Рауль охотился за сторонниками Вильгельма, теперь же он получил удовольствие охотиться за ним самим. Он без устали рассылал шпионов по следам Вильгельма, и, едва избежав одной опасности, тот сразу же попадал в другую. В конце концов Вильгельму до смерти надоела такая жизнь, и он отважился пойти к своему брату-герцогу просить пощады. Ему повезло, поскольку Ричард не только выслушал его, не разозлившись из-за того, что его остановили в день, когда он собирался позабавиться на охоте, но и простил молящего, посочувствовал его злоключениям и страданиям. Более того, хотя он и не вернул Вильгельму конфискованного графства Эксмы, но отдал ему графство Эу. Мы ничего не знаем о том, как отреагировал Рауль на столь приятное окончание этого конфликта, после того как продемонстрировал такое усердие в преследовании и изматывании врага герцога.

А теперь рассмотрим, как складывались взаимоотношения между Ричардом Гудом и преемником Гуго Парижского Гуго Капетом, а также сыном последнего, королем Франции Робертом, который пытался сохранить увядающую славу и власть трона Каролингов. Величие династии Карла Великого отходило в прошлое, и все большую славу приобретал род Капетов. А в Англии, куда уже обращаются наши взоры, вскоре важную роль будут играть нормандские герцоги. Однако кое-что еще следует рассказать о Франции.

Роберт и Ричард были большими друзьями, у них было много общих интересов, и их связывали торжественные клятвы и формальные соглашения о взаимной верности и

защите. Роберт был благородным человеком, а его отношения с отцом были весьма любопытны: они, похоже, были партнерами и вместе правили Францией. Ричард Бесстрашный многое сделал для упрочения трона Капетов, и между Ричардом II и молодым Робертом, которому Ричард воздавал должное, существовала тесная связь. В то время жило несколько могущественных военачальников и вассалов, однако Ричард Гуд превзошел их всех и, бесспорно, занял достойное место первого лорда Франции. Тогда Золотая лилия Франции уже расцветала, и, хотя история умалчивает о последних годах жизни Гуго Капета, есть свидетельства большой деловой активности внутри королевства и его растущего благосостояния. Существует старая поговорка: «Счастлива та нация, у которой нет истории!». Когда мы изучаем времена, которые историки обычно опускают в своих описаниях или о которых они рассказывают довольно сдержанно, то, затаив дыхание, представляем людей, которые заняты делами дома, в поле или в мастерских и счастливы тем, что нет войн и беспорядков.

Известный шутник, король Франции Роберт, любил пошутить над своими подданными. Он также был поэтом — написал на латинском языке несколько прекрасных стихотворений, которые до сих пор исполняют в церквях. Существует интересное предание об одном его пребывании в Риме на церковном празднике. Приближаясь к алтарю, он благоговейно держал в руках потир (чашу), и все видели находившийся там свиток пергамента.

Ни у кого не было сомнений, что этим король жалует церкви великолепный дар, возможно, герцогство или даже все королевство. Однако когда после службы полные ожиданий священники и кардиналы ринулись смотреть, что было им даровано, — держитесь! — они обнаружили лишь копию его знаменитой песни «Cornelius Centurio!», к немалому своему разочарованию.

Однако Роберт был не просто хорошим товарищем: он был замечательным королем, следил за порядком, был

храбрым, решительным и внимательным. Ему в наследство досталось процветающее и хорошо управляемое королевство. Это так, но не забывайте, что для поддержания королевства или какого-нибудь меньшего владения на должном уровне нужны постоянные усилия, наблюдательность и готовность принимать решения. Роберту пришлось преодолеть одно испытание, поскольку его любимая Берта, будучи одновременно и кузиной, по законам римской церкви не могла быть его женой. Роберт был в плохих отношениях с Папой Римским немецкого происхождения, выходцем из Альп. В итоге король и королева Франции были отлучены от церкви и на какое-то время преданы анафеме, даже слуги отреклись от них, а в королевстве началась смута. Положение стало таким невыносимым, что несчастной королеве вскоре пришлось разойтись с мужем. Печально, тем более что королева была бездетна, и Роберт вынужден был жениться снова, чтобы иметь наследника трона. Премница Берты была очень привлекательной, хотя и сварливой женщиной. Позднее король Роберт иногда шутил: «В моем гнезде много цыплят, но моя старая курица постоянно клюет меня!».

Несмотря на скверный характер новой королевы, многое говорит в ее пользу. Она была гораздо образованнее большинства своих современниц и искренне восхищалась поэзией Роберта, что позволяет снисходительно относиться к ее недостаткам.

Женитьба герцога Ричарда оказалась весьма удачной, как и другие союзы, заключенные в его правление. Руки его сестры Хавизы, опекуном которой он был, попросил герцог Бретани Годфри. Этот союз очень приветствовался, поскольку связывал две страны сильнее, чем когда-либо раньше. Он заставлял забывать о соперничестве, иногда приводившем к серьезным неприятностям. Особенно отчетливо это проявилось позже, когда сам Ричард женился на сестре Годфри Джудит, известной своей мудростью. Пышная свадебная церемония состоялась в аббатстве Восхождения святого Михаила. Впоследствии одна из их до-

черей вышла замуж за графа Бургундии, а другая — за графа Фландрии.

Несмотря на то что распущенность и безнравственность были тогда обычным явлением, мы считаем альянсы этих благородных семейств разумными и достойными уважения. Многие говорят о том, что между супругами были настоящие любовь и верность, а дочери Нормандии сделали для процветания своей страны не меньше, чем ее сыновья. Читая истории известных браков, понимаем, что дочери герцогов своей красотой добивались в присоединении новых владений не меньших результатов, чем сыновья — храбростью в военных предприятиях.

За судьбами всех этих герцогств и королевств проследить трудно. Но мы не можем не думать об Англии в связи с ранней историей норманнов и ростом их влияния. Мы также не должны забывать о датчанах и северянах, которые так и не избавились от старых привычек и манер, в то время как их родичи в Нормандии перестали заниматься морским разбоем и уже не бороздили морей на галерах. История Франции является как бы историческим фоном как для Нормандии, так и для Англии.

Те браки, о которых было рассказано, в значительной степени способствовали усилению величия и могущества нормандского герцогства и существенно расширили его территорию. Нормандские герцоги могли позволить себе вмешательство во внутренние дела союзных государств, и это шло им на пользу. Но мы совсем ничего не сказали о самом важном брачном союзе — дочери Ричарда Бесстрашного Эммы и короля Англии Эфелреда Нерешительного.

Эфелред принадлежал к прославленному и многочисленному роду благородных людей, среди которых он казался «белой вороной». В те времена история нации во многом зависела от монарха, и почти невозможно рассказать о судьбе страны, не описав биографию правителя. Эфелред был довольно энергичен, но никогда не доводил до конца ни одно из своих многочисленных предпри-

ятий. Он тратил много сил на долгие ненужные экспедиции и не заботился о том, чтобы создать надежный заслон от врагов, которые уже «стучались в самые ворота Англии». Он не обладал здравым смыслом и смелостью, поэтому вскоре оказался под влиянием никчемных и ненадежных последователей. Потомок знаменитого короля Альфреда и его благородных преемников, Эфельред едва не развалил королевство на части за время своего долгого правления. После 38 лет его царствования Англия оказалась на краю гибели. Было еще два или три человека, которые помогли королю в этом черном деле. В душе они были еще большими предателями, чем сам Эфельред. Трудно понять, как им удалось сохранить свое положение, после того как их предательство и корыстолюбие были раскрыты. Как говорит один историк, если бы у нас было хотя бы несколько частных писем, изобилие которых мы имеем два-три века спустя, то они послужили бы ключом ко многим загадкам.

Датчане отхватывали кусок за куском на английском побережье, как крысы, растаскивающие пирог. Они причиняли все больше беспокойства. Что касается Нормандии, то Ричард Гуд обращался с датчанами как с друзьями, позволяя им заходить в гавани и вести торговлю с нормандскими коммерсантами. В Котантене (северо-западной части Франции) они обнаружили людей, очень похожих на них, сохранивших многие старые традиции и кое-что из их северного языка. Земли Котантена были неплодородны и скалисты, однако на холмах стояло множество хорошо укрепленных замков. Их обитатели были смелыми солдатами и моряками, настоящими потомками викингов. Они также пытались счастья в море, и мы можем проследить имена этих котантенских баронов и их последователей, участвовавших в военных походах Вильгельма Завоевателя и обосновавшихся в других замках на широких английских просторах, которые были завоеваны менее чем за сто лет, прошедших со времени правления Эфельреда. Возможно, некоторые из котантенских

баронов были в союзе с датчанами, которые сделали нормандское побережье своим плацдармом и занимались разбоем в проливе Ла-Манш.

Естественно, Эфельред не мог терпеть такого положения дел. Он собрал свой флот в Портсмуте и объявил, что доставит герцога Ричарда закованным в цепи, а его страну предаст огню, за исключением места вознесения святого Михаила.

Флот подчинился глупому приказу Эфельреда и вошел в устье реки Барфлер. Здесь моряков поджидали норманны, сбежавшиеся с близлежащих территорий, — необученная армия, а разъяренные крестьяне, мужчины и женщины, вооруженные пастушьими палками с крюками, серпами и цепями. В этой кровавой битве при Санглаке они наголову разбили англичан. Части захватчиков удалось спастись. Бросив остальных, они погрузились на шесть кораблей и умчались прочь.

Это событие является сильным связующим звеном в довольно длинной цепочке, которая впоследствии крепко свяжет Англию, подчинив ее норманнам. Вскоре установился мир, хотя норманны считали себя оскорбленными. Чтобы предотвратить кровопролитие, вмешался Папа Римский. После того как были сделаны формальные заверения о мире, Эфельред попытался даже упрочить союз. У него уже были дети — один из них, доблестный Эдмунд Айронсайд (Железнобокий), наверняка смог бы спасти разваливающееся королевство, если бы только сумел удержать власть, выскользнувшую из рук его отца.

Первая жена Эфельреда, о которой известно только, что она была «благородной дочерью Элдормана», к тому времени умерла. Проявив большую дипломатичность, король Эфельред Нерешительный «благодаря богу Василиусу Альбиона король и монарх всех британских наций, Оркнейских и окружающих островов», как он любил себя называть, прибыл в Нормандию просить руки сестры герцога. Эмма вышла за него замуж и отбыла в Англию. Эфельред сделал ей свадебный подарок — обширные владения в графствах

Девон и Хантли с городами Винчестер и Эксетер, которые составляли гордость Южной Британии. Королева Эмма передала правление Эксетером своему главному советнику Гуго Норманну. Ее новые подданные называли ее «жемчужиной Нормандии» и относились к ней с большим почтением. Она была красива, достойно представляя расу потомков Рольфа. Ее стали называть Эльджифа, поскольку это имя было более благозвучным для англичан (по крайней мере, это объяснение дошло до наших дней).

Положение дел в Англии было незавидным — англосаксонское правление тех времен основывалось на лжи и насилии, а тяжкие невзгоды, обрушившиеся на англичан, заставляли их опасаться худшего в будущем. Самые мудрые пытались предостеречь соотечественников, но бесполезно. Надежды, связанные с прибытием королевы Эммы, улетучились, и мы узнаем, что вскоре она уехала в Нормандию. Этот шаг объясняется многими причинами. Некоторые рассказывают, что Эфельред опротивел ей из-за пьянства и бесчинств. Другие утвер-

Королева Эмма, или Эльджифа

ждают, что Гуго Норманн оказался предателем, продан датчанам и что в этом деле королева была его партнером. Существует еще одна версия, будто бы Эфельред учинил страшную резню, отчего Эмма пришла в ужас. Тем не менее позднее она вернулась в Англию в качестве датской королевы — супруги Кнуда I.

Сейчас нам следует на время оставить Англию и несколько страниц посвятить Франции, чтобы посмотреть, как неуклонно росло могущество норманнов и как широко оно распространилось. Мы должны увидеть Ричарда Гуда в качестве союзника Франции в войне, которую вел король Роберт против Бургундии и которая была самым заметным событием времен правления Роберта. Старый Гуго Парижский старательно избегал какой бы то ни было путаницы в правах Бургундии и Франции, когда строил фундамент своего королевства. Он был мудрым политиком и хорошо понимал, что не стоит конфликтовать с такой силой, как Бургундия, которая держала под своим контролем Нидерланды, Испанию, Португалию и Италию. Со времени его правления Бургундия была разделена на части, но она по-прежнему отличалась благочестием жителей и большим количеством религиозных учреждений. Дядя Роберта, герцог Бургундии, был очень стар, так что Роберт питал надежду стать его преемником. Его главным соперником был представитель ломбардийских королей Италии Отто Вильгельм, сын пирата Адальберта, промышлявшего в окрестностях Альп, и Герберги, дочери графа Шалона. После смерти Адальберта Герберга вышла замуж за старого герцога Нормандии Генриха и добилась, чтобы тот объявил ее сына своим преемником. Это было незаконно, но Отто Вильгельма все любили, им восхищались, и большая часть бургундцев поддержала его.

И вот Ричард Гуд и его нормандские солдаты приготовились к войне. Герцог Генрих был мертв, а король Роберт поспешно созывал союзников. Тридцать тысяч человек было собрано под нормандским флагом, и черная колес-

ница войны медленно двинулась в глубь страны. Каким значительным событием это было, когда столько людей и лошадей перемещалось по стране! Обозы с провизией не поспевали за войском, так что вся страна, безусловно, была почти полностью опустошена, как после налета саранчи. Нормандия была переполнена солдатами, жаждущими каких-то действий, с неистребимой тягой к пиратству и грабежам. Они совершили стремительный марш, и почти сразу после смерти почтенного герцога Ричард и его люди оказались у ворот города Осер.

Началась длительная осада, соперник Роберта завоевал сердца людей, которые успешно защищались, используя естественные укрытия на горных склонах. Кроме отважных бургундцев, норманнам противостояли таинственные небесные явления: «Как будто разъяренный дракон пролетел по небу, и землю окутал густой туман». Оксер погрузился во мрак, и нормандские лучники не видели, куда им выпускать стрелы. Спустя какое-то время осаждающие армии сняли осаду с приграничного города и двинулись дальше в глубь страны, пробираясь между не защищенными от ветра скалистыми холмами. Только один представитель бургундской знати — Гуго, граф Шалона и епископ Оксера — был верен делу короля Франции Роберта. Вскоре мы встретимся с ним вновь при странных для графа, не говоря уже о епископе, обстоятельствах. Страна была основательно разграблена, но прошло еще какое-то время, прежде чем она была окончательно покорена. В конце концов был достигнут компромисс, и сын Роберта был избран герцогом. Его преемники впоследствии принесли Франции много неприятностей, так что Бургундия отомстила и за себя, и за поражение Отто Вильгельма.

Герцог Нормандии Ричард постоянно следил за боеготовностью армии в течение этой длинной бургундской кампании, но в конце правления ему пришлось вести другую войну — с графством Дрё. Земли этого графства в свое время были переданы Рольфу, позднее они принадлежали целому ряду герцогов, последний представитель которых умер во

времена правления Ричарда Бесстрашного. Записей о ведении в стране военных действий, когда страной правил Ричард, не обнаружено, поэтому вполне вероятно, что графство досталось королю по праву.

Сохранилась Великая римская дорога, которая разрезала территорию подобно Уатлингской улице, пересекавшей Англию от пролива Ла-Манш до Честера. Эта дорога хорошо охранялась, как и все старые римские дороги. Она соединяла Шартр с Дрё, а Шартр не был в мире с Нормандией. Поэтому, чтобы быть готовыми к неожиданным вторжениям, на берегах реки вырос город — Тилье, который можно назвать родиной знаменитых современных парижских мастеров по изготовлению черепицы.

В этот период произошло несколько жестоких сражений (иногда побед, а иногда поражений), и вскоре норманны оказались в трудном положении. Мы с удивлением узнаем о том, что в качестве союзников Ричарда выступили король Норвегии Олаф и король Швеции. Французский народ не изжил полностью своей ненависти, а также страха и недоверия к пиратам. Так что, когда стало известно о высадке северян в Бретани, начались беспорядки. Ричард и герцог Шартра постоянно враждовали друг с другом, и король Роберт как хранитель общественного спокойствия был вынужден вмешаться. После этого все стали бояться Нормандии еще больше, а Шартр получил город Дрё с его лесами и замком — королевский подарок. Мы не перестаем удивляться: почему король так легко поддался убеждениям, когда все его северяне были настроены на сражение? Однако когда все кончилось, много историй разошлось об их предательских набегах в Бретани, о волчьих ямах, закрытых ветвями, куда они заманивали конницу врага с поля боя. Все это кажется небольшим отклонением от их пути к нормандской столице.

Затем было сражение с епархией Шалона, которое интересует нас главным образом потому, что здесь мы впервые сталкиваемся с сыном Ричарда (и его тезкой). Рено, сын Отто Вильгельма, потерявший Бургундию, женился на нор-

мандской красавице из королевского рода Рольфа. Рено был разгромлен и схвачен графом — епископом Шалона, о котором мы уже знаем. Граф был верен королю Франции Роберту во время войны с Бургундией и сейчас обращался с Рено весьма сурово, более того, заставил его нарушить клятву и жениться.

Король Роберт разрешил норманнам проходить через свои владения и, похоже, отвернулся от графа-епископа. Норманны осаждали города, армия жгла и крушила все на своем пути через Бургундию. Наконец они разрушили до основания один из главных городов, который в исторических хрониках носит название Мирманд, хотя в настоящее время в этом месте нет никаких следов Мирманда. Вероятно, разъяренные норманны сравнивали город с землей, не оставив никаких следов археологам и географам. Граф-епископ спасался бегством в Шалоне, и когда норманны напали, внезапно и яростно, был так напуган, что водрузил на спину старое седло и в таком виде вышел за ворота города молить о пощаде. Один историк-весельчак, описавший эту сцену, добавляет, что Ричарду предложили проехать на нем верхом и тот валялся в ногах у молодого герцога. Можно отметить, что граф всерьез изображал осла и что с этим никак не сочетались его графский шлем и приличествующая духовной особе выбритая макушка.

В этой кампании Ричард III покрыл себя славой, он с триумфом вернулся в Нормандию, очень порадовав старика отца своей отвагой. К тому времени Ричард Гуд уже стал немощным и чувствовал приближение смерти. Подобно Ричарду Бесстрашному, он отправился в Фекан, чтобы провести там последние дни.

После того как он исповедовался епископам, он вызвал верных баронов и составил завещание, назавчив своим преемником Ричарда, который мужеством и честностью доказал, что заслуживает этого. Однако старик отец, похоже, предчувствовал, что дела могут повернуться не лучшим образом, и потому просил баронов быть верными его доблестному сыну. Второй сын, Роберт, получил в наследство

графство Эксмы с условием, что будет верен брату. Был еще один сын, Могер, дрянной человек, у которого не было ни друзей, ни репутации даже в те давние дни. Он был монахом, но не отличался большим умом. Однако, к своему изумлению, обнаруживаем, что несколько позднее он становится епископом Руана. Нет никаких свидетельств о получении им каких-либо даров от отца. Вскоре Ричард Гуд умер и был похоронен в аббатстве Фекан. В последующие годы мощи Ричарда Бесстрашного были взяты из саркофага, расположенного у наружной двери аббатства, и помещены вместе с останками сына в новую могилу около высокого алтаря.

Вся эта ранняя история Нормандии в основном рассказана тогдашними сочинителями саг Вильгельмом из Юмьежа, который писал во времена Вильгельма Завоевателя, и г-ном Вэйсом, что родился на острове Джерси между тридцатым и сороковым годами после покорения Англии. Его «Roman de Rou» является наиболее вдохновенным и интересным произведением. Однако, и это вполне естественно, содержащиеся в нем сведения не всегда достоверны. Оба пытались рассказать правду, но они писали славную историю Нормандии в более поздние времена, и мы должны простить им некоторые неточности.

Им было что рассказать о Ричарде Гуде, гораздо больше, чем о двух его сыновьях, Ричарде и Роберте. После смерти отца Ричард был признан герцогом всеми баронами, после чего отбыл в Париж воздать должное королю Роберту. Об этом мы узнаем, читая записи о его брачном контракте с дочерью короля леди Аделлой, которая была тогда младенцем. Сохранилась копия этого соглашения или, по крайней мере, перечень даров, обещанных Ричардом. Это были поместья всего Котантенского графства, а также нескольких баронств и коммун, кроме того, Шербур, Брё, Кан и много других городов. Несчастливая маленькая леди Аделла! И так же несчастен молодой муж, поскольку в дальнейшем случилось непоправимое, и ни один из них не был удачлив, несмотря на обширные владения.

Между тем брат герцога, вовсе не удовлетворенный своими приобретениями, выразил гневный протест, поскольку, хотя и был лордом прекрасного графства Эксмы, все же не получил город Фалез. В то время в Бретани жил человек, который поддерживал амбиции Роберта и подталкивал его к конфликту. Его звали Эрменольд Теософ, и вокруг него был ореол таинственности, что не переставало удивлять писателей тех дней. Он, безусловно, был в некотором роде магом, и сохранившиеся записи вызывают у нас подозрение, что в свое время он пропадал где-то далеко на Востоке, в Азии, с каким-нибудь пиратским флотом, научился там творить чудеса и добиваться своих целей при помощи сверхъестественных сил.

Была осада Фалеза, и Роберту удалось его захватить. Он пытался удержать город своими главными силами, но армия Ричарда была ему не по зубам, и в конце концов он запросил мира. Братья возвращались в Руан лучшими друзьями. Однако на грандиозном банкете в старом замке Рольфа Ричарда внезапно хватил удар, в то время как он сидел во главе праздничного стола. Его перенесли в постель, где он и умер. В разгар веселья, когда бароны развлекались в старом зале, раздался траурный звон колоколов.

Веселье сменилось стенаниями — Ричарда уже успели полюбить и никто не сомневался, что его отравили. Таким образом, Роберт взошел на престол с черным пятном на своей репутации. В течение всей его жизни этого не забыли.

Что касается девочки-вдовы, то впоследствии она стала женой графа Фландрии Болдуина Лисла. У них родилась дочь Матильда, будущая жена Вильгельма Завоевателя.

VI РОБЕРТ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

*От себя никуда не уйти.
Байрон*

Прежде чем начать рассказ о следующем герцоге Нормандии, два прозвища которого — Дьявол и Великолеп-

ный — прозрачно намекают на его характер, следует проследить, как развивались события в герцогстве. Читая эту или любую другую историю, следует помнить, что это не просто рассказ о том или ином монархе, но и о времени, в которое он жил, его ограничениях и развитии.

Что касается Нормандии, то нельзя не заметить, что в жизнь страны все больше входил новый северный элемент и что во всех областях наметился значительный прогресс, с тех пор как сюда со своими викингами пришел Рольф и осадил город Юмьез. Теперь образованное им герцогство стало одним из самых прогрессивных. Оно вышло на один уровень с королевством и герцогствами Франции, и почтение, оказываемое Робертом Нормандии, это почтение равного среди равных и союзников. Нормандия не уступает Бургундии и Фландрии, и с каждым днем усиливаются ее амбиции, растет богатство и улучшается качество образования. Влияние и престиж королевства признаются повсюду, и уже скоро солдаты Нормандии будут заниматься английскими делами и управлять ими. Рыцарство находится в расцвете юности, и торговцы Фалеза, Руана и других городов богатеют и процветают. Женщины славятся своим мастерством, несравненной красотой и умом. Повсеместно строятся новые замки и церкви, а земли сплошь заселены людьми, для которых уже мало места, в то время как огромная армия едва может принять всех мужчин из поместий и многочисленных мастерских. Появляются целые районы, подобные Котантенскому полуострову, которые уже почти готовы «выплеснуть» население в какую-нибудь новую страну как пчелы, когда они роятся в начале лета. И ничто: ни традиционные паломничества в святые места, ни боевой дух, ведущий на поиски военных приключений, — не перевешивает необходимости покорения новых территорий для новых миграций.

Во всем ощущаются более высокие стандарты — в законах, морали и привычках повседневной жизни. Знать чрезвычайно гордится тем, что является частью государства и

владеет высокими каменными замками. Только в Котантенесохранились руины более сотни таких замков, а на территории Нормандии и Бретани можно обнаружить следы этого периода расцвета. Всю страну можно сравнить с молодым человеком, который достиг совершеннолетия и чувствует в себе достаточно сил, здоровья и амбиций, что делает его неутомимым и заставляет поверить в свою способность творить великие дела.

Из последователей «черных воронов» и почитателей бога Тора норманны стали христианами и преданными приверженцами римской Церкви. Они отправляются в паломничество к отдаленным святым местам и строят там церкви, которые и сегодня восхищают нас и могут служить образцами для подражания. Они строили просторные большие дома для монахов и монахинь, множества священников и учеников, и было непросто найти среди них приверженцев старой веры, разве что где-нибудь в глубинке. Мало что осталось от прежнего северного уклада жизни, но дух северянина был так же силен, как и прежде. Его мужество, энергия, тяга к сражениям и презрение к трусости, его прекрасное телосложение передавались из поколения в поколение как самое надежное наследство, большее, чем земельные владения и деньги. Нам самим хочется больше узнать, что выйдет из этой «закваски» отваги и гордой силы. Сейчас уже к Нормандии неприменимо такое понятие, как спокойствие.

Рассказ о герцоге Роберте интересует нас в значительной степени потому, что он был отцом Вильгельма Завоевателя. И в летописях того времени трудно найти о нем что-нибудь, не связанное с его более знаменитым сыном. Но в действительности он был очень одаренным и могущественным человеком, и — странное дело! — покорение Англии было лишь осуществлением плана, выношенного именно герцогом Робертом.

Два молодых сына Эммы и Эфелреда все еще находились в Нормандии, и герцог считал большой несправедливостью то, что соотечественники ими пренебрегали и

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Одежда норманнов.

1. Пастух. 2. Представитель знати. 3. Паломник. 4—8. Воины. 9. Представитель знати.
10. Знатная дама

явно забыли о них. Он принял решение стать их защитником и решительно потребовал от короля Англии Кнуда рассмотреть их права. Роберт направил в Англию послов и предложил Кнуду «воздать им должное», что, возможно, означало английский престол. Как и следовало ожидать, Кнуд отверг предложение. Тогда герцог Роберт поставил армию под ружье, снарядил и отправил в Англию флот, для того чтобы силой заставить датчанина признать молодых принцев. Скорее всего норманны действительно были рады служить кузенам герцога, но несомненно и другое: они уже подумывали о возможности расширить свои владения за Ла-Маншем. Однако вскоре им пришлось пережить разочарование, поскольку они сбились с курса из-за очень плохой погоды и вынуждены были высадиться на острове Джерси. Отсюда они совершили короткий рейд в Бретань, так как Роберт и его кузен Алан были не в ладах друг с другом из-за того, что Алан отказывался платить дань Нормандии. Наступил знаменитый сезон набегов и разрушений вдоль побережья пролива Бретон, который, возможно, примирил искателей приключений с их неудачей. Так или иначе, покорение Англии было отложено на сорок лет.

Можно только предполагать, что чувствовала жена Кнуда, королева Эмма, по поводу претензий своих сыновей. Она оказалась в странном положении. Будучи нормандкой, по существу, бросившей сыновей, она вряд ли могла винить брата за его усилия восстановить их в правах на английские владения. Вместе с тем она была связана своими новыми английскими интересами и как жена датчанина Кнуда следовала нормам, отличным от тех, по которым жили при саксе Эфельреде. В одной из нормандских хроник говорится, что Кнуд послал письмо, в котором говорилось, что после его смерти принцы получают свои права. Целью этого послания было сохранение мира. Однако маловероятно, чтобы подобное действительно когда-либо имело место.

Новые связи между двумя странами, видимо, были следствием изгнания из Англии в ранний период правле-

ния Кнуда части знати, которая, безусловно, поддерживала интересы норманнов и как никогда ранее усиливала их желание обладать Англией. И вплоть до самого завоевания Англии норманнами это убеждение будет получать все больше подтверждений. Норманны организовывали заговоры и вынашивали новые планы. Их интриги становились для Англии все опаснее. Достаточно ясно видно, что они всегда искали случая испытать силу и не стремились избегать ссор. Один из английских принцев, Эдуард, был уже готов предъявить свои права, но он привык к Нормандии, и ему нравилось жить там. Его нерешительность сыграла на руку приютившей его стране, когда он в конце концов вззошел на английский престол. На некоторое время мы теряем его из виду, но не его брата Альфреда, который рискнул совершить экспедицию в Англию, за что заплатил жизнью. Но эта неудача лишь распалила желание норманнов отомстить, хотя следы разочарования сохранялись еще долго.

Начало правления Роберта отличалось пышностью, словно он стремился подкупить подданных, чтобы те забыли о смерти его брата Ричарда. Проводились грандиозные празднества, вассалы получали в подарок великолепные доспехи и прекрасную одежду. Прозвище Великолепный Роберт получил от своего непосредственного окружения, от тех, кто шептал за его спиной, что он убийца. Он представлялся очень благородным и, казалось, раздавал подарки скорее для собственного удовольствия, а не для того, чтобы добиться популярности. До нас дошли мрачные факты: некоторые его вассалы умирали от радости, получая ценные дары, настолько они были велики.

Роберт покинул старый замок Рольфа в Руане и поселился в Фалезе. Несомненно, у нового герцога были неприятные ассоциации с залом Рольфа, где несчастный Ричард был так внезапно поражен смертельным недугом. Фалезский замок с его охотничьими угодьями, прекрасными лесами, чистыми реками и выгодным расположением раз и навсегда стал любимым жилищем Роберта.

Туда он привез свою жену Эстриту, сестру Кнуда, которая до этого была женой датского короля Ульфа. Там он жил и свободно общался со своей знатью, снисходительно относясь к подданным, с которыми зачастую был излишне фамильярен.

У него было достаточно шансов проявить свою доблесть. Однажды на Болдуина-старшего из Фландрии напала армия сына Болдуина Лисла. Несчастный граф был вынужден спасаться бегством и искать убежища в Фалезе. Любой повод для начала войны казался вполне допустимым в Нормандии, так как в стране было полно людей, а земля уже с трудом кормила их. Так что Роберт повел людей во Фландрию и проявил такую решительность, что больше подобных набегов не было. Фландрия оказалась в подчинении, как если бы платила по старым счетам. В конце концов все знатные люди, поддерживавшие вождя, покинули его, и все они, и молодой Болдуин в том числе, стали молить Роберта о мире. Впоследствии Фландрия и Нормандия стали дружественными странами и вскоре образовали мощный союз двух королевских домов.

Однажды прогуливаясь по Фалезу (возможно, в передетом виде), любвеобильный Роберт заметил молодую девушку, которая, стоя босиком в неглубоком ручье, полоскала белье. Она весело смеялась в группе подруг, занятых тем же. Это была Арлетта, если называть ее по-саксонски, или, по-нормандски, Герлева. Ее отец — пивовар и кожевник, которого пригласили в Нормандию как хорошего мастера по изготовлению изделий из кожи и их продаже. Изобилие охотничьих угодий и пастбищ способствовало тому, что в дешевой коже недостатка не было. Однако торговля этим товаром считалась занятием унижительным, а профессия кожевника была одной из самых непрестижных. Если бы мы не были в этом уверены, то могли бы предполагать, что нормандская знать незаслуженно стыдила и упрекала этого человека (которого звали Фулбертом).

Влюбившись в Герлеву, герцог Роберт, казалось, совсем забыл о своей законной жене. Даже кожевник пытался воз-

ражать против увлечения герцога его дочью. Но разве можно противостоять могуществу великого человека? Разумеется, Фулберт смирился с неизбежным с большим достоинством и впоследствии проявил себя верным вассалом и сторонником своего лорда и хозяина. Роберт, похоже, на всю жизнь сохранил чувство, охватившее его тогда, когда он впервые увидел прелестное стройное создание, повернувшее к нему смеющееся лицо. Вскоре на том месте, у ручья, где Роберт впервые увидел женщину, которая стала главной в его жизни, появился небольшой замок. Герцог не женился на ней, хотя Эстрите пришлось уехать. Однако у них родился сын, которого назвали Вильгельмом и который сам добавил к своему имени титулы «Великий» и «Завоеватель», что не избавило его от печальной участи до конца своих дней страдать от слухов о своем позорном и низком происхождении. Это было подло, как если бы в наши дни насмехались над человеком и упрекали его в бесчестье, которого тот не заслуживает. Однако из всех знаменитых людей, о незаконном рождении которых известно из истории, Вильгельм чаще других награждался оскорбительным титулом — «незаконнорожденный». Он добился большой славы, он был великим человеком своего времени. Однако в силу обид, зависти, предубеждений или, возможно, каких-то ошибок с его стороны его всегда обвиняли в позоре, который не был его позором. Незаконнорожденный! Внук кожевника! Ему никогда не позволяли забыть, что эти титулы также принадлежат ему, несмотря на героизм, военные успехи или укрепление нормандского господства.

Гордость нормандской знати была уязвлена позорным союзом Роберта с Герлевой. Все его родственники, которые имели хоть какие-то права на герцогскую корону, были вне себя от ярости. У Эстриты не было детей, и этот пухлый розовощекий малыш, который рос в доме кожевника, был заклятым врагом всех этих гордых лордов и джентльменов. Фалез был средоточием скандалов и насмешек. Сплетни о жизни Роберта переносились от де-

ревни к деревне по Нормандии и Франции. Рядовые горожане смеялись в лицо баронам и придворным, когда те проходили по улицам Фалеза. Однажды один старый бюргер, живший по соседству с кожевником, предложил Вильгельму Талвасу, главе одного из самых знаменитых нормандских семейств, пойти с ним посмотреть на сына герцога. Лорд Алансона очень разозлился, когда всмотрелся в невинное детское лицо. Он почти явственно чувствовал те беды, которые обрушатся на его голову и которые таит в себе до поры эта энергичная молодая жизнь. И как ни проклинал он вновь и вновь наивного ребенка, его слова были лишь отголоском страха, который полз по Нормандии.

Роберт был слишком смел в своем полном пренебрежении общественным мнением, и не проходит много времени, как старый кожевник сбрасывает свою одежду, подобно личинке, сбрасывающей кокон, и предстает во всем великолепии, в сверкающем наряде придворного гофмейстера. Герлева заняла место герцогини, что было противозаконно и настолько оскорбило гордость знатных дам и джентльменов, что никакие великодушие и щедрость Роберта не могли противостоять этому. Нравы в то время были достаточно свободными, но общественное мнение требовало соблюдения законов и этикета. Весь аристократический двор потомков Рольфа, вся доблесть, образованность и религиозность Нормандии были оскорблены в мгновение ока. Недовольство нарастало, пока дядя герцога, архиепископ Руана, не призвал племянника к ответу за этот грех и за оскорбление родственников. В конце концов он отлучил Роберта от церкви и предал анафеме всю Нормандию.

Каким-то образом этот конфликт был все-таки улажен, и именно тогда Роберта призвали погасить уже упомянутую ссору во Фландрии и поддержать права французского короля. Успех в этом предприятии добавил к его владениям район Ваксен, расположенный между Нормандией и Францией. В результате нормандское герцогство расши-

рило свои границы до самых стен Парижа. Вскоре другие важные вопросы увели в сторону общественное обсуждение. На то, чтобы спровоцировать вспышку гнева герцога, не оставалось времени. И уже никто не обращал особого внимания ни на досадное присутствие Герлевы в замке герцога, ни на неуместное, по мнению обывателей, благополучное развитие и процветание ее сына.

Спустя какое-то время герцог Роберт объявил о своем намерении совершить паломничество в Иерусалим. Он стремился продемонстрировать свою набожность и как можно больше поднять авторитет, так что это долгое путе-

Роберт, герцог Нормандии,
совершает паломничество в Иерусалим

шествие необходимо было совершить пешком. Бароны умоляли его не делать этого, поскольку при таких неспокойных взаимоотношениях между Нормандией и Францией ничто не было бы более опрометчивым шагом, чем оставить герцогство без хозяина. «Поверьте мне, — решительно возражал Роберт, — я вовсе не собираюсь оставлять вас без господина. Вот мой молодой сын, который вырастет и с божьей помощью продемонстрирует свою доблесть. Я приказываю вам признать его своим лордом, поскольку я объявляю его наследником и отдаю ему все герцогство Нормандия».

В совете воцарилась гробовая тишина, и как бы ни ругали Роберта за глупые эгоистичные поступки, в тот момент, когда он упрашивал рыцарей и епископов признать своим наследником невинного ребенка, нельзя не проникнуться жалостью и состраданием к бедному отцу. Нам жаль герцога, когда его естественное чувство к своему ребенку всякий раз наталкивается на неприятие. Используя все свои красноречие и авторитет, он умоляет исполненных презрения слушателей до тех пор, пока они не уступают. Они предупредили его об опасностях того времени, о том, что может произойти за время его отсутствия в предоставленном своей участи герцогстве, о возможных провокациях его врагов, возмущенных самим фактом существования внебрачного сына. Однако у Роберта хватает смелости настоять на своем, оставив незаконнорожденного сына во главе герцогства в качестве преемника. Он даже отправляется к королю Франции и убеждает того признать недостойного тезку Лонгсворда своим вассалом и следующим герцогом. Он также встречается с Аланом из Бретани, который соглашается быть опекуном. Наконец недовольные бароны присягают на верность маленькому лорду. Как мучительно далось им это снисходительное повиновение!

После того как все формальности были завершены, Роберт, не теряя времени, отправился в путь. Он стремился к святыням Иерусалима, отделенного от него утомитель-

ными милями пути, горами и болотами, всевозможными опасностями. Он демонстрировал свое покаяние особенным образом: называл свой путь приятным путешествием, потому что, хотя и шел пешком, тратил огромные суммы, раздавая милостыню людям, которые выходили приветствовать его. Впереди ехали герольды, которые готовили ему помещение для ночлега и обеспечивали прием. По мере продвижения к цели огромная процессия лошадей, конюхов, навьюченных мулов становилась все длиннее. Однажды они перекрыли ворота города, и смотритель, не зная, кто перед ним, набросился на герцога, задав ему хорошую взбучку, чтобы заставить процессию поспешить. Роберт остановил своих спутников, которые уже собирались поколотить стражника, и сказал, что весьма полезно показать себя смиренным и терпеливым и что подобные страдания очищают душу.

Герцог наделал множество глупостей. Например, он велел подковать своих лошадей серебряными подковами, закрепив одним-единственным гвоздем. И он приказал слугам не подбирать подковы, а оставлять их лежать на земле.

Наконец паломники достигли Константинополя, где Роберт с размахом продемонстрировал и свое богатство, и свои вызывающе плохие манеры. Император Михаил, следуя традициям восточного гостеприимства, вел себя в отношении невоспитанного гостя гораздо более почтительно, чем презирающие герцога и награждающие его разными кличками поданные. Он даже оплатил все расходы, связанные с прохождением нормандской процессии, бесспорно, позаботившись о том, чтобы не возникало никаких неудобств и конфликтов между северянами и его собственным народом. Когда визит был завершен и Роберт отправился дальше в направлении Иерусалима, его уже достаточно слабое здоровье, подорванное плохими условиями жизни, внушало все больше опасений. В конце концов он уже не мог даже короткое время идти пешком, и его несли в паланкине негры.

Крестовые походы способствовали тому, что дороги были заполнены паломниками, солдатами и другими путешественниками. Однажды им повстречался человек из Котантена, старый знакомый Роберта. Герцог сказал с грустной улыбкой, что его несут, как труп на похоронных дрогах. «Мой господин, — спросил крестоносец, который, похоже, был потрясен и опечален, увидев страдания герцога, — мой господин, что мне сказать, когда я доберусь до дома?» — «Что ты видел, как меня несут в рай четыре дьявола», — ответил герцог, как обычно, всегда более склонный к шуткам, чем к серьезному восприятию вещей и выполнению своих обязанностей. У него было намерение путешествовать неизвестным, одетым, как простой паломник, но лишь одна его расточительная щедрость выдавала тайну, которую он действительно хотел сохранить.

За воротами Иерусалима всегда ждала толпа людей, не способных заплатить за вход, а этого требовали от всех паломников. Прежде чем войти через ворота в город, Роберт заплатил за всех. На обратном пути долгое путешествие Роберта было внезапно прервано. По слухам, его отравили в Ницце. Герцог был похоронен в местном храме с большими почестями. Он собрал много священных реликвий, и все они были благополучно доставлены в Нормандию Тостигом, казначеем герцога, который, похоже, верно служил ему до конца.

VII

НОРМАННЫ В ИТАЛИИ

И должно освободиться место для величайших умов своего времени.

Марвелл

В известном предании о Гастингсе, капитане викингов говорится, что во время одного из путешествий вдоль побережья Средиземного моря, подплыв к одному из тосканских городов, он принял его за Рим. Безусловно, он отчетливо представлял, какие богатства находятся в римских

церквях, но у него было слишком мало людей, а город казался большим и укрепленным, силы были неравными. Об осаде города нечего было мечтать — это лишь раздражило и разозлило бы жителей, поэтому Гастингс разработал хитроумный план, с тем чтобы нанести внезапный удар в самое сердце.

К благочестивым церковнослужителям был отправлен моряк. Весь в слезах, с осунувшимся лицом, он сообщил, что на борту корабля умирает северянин Гастингс и что он хочет перед смертью очиститься от грехов и принять христианство. Это выглядело весьма правдоподобно и заманчиво, и один из слуг Господних с открытым сердцем отправился к Гастингсу и совершил богослужение над его грешной душой. На следующий день стало известно, что разбойник умер. Рано утром его товарищи принесли гроб с телом в церковь, следуя за ним беззащитной жалкой вереницей. Они собрались вокруг гроба, и вскоре началась служба. Священники были готовы начать отпевание, их головы то поднимались, то опускались вниз. И вдруг с грохотом слетает крышка гроба, оттуда выпрыгивает Гастингс, а его люди выхватывают спрятанные под одеждой сверкающие кинжалы. Они срезают драгоценности с дорогих одеяний священников и, закрыв двери церкви, убивают несчастных, как овец. Забравшись на высокий алтарь, они забирают украшения, священные чаши, подсвечники и другую церковную утварь.

Жители города, заметив, что пираты двинулись к гавани, организовали яростную погоню. Но пиратские корабли уже снова в море, и горожане слышат лишь удаляющийся смех и крики, в бессилье наблюдая за мелькающими веслами. Такое не должно больше повториться! Люди, рыдая, поднимают своих мертвых и умирающих священников с залитого кровью пола. Вот так происходило первое знакомство итальянцев с северянами, внуки которых покорят обширные владения в Апулии, Сицилии и других прекрасных местах внутренних морей Италии и Греции. Должно быть, итальянцы так же страдали от втор-

жений подобного рода, как если бы орды жестоких эскимосов атаковали наши побережья. Достаточно вспомнить о великолепии итальянских городов, о знаменитых художниках и поэтах тех дней, чтобы отчетливо представить себе огромную разницу между цивилизованностью и моральными качествами захватчиков и их жертв. В те времена войны были обычным явлением, и у каждой нации были свои заклятые враги, появившиеся в силу расовых предрассудков и ненависти к завоевателям. Быть великим воином тогда означало быть великим вообще. Ко времени правления третьего герцога норманнов взаимоотношения между северянами и итальянцами во многом изменились.

Между правлением пирата Гастингса и Танкреда Отевильского и Роберта Гвискара прошел недолгий срок. Нормандия заняла свое место в ряду мощных и уважаемых европейских держав. Одно из могущественных феодальных владений Франции, она стала врагом, которого следовало почитать и бояться, а никак не презирать. Она была верна римской церкви, очень благочестива и щедра по отношению к религиозным учреждениям: ни в одной части Южной Европы не строилось столько церквей, не совершалось столько паломничеств и не почитались так Бог и собственная честь. Рыцари Нормандии перед боем молились, и их уже прославляли в хрониках и песнях.

Трубадуры воспевали их благородные дела повсеместно. Мир видел их храбрость и доблесть. И когда они становились беспокойными и отправлялись в странствия, демонстрируя растущее желание расширить владения и стать хозяевами новых земель, то весь мир смотрел на них с завистью и одобрением. В конце концов норманны избрали собственный путь, но это уже совсем другая история.

Сегодня есть все основания полагать, что проявившиеся впоследствии готовность англичан образовывать колонии и их способность адаптироваться к любым — климатическим и другим — условиям жизни на чужбине была

предопределена в нормандских поселениях вдоль побережья Средиземного моря. Возможно, следует еще раз отметить, что норманны более ранних периодов с их тягой к странствиям и любовью к приключениям были подлинными предками английских колонистов. Но Нормандия начала одиннадцатого века тогда уже отчасти напоминала современную Англию. Ее могущество укрепились, и территория стала слишком мала для удержания такого количества энергии. Население с огромной быстротой увеличилось, и вновь проявилась былая страсть к покорению и поиску лучшей доли. С наступлением лета пчелы образуют новый рой, и так же, как пчелам, норманнам и англичанам нужен был лидер, который бы поднял и сконцентрировал вокруг себя общий дух, иначе совместные силы были бы рассеяны и растрочены впустую.

Эту простую аналогию с пчелами можно продолжить, чтобы объяснить, как странники и искатели приключений, не будучи слишком религиозными, меньшими или большими группами, прокладывали себе путь на юг, к святыням Иерусалима или к источникам богатства и роскоши Востока. Эти походы не имели большого успеха. Хотя мы обнаруживаем, что уже в 1026 году герцог Неаполя позволил группе норманнских пилигримов поселиться в Аверсе и даже помог им построить и укрепить город, который стал чем-то вроде форпоста в Капуа. Сложилось мнение, что норманны готовы и к другим кампаниям: они любили участвовать в сражениях. Итальянские принцы наперебой приглашали их к себе на службу, и норманны показали себя самой грозной силой и верными союзниками при подавлении народных волнений. Вот что рассказывает о них один из историков того времени:

«Норманны коварный и мстительный народ, красноречие и притворство являются их врожденными качествами. Они могут унижаться и льстить вам, но если их не удастся держать в узде, то они предаются страстям и ведут вольную жизнь. В своем стремлении к богатству и роскоши они презирают все, чем владеют, в надежде на осуществление своих

желаний. Норманны восхищаются оружием и лошадьми, роскошной одеждой, соколами и охотой. Однако в чрезвычайных ситуациях они с невероятным терпением могут переносить суровость любого климата и лишения военной жизни».

Как сильно это описание напоминает нам старых викингов! Но нельзя не заметить и определенных изменений, которые появились в характерах северян и датчан. Сейчас им уже присущи черты французов. Их можно сравнить со скромной отделкой из более мягкого полированного дерева по твердому и жесткому дубу.

Аверса вскоре заняла важное место в этой части мира. В норманнской колонии велась большая миссионерская работа, а Роберт Гвискар, главный норманнский искатель приключений и основатель Неаполитанского королевства, был вождем и вдохновителем множества предприятий. Просматривая многочисленные тома по истории тех времен, мы с разочарованием обнаруживаем, что этот интересный эпизод в развитии норманнской цивилизации почти не упоминается.

В одной из долин Котантена около небольшого ручья, впадающего в реку Дав, до сих пор стоят разрушенные временем стены старого норманнского замка. Соседние поля еще сохраняют свои старые названия — Парк, Лес и Дав-Кот, и это все, что хоть как-то напоминает о прежнем феодальном поместье. Не так давно вокруг имения росли огромные старые дубы, и в тени большого кедра стояла маленькая церквушка, построенная в очень далекие времена. На ее крыше находились оборонительные сооружения, и высоко в небо вздымалась великолепная башня с двойным крестом.

В самом начале одиннадцатого столетия в этом тихом уголке жил старейший нормандский дворянин, который был одним из лучших солдат герцога Ричарда Гуда. Он исходил множество дорог в поисках добычи и славы. Под его командованием находилось десять вооруженных воинов, телохранителей герцога. После долгих лет службы при дво-

ре Танкред (так звали дворянина) вернулся в свой спокойный родовой дом, чтобы там провести остаток жизни. Он был беден, и у него была большая семья. Его первая жена Мюриель оставила после себя нескольких детей, с которыми их добрая мачеха обращалась с такой же нежностью и заботой, как и со своими детьми. Сыновья Танкреда Отевиля получили типичное для дворянских детей того времени образование, и, кроме того, прекрасно владели оружием, были хорошими наездниками и знали все тонкости охоты. Они обучали соколов, росли смелыми и сильными. Всего было 12 сыновей, и все они были отличными воинами. Трех сыновей от первой жены звали Вильгельм, Дрого и Хамфри. Шестого сына, брата первых трех, от второго брака, звали Робертом, и очень скоро он заслужил прозвище Гвискара, или Мудрого. Эти сыновья рыцаря Отевиля были статными и красивыми. Один из древних французских историков рассказывает, что они вели себя с достоинством и что уже в юности было заметно, что они способны на великие дела, и было легко предсказать их будущее.

Когда братья были еще мальчишками, их старший брат, Серлон, который уже поступил на службу при дворе, за нанесенное ему оскорбление убил одного из дворян герцога Роберта. За это он был выслан в Англию, где провел некоторое время в ссылке, изо всех сил стремясь вернуться в Нормандию. Судьба сына огорчала обитателей поместья в Котантенской долине. Похоже, многое зависело от успехов Серлона, и нетерпеливые юноши дома ожидали его возвращения, надеясь с его помощью сделать карьеру. Однако разочарование не слишком затянулось. В то время король Франции Генрих, который мог лишиться трона из-за интриг, которые плели его братья и мать, Констанция Прованская, приехал к герцогу Нормандии за помощью. В это время домой вернулся Серлон, хотя его никто не приглашал. Как разъяренный тигр он сражался при осаде Тилье, которая, как известно, велась очень долго, а мы хорошо знаем, как тогда велись военные действия:

каждый день из ворот города выходил устрашающего вида рыцарь, который бросал осаждающим вызов сразиться один на один. Сына доброго старого Танкреда не испугал вид тех несчастных, которые погибли от руки противника. Однажды на рассвете Серлон подошел к воротам и вызвал рыцаря на бой.

Грозный противник не заставил себя ждать — он появился в сверкающих доспехах верхом на разгоряченной лошади. Он спросил Серлона, кто он такой и, инстинктивно чувствуя, что наконец-то встретил достойного противника, посоветовал нормандскому воину уходить прочь и не вступать в ним в сражение.

Никто не узнал изгнанника, поскольку тот держал забрало шлема закрытым. Когда битва закончилась, голова поверженного врага была отрублена и наколота на победоносное копьё, Серлон молча прошел вдоль рядов нормандских рыцарей, исполненных гордости и славы. Однако, несмотря на их приветствия, он не открыл лица. Вскоре герцог Роберт узнал об этом славном подвиге и объявил о том, что такой доблестный рыцарь не должен скрываться. Он послал гонца с этим известием, с тем чтобы незнакомец открылся. Когда герцог узнал, что героем был Серлон, то он поспешил ему навстречу, обнял и прижал к груди. Более того, он вернул ему все земли и богатства, конфискованные при высылке из страны.

Слава старшего брата заставила других сыновей быть более активными в стремлении доказать собственную доблесть. Однако в Нормандии оставалось мало шансов для этого, поскольку война вскоре была закончена. Но когда Роберт вновь посадил на трон французского короля, он твердо решил, как уже говорилось, отправиться в длительное путешествие. Шансы добиться большой славы дома, когда наследник, молодой Вильгельм, был слишком непопулярен и слишком оберегаем герцогом Бретани Аланом, были невелики. Сыновей Отевила не привлекала перспектива в течение долгих лет наблюдать незначительные стычки и предательские интриги, они искали другие возмож-

ности для применения своей энергии. Они уже не находили удовольствия в том, чтобы, оставаясь дома, обучать своих соколов. Эта жаждущая славы молодежь искала собственные пути, а древнее родовое имение постепенно приходило в упадок.

Таким образом, Вильгельм, Дрого и Хамфри покинули отчий дом в поисках лучшей доли, подобно сказочным принцам. Узнав о том, что Райнульф приглашает своих соотечественников, и о том, что он стал графом новых владений в Аверсе, они обратили взоры на Италию. Невозможно удержаться, чтобы на мгновение не представить их покидающими порог своего дома — трое молодых храбрцов вместе. Их старый отец задумчиво смотрит им вслед, но его глаза горят, он снова переживает собственную молодость и душа его рвется в долгий путь. Плачут маленькие сестры, а младшие братья с нетерпением ждут дня, когда наступит их черед отправиться на поиски приключений. Прирученные соколы перепархивают с места на место и перебирают свои перышки, лапки их связаны. На склонах холма зелеными волнами колышется трава, яркий свет слепит старческие глаза, вглядывающиеся вдаль, вслед уезжающим на юг сыновьям. Всхлипывает мать и возвращается в темный зал, утирая слезы, поднимается по лестнице, чтобы с башни еще раз увидеть прямые спины и гордо поднятые головы молодых рыцарей или хотя бы поймать взглядом отблеск конской сбруи мелькающей между деревьев.

Им предстоит в сражениях прокладывать себе путь, и, когда они наконец достигнут Апулии, для их мечей еще будет достаточно работы. К югу от Рима лежали земли независимых графств Неаполя и республики Амальфи, южнее греческие владения Ломбардии, у которой был собственный правитель и которая представляла собой не что иное, как остаток прежней Восточной империи.

Прекрасный остров Сицилия находился в руках мусульман и принадлежал африканскому королевству Тунис. В 1038 году правитель Ломбардии счел, что у него наконец появился шанс осуществить то, к чему он стремился дол-

гое время. Он решил присоединить Сицилию к своим владениям. Арабы вели междоусобные войны и были разделены на несколько слабых, но непримиримых группировок. Поэтому он обратился к норманнам с просьбой помочь покорить арабов. И вскоре Сицилия была покорена. Однако норманны ничего не получили от этих побед: наоборот, ломбардский правитель оказался алчным и неблагодарным. В ответ на сделанное добро при разделе добычи разгорелась серьезная ссора. Два года спустя норманны вернулись и напали на Апулию. Они так основательно потрепали греков в Каннах, что за теми осталось всего несколько городов.

Это произошло в 1043 году, и мы с удовлетворением обнаруживаем, что Вильгельм Отевиль стал президентом новой республики Апулии. Разве не продемонстрировали трое братьев свои способности и доблесть? Или, возможно, они лишь никогда не забывали мудрых речей старого отца и воспользовались его советом не тратить зря силы на то, чтобы быть великими в малом, и всегда стремились добиваться крупных побед. Все большие надежды, которые наполняли их сердца на пути из Нормандии, должно быть, осуществились. Они уже стали вождями в Апулии и находились в первых рядах создателей аристократической республики. Всеобщим голосованием были избраны двенадцать графов, которые жили в столице Мелфи и решали вопросы в военном совете, который возглавил Вильгельм.

Вскоре с Востока и с Запада на молодое процветающее государство стали устремляться алчные взоры. Европа прекрасно помнила, как развивались незадолго до этого события в Галлии, куда пришли норманны. Папа Римский и императоры Запада и Востока образовали союз для того, чтобы изгнать непрошенных гостей из своих городов. Однако двое из этих императоров были вынуждены вернуться домой для защиты своих цитаделей. Лев X¹ остался в одиночестве. В борьбе против воинственных соседей ему помо-

¹ Речь идет о Льве IX (1002—1054 гг.). — *Прим. ред.*

гала лишь горстка немецких солдат, которых ему оставил Генрих III. Норманны предложили Его Преосвященству неплохие условия договора, но тот рискнул вступить в сражение при Чивителле. В результате армия была разбита, а сам он взят в плен. Затем хитрые норманны сказали, что они чрезвычайно огорчены тем, что пришлось сражаться против самого Отца Церкви, и стали умолять его — пленника — получить Апулию в качестве феодального поместья папского престола. Это может показаться очень странным, если не задумываться над тем, что этот шаг давал норманнам устойчивое положение среди итальянских властителей, что в свою очередь вело к союзу с силами, поддерживающими интересы папы.

Когда Вильгельм Отевиль умер, а его полномочия правителя, или первого графа, перешли к его брату Дрого, в Амальфи появилась группа странников с котомками и посохами. Вообще-то в этом не было ничего необычного, но во главе этой запыленной компании шагал необыкновенной красоты молодой человек лет 25. Его одухотворенность, благородные и гордые черты лица, даже интонации голоса говорили о том, что он не простого происхождения. Цвет лица, густые белокурые волосы не давали никакого повода думать, что он прибыл из южной страны. И тут Дрого узнал в нем одного из своих братьев, оставшихся дома маленьких мальчиков, — это был Роберт, которого называли уже Гвискаротом. Он собрал достойную группу спутников из пятерых рыцарей и 30 вооруженных воинов. Перед началом путешествия эти люди в некотором смысле изменили облик, поскольку римский двор, опасаясь растущего влияния норманнов в Италии, делал все возможное, чтобы помешать их проникновению в страну. Им и всем, кто шел с севера для воссоединения с новой колонией, не давали разрешения пересекать свои территории. Вместе с Робертом прибыл и его брат, Гумберт Отевильский. После смерти старого рыцаря Танкреда в Италию раньше или позже прибыла вся семья, кроме Серлона, даже мать и сестры оказались там.

Роберт прибыл вовремя для участия в битве при Чивителле, где проявил себя наилучшим образом. Он был вдохновителем всех успехов норманнов на Юге. И он сделал для новой Нормандии больше, чем кто-либо из старших братьев.

Его приятные манеры притягивали к нему множество друзей, которые преданно любили его и объединялись для того, чтобы действовать вместе. Он был достаточно хитер и дипломатичен, что было необходимо в борьбе с южными врагами, а его амбиции вели его вперед, не оставляя места чувствам жалости или хотя бы справедливости. Подобно другим норманнам, он был жесток, и его поступки были поступками человека, который видит перед собой цель и идет к ней напролом. В то время как Вильгельм Завоеватель готовился примерить корону Англии, Роберт Гвискар задумал образовать Королевство двух Сицилий¹.

Спустя какое-то время Дрого был убит и его место занял Хамфри. Однако они с Робертом никогда не ладили. Неудачи Роберта были связаны с тем временем, в которое он жил. Однако его неутомимость и амбиции, похоже, сильно беспокоили его брата. Возможно, Хамфри видел в нем соперника. Так или иначе, но Роберт оказался в положении почти пленника государства. После смерти Хамфри, у которого остались лишь маленькие дети, состоялись выборы нового графа. Гвискар выиграл и в 1054 году стал графом Апулии и правителем республики. Не следует удивляться тому, что позднее его титул стал гораздо длиннее, поскольку он потребовал у папы Николая II титула герцога и величал себя следующим образом: «Волей Господа и святого Петра герцог Апулии, Калабрии и Сицилии».

В своей книге «Норманны в Европе» А.Джонсон пишет: «Медицинские и философские школы в Салерно, давно из-

¹ Южную Италию в некоторых источниках называют Сицилией. — Прим. ред.

вестные в Италии, прибавили славы его королевству, торговля, ведущаяся в Амальфи, одном из первых итальянских коммерческих городов, распространилась до Африки, Индии, что способствовало созданию колоний в Константинополе, Антиохии, Иерусалиме и Александрии, еще более обогатило его обширные владения. В Амальфи было хорошо развито мореплавание, и считается, что именно там изобрели компас. Под управлением нормандских герцогов эта провинция удерживала положение итальянской королевы, до того как достигли расцвета более известные города — Пиза, Генуя и Венеция».

Роджер Отевильский, младший из братьев, во многом походил на Роберта. Он покорила Сицилию, а его экспедиция была названа крестовым походом против неверных. Это было тридцатью годами раньше присоединения богатого острова к юрисдикции Рима, которой его впоследствии лишили мусульмане. Роджер получил титул графа, но в его владениях феодальные принципы преобладали над республиканскими. Успех воодушевил Роджера, и он начал кампанию против Восточной империи, которая продолжалась в течение всей его жизни. Эти вторжения сами по себе не были очень успешными, но они способствовали большим переменам. Первый крестовый поход подытожил планы Роберта и во многом изменил отношения между Востоком и Западом на многие последующие годы.

Мы намного опережаем медленное течение рассказа о норманнах, о Нормандии и Англии, давая краткий очерк истории южных герцогств. Рассказ об Отевилях — это еще один пример отваги и предприимчивости норманнов. Нас постоянно сопровождает дух приключений, рыцарства и амбициозности, мы чувствуем стремление покорять и править и с течением времени с удовлетворением отмечаем, как постепенно угасают худшие человеческие качества, такие как жестокость и алчность, лживость и тщеславие, зависть и лесть. В своем предисловии к «Короткой истории Англии» Г-н Грин пишет: «Прогресс является хорошей направляющей силой и результатом социального разви-

тия. Чем больше мы думаем об этом, тем лучше для нас и нашей страны. Едва ли традиции Гастингса-северянина и его варварское пиратство отмерли до того, как прибыли более поздние норманны, сначала разрозненными группами, а затем целыми регионами, чтобы обосноваться в Италии. Но нельзя не почувствовать, что они многое сделали для того, чтобы исправить злодеяния своих предков. Юг Италии и Сицилийское королевство Роджера находились под более мудрым и гуманным правлением, чем какое-либо другое государство тех дней; люди были предприимчивыми, процветали все виды торговли, и особенно было развито производство шелка. Возможно, мягкий климат и простой комфортный образ жизни немного успокоили прирожденную норманнскую неутомимость. Кто знает?»

Тем не менее мы находим еще более точное объяснение причин процветания двух Сицилий, прочитав следующий отрывок из старой хроники о короле Роджере: «Он любил справедливость и сурово наказывал преступления. Он ненавидел ложь, делал все по правилам, никогда не обещая того, чего не собирался воплощать в жизнь. Он никогда не преследовал личных врагов, а во время войны стремился использовать любую возможность, чтобы добиться цели без кровопролития. Во всех его владениях царили справедливость и мир».

Подробное описание времен правления Отевилей можно найти в «Рассказе о Сицилии». Однако перед тем, как закончить этот краткий очерк о ее покорении, несколько слов о некоторых сохранившихся памятниках времен норманнского правления. Остатки норманнской архитектуры той эпохи до сих пор сохранились в Палермо и других городах, привлекая нас своим романтическим прошлым. Руины монастырей можно встретить довольно часто. И все еще сохранились многие действующие церкви, хотя они и потеряли первоначальный облик в результате современных достроек и неграмотной реставрации. Норманны улучшили формы западной архитектуры в этих местах, так же как и в других, где они побывали. И их более простые зда-

ния интересно контрастируют с постройками в восточном стиле, оставленными сарацинами. За пределами крупных городов почти в каждом поселке есть по крайней мере какие-то остатки норманнской каменной кладки, а в Адорно — это только один из примеров подобного рода — прекрасно сохранился великолепный норманнский замок, который в настоящее время используется как тюрьма. В Тройне, мрачной зубчатой крепости, сохранилась колокольня и часть стены храма, построенного Роджером I в 1078 году. Именно в Тройне он с женой основал свой двор пятнадцатью годами ранее и выдержал четырехмесячную осаду сарацин. Г-н Галфрид, хроникер, с грустью рассказывает, что у молодых правителей был один плащ на двоих и что они голодали, влача жалкое существование, но жена Роджера, Эринбурга, не жаловалась, терпеливо перенося все тяготы. В конце концов, не в силах спокойно смотреть на страдания жены, граф, собрав людей, повел их в отчаянную атаку на врага и победил. Г-н Галфрид говорит об этом: «Только от его руки с Божьей помощью погибло столько врагов, что их трупы лежали вокруг, как ветви деревьев в густом лесу после жестокого урагана». Однажды, когда Роджер сражался в Калабрии, Эринбурга оставалась в крепости и каждую ночь совершала обход по стенам вместе с часовыми.

Мы должны увидеть в Палермо благородные памятники эпохи норманнов и, кроме церквей и дворцов, могилы королей и архиепископов в храме Сан-Росарио. Там покоится и Роджер, «могущественный герцог и первый король Сицилии». Г-н Симондс пишет: «Угрюмы и величественны те места упокоения принцев среди порфира, собранного в далеких землях на скалистых высотах Хоэнстауфена, зеленых лугах Котантена, сухих холмах Арагона. Там они покоятся, а над их гробницами пролетают века. Время от времени их вечный покой нарушают кощунственные руки, разламывая гранитные крыши их склепов, чтобы найти локоны рыжих волос и остатки императорских мантий, на которых вышиты любимые королевские охотники, соко-

лы и олени. В соответствии с изменением архитектурных стилей и привычек последующих веков меняется облик церкви, в которой они покоятся. Но огромные каменные арки остаются нетронутыми, охраняя покой спящих и рассыпанную под мрачными каменными сводами пыль, в которой гаснет солнечный свет, струящийся из окон часовни»¹.

Невозможно удержаться, чтобы еще раз не процитировать слова того же прекрасного писателя. Посетив Венозу, маленький городок, где родился Гораций и где похоронен Вильгельм Отевиль вместе со своими братьями Дрого, Хамфри и Робертом Гвискаром, он писал:

«Ни один отрывок из истории не напоминает нам так рыцарский роман, как описание неожиданного подъема и быстрого расцвета двора Отевилей. За одно поколение сыновья Танкреда Отевиля прошли путь от эсквайров (помещиков) в нормандской долине Котантена до управления королевством богатейшего острова Южного моря. Северные искатели приключений стали султанами восточной столицы. Морские грабители вместе со скипетром перенимали и культуру арабского двора, выдавали замуж за принцев своих дочерей и управляли политиками Европы с помощью золота. ...То, чего они добились, справедливо или нет, пошло на пользу Италии и сохраняет свое значение до сегодняшнего дня, в то время как деятельность многих императоров и принцев осталась незамеченной, а сами они сошли со сцены истории, как актеры в пантомиме. Благодаря норманнам с юга были вытеснены греки, ломбардийцы и мавры. Было остановлено папство в его попытке основать провинцию святого Петра ниже Тибра. Республики Неаполя, Кайоты, Амальфи, которые подчас не уступали Милану, Генуе и Флоренции, были подчинены одному властелину. Короче говоря, именно норманнам Италия обязана этим Королевством двух Сицилий, которое составило 1/3 часть ее политической

¹ Исследования в Южной Италии.

силы и стало причиной ее наиболее значительных революций.

Подробности истории норманно-итальянских государств утеряны, особенно в английской литературе. Если бы развитие Южной Италии происходило поступательно до наших времен с теми же устремленностью и спланированной силой, которые придал ему этот энергичный импульс XI столетия, то, несомненно, ее роль в истории была бы постоянной, а не эпизодической. Неблагоприятные климатические условия были для уроженцев Северной и Восточной Европы, безусловно, серьезным препятствием для сколько-нибудь устойчивого прогресса. Сегодня норманнские постройки странным образом отличаются от близлежащих и являются почти единственными свидетельствами существования на Юге неповторимых норманнских правительств. Один историк-оптимист, современник Отевилей, заставляет нас поверить в то, что «безопаснее было находиться в сицилийских чащах, чем в городах иных королевств».

VIII ЮНОСТЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

*Героизм славных сердец со временем ослабевает,
но стремление бороться, искать и не сдаваться оста-
ется.*

Теннисон

В ряду вошедших в историю личностей был человек, знаменитый тем, что, похоже, более, чем кто-либо другой, олицетворял свою нацию, являясь символом норманнской прогрессивности, твердости и доблести. Он не просто замечательным образом выделялся среди соотечественников, но был одним из величайших людей и правителей. В мировой истории не было более деспотичного повелителя, и это способствовало тому, что он стал

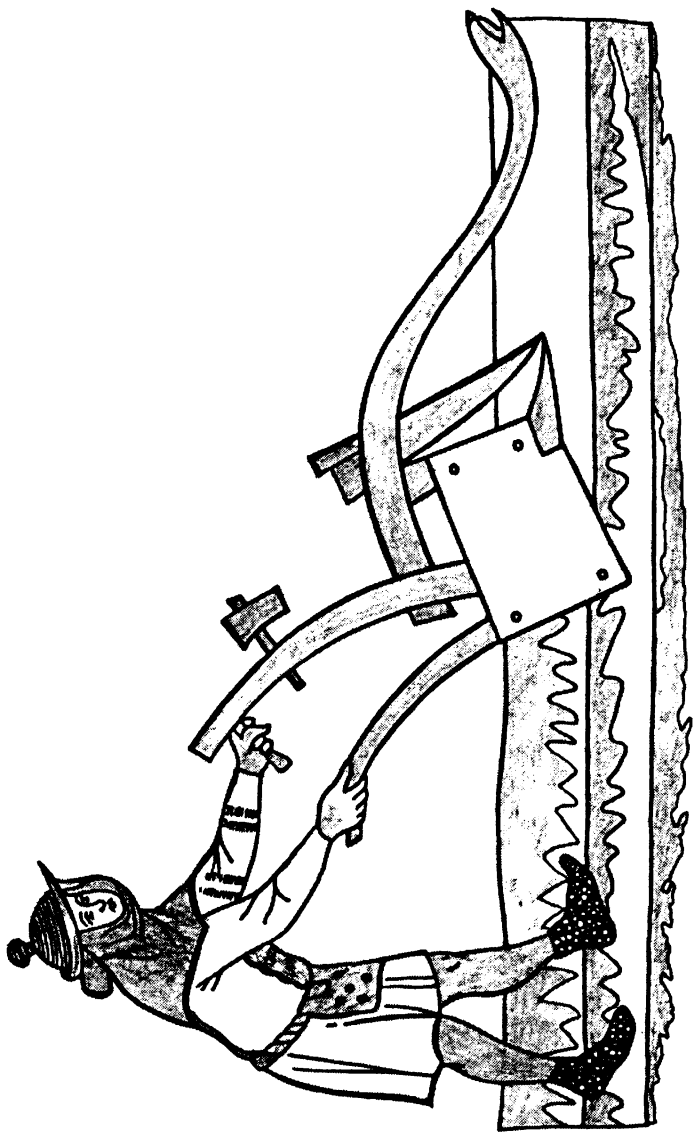
властелином могущественной и в какой-то мере безрассудной нации, собравшей великие богатства и овладевшей огромными территориями. И все это могло бы выскользнуть из его рук до того, как он достиг зрелости, если бы не железная хватка, быстрота и храбрость, с которыми он противостоял испытаниям. Г-н Джонсон пишет: «Он был рожден для того, чтобы сопротивляться, чтобы возбуждать человеческую зависть и пробуждать скрытую враждебность лишь затем, чтобы с триумфом подняться надо всеми и показать человечеству результаты работы, которых может достичь один человек — человек твердых принципов и решительной воли, который ставит перед собой определенную цель и идет к ней, не сворачивая, твердым шагом. Он был человеком, которого опасались и уважали, но никогда не любили, избранным, кажется, самим Провидением, чтобы расстроить принятое нами заключение и, противопоставляя себя народным героям, сокрушая их и национальные симпатии, доказать нам, что прогресс наций требует чего-то большего, чем просто популярность, чистота и красота характера, а именно: способности хорошо продумывать свои планы и силы воли, чтобы их осуществлять, перестраивая отжившие институты и политическую жизнь государства. Будучи незаконнорожденным, не имея титула своего герцогства, обладая лишь завещанием своего отца, оставшись в юном возрасте с несколькими друзьями и множеством врагов, жестоким соперничеством дома и завистливым верховным владыкой, лишь радовавшимся при унижении своего вассала, он постепенно пробивает себе путь, приобретает герцогство и преодолевает соперничество в том возрасте, когда большинство из нас находятся еще под присмотром воспитателей и попечителей; он расширил свои владения далеко за те пределы, которые ему передали предки, а затем, покинув родную землю в поисках других завоеваний, благодаря своей неотразимой энергии покори́л другое королевство. И, что особенно странно, обеспечил себе всеобщую поддержку в своей агрессии, как

если бы, будучи незаконно обиженным, добился восстановления в правах. Действительно, у норманнов не было лучшего представителя их необыкновенного могущества».

Вильгельму было семь лет или чуть больше, когда отец оставил его, отправившись в паломничество. Его положение было отчаянным и жалким, и уже с детских лет ему приходилось страдать от неприязни к себе. Ни справедливость, ни верность своему слову, ни неожиданная снисходительность — ничто в его характере не способствовало завоеванию и удержанию дружбы, хотя он был настоящим лидером, руководителем и заслуживал честной преданности, а не оказываемого ему из страха почтения. Его правление было действительно правлением силы, но следует заметить, что в безнравственный век он отличался чистотой и сдержанностью. То, что он не сделал ничего плохого, не дает оснований называть его добрым, поскольку хороший человек — тот, кто творит добро. Однако его аскетизм помогал голове быть ясной, а рукам — крепкими, позволял ему всегда быть начеку, в то время как другие демонстрировали глупость, так что снова и снова он мог воспользоваться любыми преимуществами и завладеть ключом к успеху. Когда был жив его отец, бароны неохотно выказывали герцогу уважение, и в этом было что-то родственное мрачной уступчивости, которой они не избежали. Герцог Бретани Алан оправдывал оказанное ему доверие и всегда контролировал любые раздоры, предотвращая заговоры против своего подопечного. Старая неприязнь между ним и Робертом была забыта, но в результате Алана все же отравили. А со смертью Роберта, ставшей сигналом к восстанию знати, жизнь Вильгельма в течение десятилетий находилась под угрозой. Он никогда не оказывал почтения королю Франции, но длительное время и ему никто не воздавал должного; бароны считали ниже своего достоинства демонстрировать преданность и порой, казалось, полностью забывали о существовании молодого герцога, в жестоких ссорах убивая людей своего круга. Мы находим

упоминания о Вильгельме Талвасе, по-прежнему заклятом враге незаконнорожденного сына Ричарда. С ним связаны многие заговоры и раздоры, и он, похоже, твердо решил, что его проклятие сбудется. Это стало целью его жизни. Дворы Монтгомери и Бомона были связаны с ним анархией и предательством, именно из-за злобной ненависти Монтгомери погиб верный Алан. Сам Вильгельм чудом избежал смерти, в то время как некоторым его друзьям повезло меньше.

Все они находились в хорошо укрепленном замке Водре, месте, хорошо известном потомкам Лонгсворда, ведь это был дом Сперлинга, богатого мельника, за которого вышла замуж Эсприота. Об этой крепости говорили, что она была местом многих преступлений, но герцог Роберт готов был поставить на карту славу замка и доверил своего мальчика его стенам. Никогда эти стены не знали более черного злодеяния, которое было совершено, когда Вильгельму было всего двенадцать лет; тогда в его комнате был заколот ножом во сне один из его приятелей. Нет сомнения, что Монтгомери, нанеший жестокий удар, был уверен, что убил молодого герцога, и поэтому удалился удовлетворенный содеянным. Но Вильгельм спасся: его увезли и спрятали в крестьянской хижине, в то время как убийства его друзей продолжались. Страна кишела его врагами. Население Котантена, всегда более скандинавское, чем французское, приветствовало возможность получения независимости, и худшая сторона феодализма начала решительно отстаивать свои права. Человек против человека, высшее сословие против низшего, крестьянин против солдата — кровавые ссоры разгорались все сильнее и разрушали все вокруг подобно ужасной эпидемии. В феодальном государстве было достаточно причин для волнений, которые вызывались повсеместными беспорядками, не говоря уже о правах нежелательного молодого претендента на герцогство. Интересно наблюдать, как в общественном сознании уживались противостояние феодальной системе и верность идее наследственной монар-

Норманнский пахарь

хии. Даже Великий Гуго, король Франции, задолго до описываемых событий руководствовался этой идеей в своем стремлении использовать шанс для захвата трона. И хотя огромная империя Карла Великого на протяжении длительного времени подвергалась грабежам и разделам, там все еще существовала тяга к стабильности и порядку, к идеальной монархии.

Французскому народу пришлось пережить тяжкие испытания. Но не только из-за войн и волнений он ненавидел своих правителей (поскольку эти факторы иногда улучшали его положение — часто именно войны и волнения являются единственным путем к миру и спокойствию). Люди страшились самой природы феодализма и его политической мощи. Он, похоже, крепко держал их, делая невольниками, запутывая в своих сетях и сковывая кандалами. Феодальные лорды были мелкими князьками и лишь в незначительной степени деспотами. Их связывали определенные узы и вассальная зависимость, но в то же время они были абсолютными хозяевами своих владений. Их подданные, много их было или мало, находились под их прямым контролем. При абсолютных монархиях большое население и обширные территории сами по себе уже служили гарантами безопасности и спокойствия для средних и низших классов, поскольку это давало возможность собрать большую армию, и все же многие подданные не чувствовали ответственности за происходящее. При феодальной же системе таких шансов не было: лорды всегда вели войны и болезненно строго следили за своими ресурсами. Все жители должны были принимать участие в предприятиях своего хозяина, и подданных постоянно грабили и заставляли работать не покладая рук. Даже если хозяин какого-либо владения не имел личных мотивов для ссоры, его вполне мог призвать сторонник или союзник выступить на его стороне против другого. В государстве, где правили сенат или духовный совет, правление было менее капризным. Даже в те дни разные клики, добываясь благосклонности, обещали различные блага. Что касается

феодалных лордов, то они были полными хозяевами на своих территориях и могли делать все что хотели, не спрашивая ни у кого совета или согласия.

Это касается отношений лордов со своими крепостными, но между лордами эти отношения были совсем другими. В силу сложных формальных обязательств и зависимостей, необходимой для каждого феодального деспота неусыпной бдительности и готовности, самоконтроля и быстрого принятия решений возник наиболее активный, хорошо развитый класс знати. В то время как хозяин феодального замка (или крепости разбойника, если хотите) отсутствовал по причине совершения грабительских набегов или ведения войн, его место занимала жена, достойно управляя своими подданными. Норманнские женщины высших классов уже были знамениты по всей Европе, и поскольку мы рассматриваем судьбу Нормандии, то хотелось бы рассказать и о них, исполненных достоинства и облеченных властью. Мы можем представить их одухотворенные лица и красоту, которая всегда была силой и которую многие из них уже научились использовать для достижения своих целей.

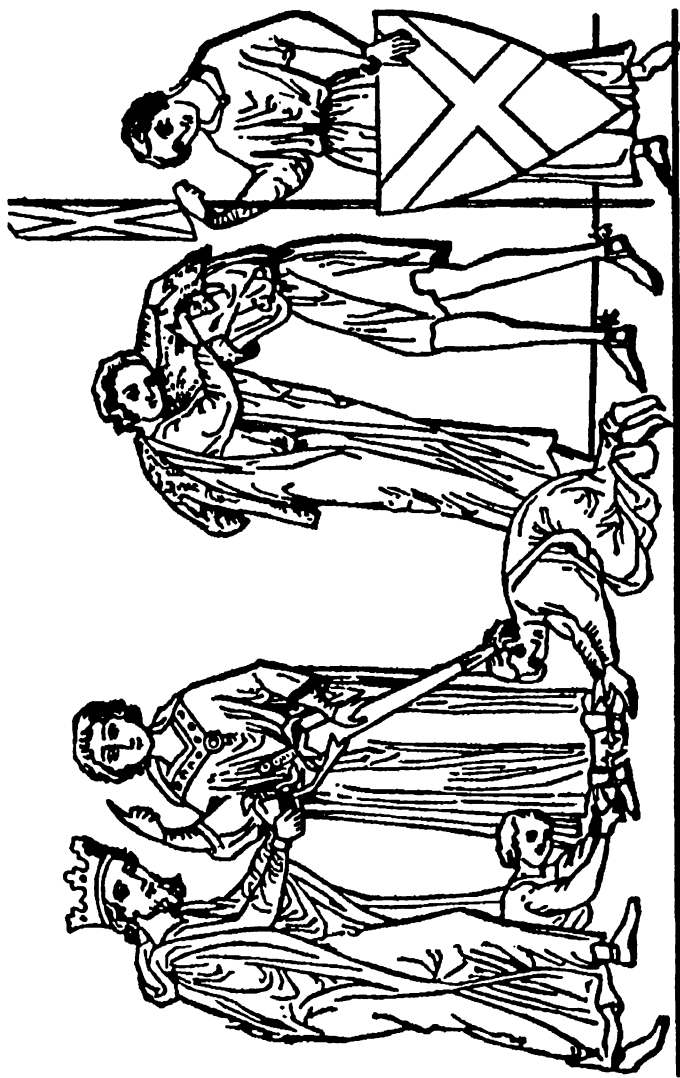
Как бы мы ни сокрушались по поводу условий жизни в Нормандии, положения низших слоев общества в те времена, как бы ни сочувствовали унылому существованию и вынужденному терпению крестьянства, как бы ни были опечалены медленным развитием определенных областей, нас привлекает и восхищает нечто иное. Мы слышим военную музыку, кровь закипает в наших жилах, начинают сильнее биться наши сердца, когда представляем норманнских рыцарей, скачущих по пыльным римским дорогам. Сверкают на солнце копыта, становятся на дыбы кони, на холмах стоят замки разбойников, похожие на мрачных каменных чудовищ, сжавших зубы в ожидании добычи. Цветут яблони, дети разбегаются в стороны, освобождая дорогу всадникам. Весь цвет рыцарства вышел на марш, бряцают доспехи, развеваются знамена, блестят кресты на щитах — рыцари отправляются на защиту Иерусалима.

Рыцарство достигло своего расцвета и в ярком романтическом стиле песен, посвященных рыцарями своим возлюбленным, которых они доблестно защищали, и в молитвах Деве Марии, их покровительнице, поскольку они чтили честь и чистоту женственности. Они прошли через множество жестоких сражений с яростным мужеством храбрецов. Для них было просто сделать шаг от открытого вызова врагам Нормандии до защиты Церкви Господней. Сама религия стояла у истоков, способствуя развитию рыцарства, и норманны забыли о незначительных ссорах и мелких обидах, когда Мать-Церковь отдала на их милость свои беды и страдания. Именно христианству средневековье обязано появлением рыцарства, и в то время как историки жалуется на беззаконие, преступления и жестокость, смуты и вульгарность того времени, поэтичность, аскетизм и настоящая красота рыцарских традиций проявляют себя все ярче. Мужчины начинали выделяться новыми качествами, лучшие из них становились примером чего-то такого, чего раньше мир не знал. Список правил, которых должен был придерживаться рыцарь, не может не восхищать новыми идеалами христианской зрелости.

Рольф Гангер скорее гордился своей грубой жестокостью и эгоизмом, чем стыдился их. Новые правила игры требуют от воина тех же качеств, что и прежде, только больше смелости и бесстрашия, уже признаются права других людей, ценятся преданность делу и моральная сила. Это очень высокие идеалы.

При Вильгельме Завоевателе начали проводиться формальные церемонии посвящения в рыцари, которые, удивительным образом объединив поэтические образы рыцарства, традиции военной жизни и религиозные обязательства, не перестают удивлять нас подобным взаимодействием.

С молодого человека вначале снимали одежду и помещали его в ванну, чтобы очистить от скверны тело и душу — типично баптистский ритуал (все это делалось добровольно).

Облачение рыцаря в доспехи

Затем он облачался в белую тунику — символ чистоты, — потом надевал красное платье — символ крови, которую он готов был пролить, защищая дело Христа, — и поверх одежды надевалась плотная черная рубашка, символизирующая тайну смерти, которую должен постичь в итоге каждый человек.

После этого претендент в рыцари облачался в черное платье, чтобы поститься и молиться в течение 24 часов. С наступлением вечера его отводили в церковь, где он молился всю ночь один или со священником и рыцарями-поручителями. На следующий день он исповедовался, причащался, слушал мессу и проповедь о новой жизни и рыцарских обязанностях. После этого ему на шею вешали меч и он шел к алтарю, где священник снимал меч, освящал его и снова вешал на шею. Затем кандидат в рыцари преклонял колени перед лордом, который должен был дать ему оружие, строго спросив о причинах, побудивших стать рыцарем, предупреждал, что тот не должен стремиться к обогащению и праздности или носить имя рыцаря, не проявляя доблести. Наконец молодой человек торжественно обещал выполнять свои обязанности, и его властелин, вассалом которого он был, удовлетворял его просьбу стать рыцарем.

После этого рыцари и дамы облачали рыцаря в новую одежду: сначала надевались шпоры, затем кольчуга или броня, потом кираса, нарукавные браслеты, латные рукавицы и только затем — меч. Теперь он был готов к аккладе: лорд вставал, подходил к рыцарю и трижды ударял его плоской стороной меча по плечу или шее, иногда нанося удар кулаком в грудь, и говорил следующие слова: «Именем Господа, святого Михаила и святого Георгия делаю тебя рыцарем. Будь доблестным, бесстрашным и верным».

Затем к нему подводили коня и на голову нового рыцаря надевали шлем. Рыцарь тотчас садился на коня и, потрясая копьем, размахивая мечом, выезжал из церкви на улицу, где его ждала толпа людей, на всеобщее обозрение.

После этого начиналось всеобщее веселье, гарцевание на лошадях, и таким образом церемония посвящения в рыцари заканчивалась. Теперь он принадлежал к великому христианскому братству рыцарей. Мы заметили, какую большую роль играла религия в ритуалах и церемониях, но еще больше узнаем о духе рыцарства, если познакомимся с некоторыми из клятв, которые давали эти молодые мужчины, которые стояли на страже мира, несмотря на то что для его достижения выбирали путь войны и делали это своими мечами весьма охотно. Г-н Гвизо, автор «Истории Франции», откуда почерпнута большая часть настоящего описания, продолжает эту тему и приводит двадцать шесть статей, по которым рыцари приносили клятву. И это не был заранее определенный ритуал. Каждая эпоха вносила в этот порядок что-то свое. Это особенно интересно, поскольку позволяет проследить рост и развитие лучших идей и целей. Вряд ли возможно разобраться в более поздней нормандской истории, и крестовых походах в частности, без попытки понять рыцарей, как в свое время викингов.

Благодаря священникам десятого и одиннадцатого столетий, таким как Абельяр, Святой Ансельм, и другим их современникам формировался этот новый взгляд на обязанности и взаимоотношения людей. Интересно наблюдать, как церковь пользовалась феодальными связями и симпатиями людей, их воинственными чувствами и организацией для того, чтобы создавать более совершенное и более мирное служение Господу. Правдивость, справедливость и чистота проникали во взаимоотношения людей под влиянием церкви, а распущенность и дикость проявлялись все меньше, по мере того как набирал силу и яркость новый порядок вещей. Впоследствии положение изменилось и церковь использовала все ужасы тирании, огня и меча, добиваясь своих целей и укрепляя свою власть вместо власти Божественной правды и спокойствия Небесного существования. церковь стала именем и прикрытием человеческих амбиций.

Какими бы ни были претензии, насмешки, соперничество и стремление к власти со стороны недостойных священников, вряд ли стоит напоминать о том, что в каждую эпоху существует подлинная церковь и что истинные святые живут праведной полезной жизнью, пусть даже в тени или скрыто. Даже если в какой-то год утрачивался весь урожай зерна и страна страдала от голода как никогда, всегда находилась пшеница или другое зерно для сева следующей весной, и чем меньше были запасы, тем, несомненно, драгоценнее они казались. В одиннадцатом столетии, которое во многом было хаотичным и жестоким, всегда ощущается присутствие «рыцарей без страха и упрека», которые смело идут в бой, священников и монахов от Бога, которые скрываются и молятся в кельях и монастырях. Г-н Гвизо пишет: «Феодалное рыцарство и христианство, вместе взятые, стали причиной двух великих и славных событий того времени — завоевания Англии норманнами и крестовых походов».

Эти рыцарские обещания и клятвы, которые приводит г-н Гвизо, и нам нелишне будет прочитать более внимательно и попытаться следовать им, даже если наши сражения совсем другого порядка, а борьба с искушениями гораздо скучнее. Следует сказать, что наши враги часто, сталкиваясь с нами, «ломают копья», как в дни давних турниров. Но наши споры скорее напоминают древние схватки с коварным хищником в безлюдных местах, чем те яркие рыцарские поединки со сверкающими доспехами рыцарями и с восхищением наблюдающими за ними дамами.

Кандидаты клялись в следующем:

— служить Богу, всеми силами сражаться за веру — лучше умереть тысячью смертей, чем отвергнуть христианство;

— верно служить принцу и доблестно сражаться за него и родину;

— защищать права слабых — вдов, калек, незамужних женщин, быть справедливыми и поступать так, как требу-

ют обстоятельства, если эти действия не запятнают их собственную честь, честь короля или принцев;

— никогда не замышлять зла против кого бы то ни было, не присваивать чужое, а сражаться с теми, кто так поступает;

— никогда не совершать поступков из соображений личной выгоды, ни деньги, ни корысть не должны направлять их, а только слава и добродетель;

— сражаться за добро и всеобщее благо;

— выполнять свои обязательства и подчиняться приказам генералов и капитанов, которые имеют право командовать ими;

— защищать честь, звание и рыцарский орден своих товарищей и ни надменностью, ни силой не нарушать прав кого бы то ни было из них;

— никогда не сражаться группой против одного и избегать обмана и уловок;

— носить лишь один меч, если только не будет нужды сражаться против двух или нескольких врагов;

— в турнирах или других спортивных состязаниях никогда не применять острия своих мечей;

— будучи плененными во время турнира, с честью и достоинством выполнять все условия плена, кроме того, отдать победителю доспехи и лошадей, если нужно, и не участвовать в войнах без разрешения победителя;

— нерушимо хранить дружбу со всем миром, и особенно со своими товарищами, защищая их честь и достоинство во время их отсутствия;

— любить, почитать и поддерживать друг друга, помогать друг другу всякий раз, как только представится случай;

— дав клятву или обещание отправиться на поиски приключений, никогда не расставаться со своими доспехами, разве только во время сна;

— находясь в пути, не избегать опасных троп, не сворачивать с прямой дороги из-за страха столкновения с могущественными королями, чудовищами, дикими зверями или другими препятствиями, которые можно преодолеть мужеством и силой одного человека;

— никогда не принимать жалованья или денег от иноземного принца;

— при командовании войсками или вооруженными людьми обеспечивать наилучшие порядок и дисциплину, особенно в собственной стране, не причиняя никому вреда и не проявляя жестокости;

— если предстоит сопровождать женщину или девушку, служить ей, защищать и оберегать от опасностей и оскорблений или умереть, пытаясь сделать это;

— никогда не применять насилия по отношению к женщине или девушке, хотя они могут добиваться ее расположения силой своего оружия;

— не отказываться от битвы на равных, если не помешают ранения, болезнь или какие-то другие препятствия;

— приняв решение осуществить какое-то предприятие, посвятить ему дни и ночи, если только этому не помешает призыв на службу королю и своей стране;

— дав обет добиться почестей, не отступаться, пока они или аналогичные им не будут получены;

— твердо держать слово и данные обещания и, став пленником в справедливой битве, полностью заплатить обещанный выкуп или вернуться в тюрьму в оговоренный срок под страхом обвинения во лжи и клятвопреступлении;

— вернувшись ко двору своего властелина, дать правдивый отчет о своих приключениях, даже о поражениях, своему королю или чиновнику-регистратору ордена под страхом быть лишенным звания рыцаря;

— кроме всего прочего, быть верным, учтивым и скромным и не желать миру никакого вреда или потерь, которые могут выпасть на их долю.

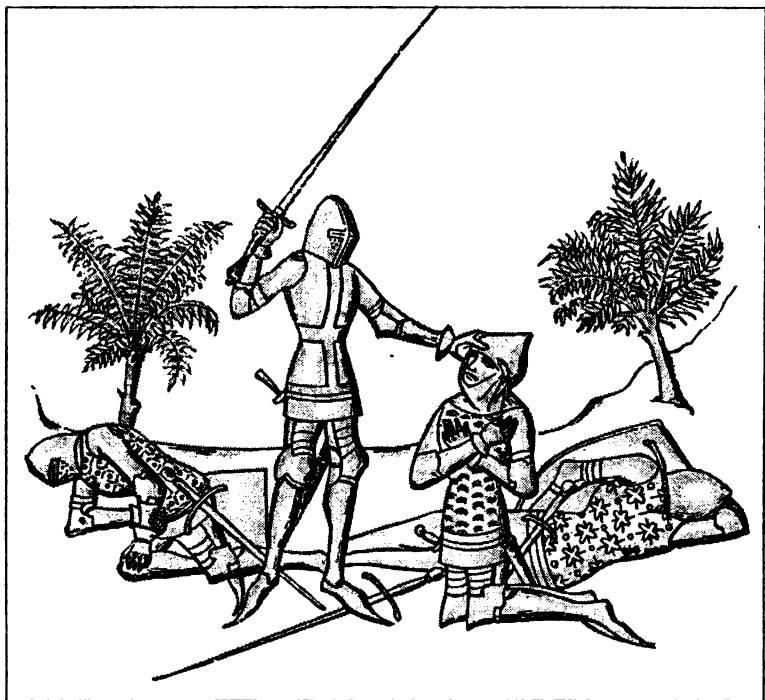
Взяв только эти священные принципы или представив реальную картину приключений странствующего рыцаря, невозможно составить общее представление о Нормандии той эпохи. С удовлетворением отметим только, что в беспокойном карательном обществе эти стимулы работали. Священники упорно стремились удерживать народ, однако власть церкви существовала наряду со многими

проявлениями слабости веры и неверия. Трудно найти пример столь удивительного контроля за государством со стороны церкви в какой-либо другой стране, даже в наиболее суеверные и религиозные эпохи. Не имея сил заставить норманнов сохранять мир, церковь, тем не менее, добивалась изумительных уступок. Были запрещены сражения от захода солнца в среду вечером до восхода в понедельник утром. В течение этих пяти ночей и четырех дней не допускалось сражений, сжигания домов, грабежей или опустошений, хотя в оставшиеся три дня и две ночи недели любые насилие или преступление не только прощались, но и разрешались. В эти дни прекращения враждебных действий, установленные церковью, входили не только дни Тайной Вечери, Страстей Господних и Воскресения Христа, но и более длительные периоды времени, такие как от первого дня Рождественского поста до Крещения и другие святые дни. Если законы перемирия нарушались, применялось суровое наказание: тридцать лет тяжелого искупления в ссылке для кающегося грешника. Он должен был возместить все причиненное зло и заплатить долг за весь нанесенный ущерб. Если он умирал не раскаявшись, то лишался права быть похороненным по христианским обычаям, над ним не совершали церковных служб, а его тело отдавали на растерзание диким зверям и хищным птицам.

Нет сомнения, что наиболее безбожная часть граждан выступала против этих строгих правил, называла их приверженцев «слабовольными белоручками» и оскорбляла гораздо более грубыми прозвищами, тем не менее перемирие поддерживалось в течение двенадцати лет. Разрешенные для убийств и мародерства дни использовались чрезвычайно интенсивно, что наводит на мысль о том, что в дни перемирия скорее планировались заговоры и грабежи, чем молились. Было все более очевидно, что мир готовился к великим делам и ясно начинали показывать себя новые проявления. Приходили новые идеи и, несмотря на деспотизм церкви, можно заметить, что люди

начинали разрывать интеллектуальные путы и становились свободнее, мудрее. Устанавливался новый порядок вещей, неуклонно развивались христианские идеи и все меньше места оставалось для безрассудства и растерянности.

Г-н Гвизо пишет: «Часто случается так, что народные чувства, какими бы они ни были глубокими и всеобъемлющими, остаются бесплодными, так же как в растительном мире многие ростки могут выйти на поверхность, а затем отмереть, не получив дальнейшего роста и не дав плодов. Для осуществления великих дел и достижения практических результатов недостаточно лишь проявления народных устремлений; необходимо также, чтобы некий великий дух, некое могучее желание стали орудием и действующей силой общественного мнения, сделал

Посвящение в рыцари на поле боя

его результативным, став его символом — его олицетворением».

В середине XI столетия, во времена юности Вильгельма Завоевателя, противоборствующие элементы христианского рыцарства и воинствующий дух викингов должны были соединиться в одном лидере. Ранние годы молодого герцога были годами тяжелой подготовки, и со своего лишнего любви детства до своей не оплаканной смерти он испытывал мучительную боль, непреходящую составляющую жизни жестокого человека, страшного тирана. Может быть, это странное заявление, что Вильгельм Завоеватель был представителем христианского рыцарства. Однако мы не должны забывать о том, что сражения были первейшей обязанностью мужчины в те дни и что величайший из нормандских герцогов со всей присущей ему грубостью и очевидными жестокостью и эгоизмом верил в свою церковь и придерживался многих ее законов, которые большинство его товарищей запросто нарушали. Нам не следует слишком часто напоминать себе, что он вел праведную жизнь в наиболее распущенную и безнравственную эпоху, если судить исходя из наших теперешних стандартов чистоты и нравственности.

Читая или описывая жизнь людей, живших в прежние времена, всегда можно поддаться искушению оценивать их исходя из наших собственных законов морали и этикета. Но первое, что следует сделать, — это составить четкое представление о рассматриваемом времени. Герой времен Карла Великого или Вильгельма Завоевателя в наших глазах не может казаться никем другим, кроме как героем, но мы должны рассматривать его лишь во взаимоотношениях с окружающими. Великие законы веры, справедливости и добра остаются справедливыми, по мере того как проходят годы, надежды на Бога выдерживают испытание временем, но одновременно с существованием всеобщего закона божественного порядка существуют также другие писанные законы, которые различаются в зависимости от

времени и места, и они всегда изменяются по мере изменения людей, и свет цивилизации разгорается все ярче и явственнее.

Во времена Вильгельма Завоевателя каждый землевладелец укреплял дом, защищаясь от соседей и даже готовя в своем жилище надежную и отвратительную тюрьму для их довольно частого помещения туда. По крайней мере можно сказать, что это не было проявлением гостеприимства и придавало оттенок фальши ласковым увещаниям и доброжелательности, которые имели место при общении с путниками. И все же у каждого богатого человека были амбиции прославиться в качестве благодетеля церкви. В Нормандии и Бретани появлялись новые религиозные дома, а дома, построенные в прежние времена, лежащие в руинах со времен набегов северян, восстанавливались с набожной заботой. Наблюдалось новое пробуждение религиозных чувств в 1000 году, которое продолжалось целое столетие. Существовали удивительный страх и ожидание конца света, что послужило причиной массовых покаяний, и такая же картина наблюдалась в течение двух или трех лет после 1030 года, в конце жизни короля Франции Роберта.

Нормандия и соседние страны были наказаны даже большими, чем феодальные войны, бедствиями: началась жестокая засуха, и последовавший за ней голод повсеместно обезлюдил земли. Поля и деревья были выжжены и засохли, несчастные крестьяне бились с дикими зверями за мертвые тела, лежавшие у дорог и в лесах. Иногда из-за голода люди, как волки, убивали своих товарищей. Торговли, которая могла бы покрыть недород в одной стране за счет избыточного урожая в другом месте, не было. Но во Франции прошли дожди и несчастьям был положен конец. В знак благодарности, согласно обету, были совершены тысячи подношений, поскольку люди вновь ожидали конца света и казалось вполне вероятным, что высохшая земля находится на грани окончательного сожжения и опустошения.

В городах в это время стиль жизни оставался почти роскошным. Норманны были умелыми архитекторами, и не только их кафедральные соборы и монастыри, а и собственные дома годились для таких гордых обитателей. Они были наполнены подвесными украшениями и удобной мебелью. Женщины, как никогда раньше, славились рукоделием. Некоторые самые искусные работы можно считать произведениями искусства, и до сих пор сохранились огромные гобелены, которые обычно вешали, отчасти для утепления, на каменные стены замков. Иногда благородные дамы, которые оставались дома, в то время как их мужья участвовали в войнах, вышивали на гобеленах картины семейной истории, и эти семейные записи о битвах и храбрости на земле и в море наиболее интересны сейчас тем, что демонстрируют одежду и колорит эпохи, а кроме того, являются подтверждением исторических традиций.

В этой главе мы отклонились от описания жизни самого Вильгельма Завоевателя, но больше узнали о Нормандии и можем лучше понять его амбиции, трудности, с которыми он сталкивался, и его успехи. Страна священников и солдат, красивых женщин и галантных мужчин... Социальная атмосфера уже была оживлена ярким светом и радостью, однако подвержена влиянию гордости и предрассудков, поглощенности земными заботами и аскетизма. Лояльная по отношению к Риму, жадная до новых территорий, с феодальными хозяевами, высокомерно обращающимися с крепостными, разоряемая повсеместной длительной гражданской враждой и мелкими войнами, с ревностным отношением к французской и иноземной крови — такова была тогда Нормандия. Англичане приходили и уходили, узнавали хорошие манеры и обычаи рыцарства. Сама Англия богатела и глупела, поскольку Гартакнуд ввел порочный обычай плотно кушать четыре раза в день, и его подданные следовали этой привычке, хотя сам король умер от этого и другого своего пристрастия — неумеренно пить ночи напролет в веселой компании.

IX

ЗА ЛА-МАНШЕМ

Какими бы ни были издаваемые законы, только благодаря своему духу нации становятся великими и свободными.

Вордсворт

Пришло время пристальнее взглянуть на Англию и на то, как был унижен ее народ во времена правления короля Эфелреда. Ранней историей Нормандии считают нашествие датчан на северо-запад нынешней Франции. Если перенестись на другой берег Ла-Манша, то, что мы там увидим, будет выглядеть так, словно развитие цивилизации повернуло вспять. Со времен мудрого и успешного правления короля Альфреда или даже правления предшественника Эфелреда Эдгара, который приплыл в королевском «плавучем доме» в Честер вместе с восемью королями-вассалами — Кеннетом из Шотландии, Малькольмом из Кемберленда, Маккусом с островов и пятью уэльскими монархами — произошли большие изменения. Хозяину Британии было очень приятно управлять такой благородной компанией гребцов, и можно сказать, что это был самый великий день в жизни английского короля.

Напомним о волнах переселенцев, которые одна за другой прокатились по Англии в прошедшие века, оставляя за собой следы, подобные тем, что таят в себе геологические пласты. От людей каменного и бронзового веков через кельтов с их пиктскими и шотландскими следами, нашествие римлян и саксонское, более мощное и продолжительное, чем какое-либо другое, можно проследить родство с норманнами на другом берегу Ла-Манша. Однако для английских потомков кельтов, датчан, англо-саксов и ютов это было время почувствовать новый век и возродить лучшие инстинкты под влиянием Нормандии.

Возможно, каждый более поздний правитель Британии полагал, что именно на его долю выпали самые тяжелые вре-

мена и что на нем лежит большая ответственность, чем на прежних монархах. Однако во времена правления Эфелреда II разыгрались гораздо более значительные драмы, и мы чувствуем себя как дети, которые слоняются без дела во время интермедий перед началом основного спектакля. Вновь приходят датчане. Можно предположить, что датские короли и все население Норвегии хотят оставить свой след в хрониках. На этот раз они нападают на Англию с такой решимостью, что менее чем за сорок лет датский король становится хозяином Британии.

Если бы Эфелред был более достойным человеком, этого никогда не случилось бы, но среди саксонских королей он, похоже, был наихудшим — слабым, коварным, жестоким и совершенно испорченным человеком. Он неизменно делал то, за что ему лучше бы не браться, и игнорировал свои прямые обязанности. На долю прежних королей выпадали времена такие же трудные и беспокойные, однако они были достаточно сильны, чтобы как-то контролировать себя. Во время коронации Эфелреда архиепископ Дунстан предупреждал народ о том, что он не представляет бед, которые его ожидают, и в течение всего срока правления положение изменялось только в худшую сторону. Происходили ужасные вещи, в которых вряд ли есть вина глупого короля, например, чума крупного рогатого скота и пожар в Лондоне в 982 году. А несколькими годами позже произошло ужасное нашествие норвежцев. Мы видели, что им готовили помощь в Байе и других пиратских городах Нормандии.

Сейчас мы впервые узнаем о земельном налоге, огромных суммах денег, которые, постоянно увеличиваясь, выплачивались северянам в качестве компенсации, с тем чтобы они покинули страну и оставили Англию в покое. Уплата земельного налога становилась более тяжким бременем, чем могла вынести нация, поскольку ничто не нравилось пиратам так сильно, как каждые несколько месяцев собирать огромный флот, бросать якорь у побережья и посылать нарочного с разбойничьим требованием — кошелек или жизнь! Одной из первых была сумма в десять тысяч фунтов, нагло

истребованных с олдерменов (членов совета графства) Эфельреда. Мы видим, как стремительно увеличилось богатство Англии, ибо во времена Альфреда штраф за убийство короля был равен ста двадцати шиллингам — огромная сумма, а жизнь крестьянина оценивалась в пять шиллингов. Это позволяет нам понять цену денег. Вот несколько выдержек из английской хроники, которая велась со времен Беды Достопочтенного и в течение многих лет после и которая показывает нам, в каком плачевном состоянии были дела.

1001 г. «Армия (конечно же, датчане) шла по стране, делая свое привычное дело: убийства, поджоги домов... кругом несчастья, поскольку они никогда не прекращали творить зло».

1002 г. «В этом году король и его советники приняли решение уплатить дань и заключить перемирие с датчанами при условии, что они прекратят бесчинства». Условия были приняты, и 24 тысячи фунтов были выплачены датчанам.

1006 г. «В середине зимы дерзкую и неустрашимую армию, пришедшую со стороны моря, видели в Винчестере. Она выколачивала у людей все: продукты, богатства — на расстоянии пятидесяти миль от берега. Пришельцы вселяли ужас, и никто не мог придумать, как убрать их из страны. Каждое графство в Уэссексе было отмечено пожарами и опустошением. Тогда король и его советники стали думать, что сделать, чтобы защитить страну, пока она не будет окончательно разграблена». На этот раз сумма дани равнялась 36 тысячам фунтов, а в следующий раз корабли отправились в море с земельным налогом в 48 тысяч фунтов.

Положение Англии год от года становилось все более плачевным и, к своему стыду, она была не в состоянии защитить себя. Капитаны ее флота были неспособны что-либо сделать или оказывались предателями. Наконец, когда некоторые корабли были потоплены, когда произошли другие бедствия на море, в хрониках зазвучало

отчаяние. «Было так, словно не существовало никакого совета, — говорит писатель, — и король, и олдермены, и все высокие советники разъехались по домам, с легким сердцем позволив всем добытым тяжелым трудом богатствам нации кануть в вечность».

За тридцать восемь лет своего правления Эфельред Нерешительный снискал всеобщее презрение и недоверие своего народа. Есть искушение возложить на него ответственность за несчастья, обрушившиеся на Англию, и объяснить их его ошибками, низменными целями, чертами его характера, его никчемными амбициями. Однако в общем и целом великие люди, или люди, оставившие заметный след в истории, которые выступают на тусклом полузабытом фоне, всего лишь типичные представители своего времени. Один хороший или плохой человек не может быть единственным образцом в своем роде, должны быть другие, которые идут вровень с ним, поддерживают его и оказывают на него влияние. Таким образом, рассматривая первые главы истории какой-нибудь нации, которые кажутся просто рассказом о жизни одного правителя или государственного деятеля, мы не должны забывать, что он символизирует свое время и свое поколение — мужественный лидер отважной нации или беспечный, безмятежный представитель спокойной, пассивной эпохи.

Хотя было достаточно нашествий и предательства во времена правления Эфельреда, были и замечательные исключения, проявлявшиеся в победах и стойкости Лондона, который вновь и вновь безуспешно подвергался атакам датчан. Язычники, как англичане называли своих врагов, имели счастье подчиниться двум лидерам — королям Норвегии и Дании. Первый из них, Олаф, со временем принял христианство. Он прибыл в Англию с Оркнейских островов. Здесь его окрестили, и английские епископы были очень добры к нему, а Эфельред принес ему дары и вынудил дать обещание, что он больше не будет подвергать Англию набегам. Удивительно, но эти обещания не были нарушены. Датский король Свен дал аналогичные обещания,

однако через какое-то время появился вновь. Эфельред решил, что будет лучше отдать приказ расправиться со всеми датчанами, чем платить земельный налог, что и было сделано. Впоследствии кое-кто пытался оправдать такое проявление варварства тем, что датчане готовили заговор против короля. Но даже если так оно и было, все же Эфельред показал гнусный характер. Несмотря на перемирие, он направил тайных агентов во все концы страны, а поскольку англичане были рады выполнить такой приказ, вырезали всех от мала до велика.

На следующий год Свен вернулся, чтобы отомстить за содеянное с еще большей решительностью, потому что его родная сестра, ее муж и сын были убиты. Умирая, несчастная женщина предсказала, что на англичан за их грехи обрушатся огромные несчастья. После этого датчане еще долго были крайне жестоки, держа Англию в страхе и смятении. Однажды они осадили город Кентербери и, когда он оказался у них в руках, потребовали уплаты земельного налога от архиепископа, очень доброго старика. Его сердце было полно жалости к своему несчастному народу, и без того обложенному отвратительными налогами и угнетаемому всеми возможными способами. У него хватило смелости решительно отказать, и тогда датчане расправились с ним с ужасающей жестокостью. Таких рассказов о жестокости и наглости захватчиков можно привести великое множество. Эфельред был абсолютно беспомощен и, более того, труслив и безразличен. Вскоре Свен, который снова отправился на север, вернулся с огромным флотом и со множеством бойцов. Очень скоро он сломил всякое сопротивление, даже отважных лондонцев, и был провозглашен королем Англии. Это действительно было большой переменной! Глупый саксонский король, его жена и дети переправились через море в Нормандию, а Свен занял его трон. Его правление началось великолепно: в его распоряжении были прекрасные корабли, украшенные фигурами людей, птиц и зверей, отделанные серебром, янтарем и золотом. Несомненно, он строил далеко идущие планы и собирался совершить ве-

ликие дела, но вдруг неожиданно умер. Полагают, он был до смерти напуган явившимся ему видением.

Эфельред находился в Нормандии при дворе Ричарда Бесстрашного. Как известно, ранее сестра Ричарда, Эмма, отправилась в Англию, чтобы выйти замуж за нерешительного короля. У Эфельреда был старший сын, Эдмунд Айронсайд (Железнобокий), кроме двух мальчиков — детей Эммы. Сердца англичан были расположены к своему старому королю, и в конце концов, несмотря на все ошибки, они направили ему послание с требованием вернуться назад. Он дал много хороших обещаний и, похоже, неплохо проявил себя в течение двух последних лет жизни. Возможно, он кое-что понял, находясь при нормандском дворе.

Однако незадолго до смерти Свена в Англию вернулся его сын Кнуд. Как бесстрашный ястреб, он вел своих людей от одной победы к другой, а Эфельред тихо ушел из жизни ко всеобщему облегчению. После его смерти совет старейшин избрал на его место короля Кнуда. Но лондонцы, которые были богаты,

сильны и люто ненавидели датчан, не захотели иметь над собой никаких пиратов. Они выбрали Эдмунда Айронсайда, доблестного солдата и верного товарища, который ничего не боялся и был готов на все. Два молодых короля стоили один другого. Они провели шесть великих сражений, в большинстве которых Айронсайд одерживал верх. Но в конце концов победы добились датчане и, хотя каждый был готов на седьмую битву, совет старейшин на сей раз продемонстрировал мудрость и запре-

Король Кнуд

тил какие бы то ни было сражения, и таким образом удалось установить мир.

Молодые короли обращались друг с другом весьма великодушно, называли друг друга братьями, и их отношения были сердечными и доброжелательными. Они договорились между собой о разделе королевства. Эдмунду Айронсайду досталась вся Англия южнее Темзы — Восточная Англия, Эссекс и Лондон. Кнуд, являясь вассалом Эдмунда, получил северную часть страны.

Однако через год Кнуд стал единственным правителем, поскольку Эдмунд внезапно умер, — одни говорили, что он был убит, другие, что не выдержал огромных нагрузок из-за своей активности.

Очень соблазнительно продолжить рассказ о таком неординарном человеке, и особенно потому, что он жил в такое важное время. Однако мы должны поспешить к пункту, с которого может начаться нормандская и английская история, и остановиться лишь затем, чтобы объяснить такие вещи, которые позволят понять и принять чью-либо сторону в союзе двух энергичных, растущих наций.

Жизнь Кнуда также бесконечно интересна. Он начал, всем своим поведением напоминая пирата, а более поздний период его правления ознаменовался великими реформами и был чрезвычайно благоприятным временем для напуганной и разоренной войной Англии.

Начнем с вопроса о королевском титуле. В те дни очень важно было, чтобы король был в состоянии как править, так и сражаться, и поэтому на эту роль избирался лучший и наиболее могущественный член королевской семьи.

В течение длительного времени англичане выбирали своих королей, и Кнуд, хотя и владел половиной страны, очень осторожно относился к соблазну овладеть другой половиной силой. Интересно наблюдать, как ловко проводил он свою политику на советах старейшин, — он созывал совет и делал заявления.

У Эдмунда Айронсайда остались два маленьких сына, но никто не считал, что они станут его преемниками. Кнуд добился, чтобы все трепетали перед королевской семьей, и позаботился о том, чтобы избавиться от соперников. Он прекрасно знал, что все, включая совет старейшин, устали от продолжительных войн и кровопролития. Он был прямолинейным в своих требованиях, и в конце концов наследники Айронсайда остались без поддержки — принцы оказались вне игры, а датчанин Кнуд стал королем Англии.

Брат Айронсайда Эдви, о котором говорится много хорошего, был объявлен вне закона и умер несколько месяцев спустя при весьма загадочных обстоятельствах. Два маленьких мальчика, сыновья Айронсайда, были высланы из страны и отправлены к сводному брату Кнуда, королю Швеции, с распоряжением убрать их с дороги. Король пожалел невинных детей, и, вместо того чтобы убить, отправил их в Венгрию. Венгерский король Стефан был отважным и благородным человеком. Он был очень добр к несчастным изгнанникам и добросовестно воспитывал их. Один из них умер в молодости, однако о втором мы еще услышим.

Затем Кнуд сделал поразительную вещь. Он направил королеве Эмме просьбу вернуться назад от нормандского двора и выйти за него замуж. Спору нет, она была гораздо старше него, но по-прежнему красива, грациозна, держалась с большим достоинством, что во все времена отличало нормандских женщин. Кнуд пообещал, что в случае рождения сына он станет следующим королем Англии. Два старших сына Эммы, Альфред и Эдвард, остались в Нормандии, где и росли в отдалении от матери, больше думая о своем происхождении, чем о правах на английский престол.

Сейчас Кнуд представляется нам образцом властелина той эпохи. Он отбросил все языческие идеи, прошел обряд крещения и был принят церковью. Можно было бы ожидать, что он станет продвигать вперед соотечественни-

ков и на первое место поставит датские интересы, но все было не так. В начале правления он казнил нескольких влиятельных представителей английской знати, враждебности которых он не без оснований опасался. Однако впоследствии он благосклонно относился к англичанам и даже приказал своим кораблям, всем пиратам и воинам вернуться на север. Сейчас кажется очень странным, что король Англии некогда правил Швецией и Данией, а кроме того, Норвегией. Но создается впечатление, что Кнуд гораздо больше гордился тем, что был королем Англии, чем остальной своей властью и другими достоинствами. Он был не только очень снисходителен и дружелюбен с английскими подданными дома, но и посылал их за пределы страны в качестве епископов, что вызывало недовольство датских прихожан.

Мы все знаем историю о надвигавшемся приливе и о тех упреках, которые Кнуд бросил придворным на морском берегу. Чем больше мы узнаем о нем, тем больше он напоминает нам Рольфа Гангера и его отход от пиратских привычек к более благородному и благопристойному поведению. В любом случае, у них было много общего. Признаемся, что решение Кнуда совершить паломничество в Рим очень нам симпатично. Ожидать от молодого морского разбойника, что он будет вести спокойную жизнь дома и править королевством — это было бы слишком. Дух приключений будоражил его кровь, и можно быть уверенным, что ему понравилось это длинное и опасное сухопутное путешествие в Италию. Он сделал дорогу гораздо безопаснее для своих соотечественников, которые имели благочестивое намерение преклонить колени и помолиться у прославленных святых. Он пожаловался императору и священникам Рима на грабителей, которые устремлялись вниз из своих расположенных в Альпах замков и набрасывались на путешественников. Ему обещали поддерживать лучший порядок. Торговцы и паломники часто везли с собой богатые подношения для церкви, кроме товаров, которые хотели продать, и грабители постоянно поджидали их. Остатки их

замков до сих пор то тут то там встречаются на альпийских тропах, напоминая о жарких столкновениях Кнуда с врагами, в результате которых он утихомиривал наглых мародеров.

В своем знаменитом письме об этом путешествии, адресованном архиепископам, епископам, великим людям и всему народу, он рассказывает о том, кого видел в Риме, — Папу Римского, германского императора и других великих людей, с гордостью говорит, что каждый из них обращался с ним очень любезно и что он получил много подарков. Он прибыл в Рим ради блага своего народа и спасения собственной души — так он говорил всем. Одним из полезных деяний, которые он сделал для Англии, было то, что он выразил недовольство непосильными налогами, которыми церковь обложила страну, и папа обещал, что исправит эту несправедливость и не допустит ее повторения впредь.

Есть что-то трогательное в том, как он говорит, что принял много хороших решений о своей будущей жизни и что ему не стыдно вновь признаваться в том, что он делал неправильно. Однако этим он хочет сказать, что с Божьей помощью полностью исправится. Он клянется Небесам, что будет вести праведную жизнь и управлять королевством честно, как велел Господь, и что ни богатый, ни бедный не будут угнетаться или терпеть лишения. В общем, вряд ли когда-либо было написано лучшее письмо, и Кнуд настолько добросовестно сдерживал обещания, что старые англосаксонские хроники, изобиловавшие описаниями войн и смут, в последующие годы его правления становятся очень скучными для чтения. Монахи, которые вели записи, полагали, что им уже больше не о чем рассказывать. Но мы знаем, что именно по этой причине английские фермы процветали, пшеничные поля колыхались под теплым летним ветром, города богатели и торговцы преуспевали, и когда англо-норманнский король умер, то это был очень печальный день для всей Англии. Кнуду было всего сорок лет, но для короля это большой срок жизни. После него правил

его сын Гарольд Харфут — Длинноногий, и сразу же в стране обнаружились многие старые напасти и беды, как если бы они дремали какое-то время, но вовсе не были искоренены.

Гарольд Харфут не отличался благочестием и вел себя крайне неразумно. Четыре года недостойного поведения и оскорблений свели его в могилу. После него королем стал Гартакнуд, его младший брат, который сразу же ввел налог на землю — самый ненавистный народу из всех. Он также немало потрудился, чтобы увеличить дистанцию в отношениях между датчанами и англичанами, которые, похоже, начинали налаживаться во время правления его отца. Гарольд совершил один поступок, который выделяется в ряду других своей дикостью. В Нормандии жили два принца, у которых были некоторые шансы доказать свои права на английский трон. Младший из них, Альфред, прибыл в Англию со своими рыцарями и свитой. Гарольд схватил их, дальше события развивались с крайней жестокостью: его единокровному брату выкололи глаза, а затем убили. В Нормандии поднялся большой шум. Здесь следует сказать несколько добрых слов в адрес Гартакнуда, который разозлился за это на своего брата, а также на знаменитого графа Годвина, который был самым могущественным человеком в Англии после короля: он был его главным и любимым советником. Гартакнуд подозревал, что Годвин приложил руку к убийству Альфреда. Никто в точности не знал, как обстояли дела на самом деле. Годвин и все его лорды клялись, что он невиновен. Королю был подарен прекрасно оснащенный корабль. Кроме того, почти сто воинов во всем необходимом вооружении и в золотых браслетах, чтобы они выглядели настолько великолепно, насколько это было возможно. Оценив такое внимание, король принял клятву Годвина, но потребовал, чтобы Эдуард, покинув нормандский двор, переехал жить к нему. Эдуард прибыл в Англию и через два года стал ее королем, после того как Гартакнуд умер как презренный пьяница.

Итак, трон вновь занял потомок Альфреда Великого. Эдуард был последним в этом ряду, и в его дни начался наиболее волнующий и важный период английской истории — завоевание страны норманнами.

Но задерживаясь более на датских королях, остановимся, чтобы более внимательно рассмотреть образ жизни и обычаи в Англии и узнать, каким был английский народ в то время, как жили в своих домах люди и какие изменения произошли в стране в целом. В развитии цивилизации существовали определенные препятствия, недоставало надлежащего прогресса и настоящего роста. Давайте посмотрим, какие факторы на это влияли и как растущая изысканность норманнов, их незаурядные дарования и привлекательность будут влиять на ход событий несколько позже. Был какой-то глубокий смысл в слиянии двух народов, была какая-то причина образования более великой нации, чем просто норманны и англичане.

Во-первых, у жителей английских земель обнаружилась тенденция, которая до сих пор еще полностью не преодолена, — предаваться удовольствиям роскошной жизни. Когда бури и напряжение завоеваний и колонизации поутихли, англичане времен Эдуарда и Кнуда предались такой праздности, которая могла бы подорвать жизненные силы и энергию любого народа. Плодородие земель искушало англичан, и они деградировали в новых привычках так же быстро, как некогда поднимались в своем развитии, когда войны требовали определенных жертв и умеренности. Они также страдали от своей изоляции, занимаясь собственными делами и держась в стороне от прогресса материковой Европы, где был дан толчок к развитию образования и науки, не дошедший до Англии. Для нее это было как бы временем отлива и проявлялось во многом. Таково было время появления норманнов, которые, говоря словами одного из английских историков, «все заимствуют и делают своей собственностью, и их присутствие ощущается главным образом в усилившейся активности и более

быстром развитии учреждений, литературы и искусства. Таким образом... они совершенствуют, они организуют все и везде, являясь выразителями духа своего времени».

Английскому народу так надоело плохое правление сыновей Кнуда, что его собственные славные дела были на время позабыты и никто уже не хотел иметь датского короля. «Весь народ выбрал Эдуарда своим королем», — говорится в хронике, и, нет сомнения, сердца людей с надеждами и любовью повернулись к находящемуся в ссылке сыну Эфелреда и Эммы, который с детства жил при нормандском дворе. Его убитый брат Альфред был канонизирован (причислен к лику святых) благодаря романтическим симпатиям его английских друзей, которые сейчас воспринимали его как безгрешного молодого приверженца английского патриотизма. И в сравнении с недоброй памяти правлением сыновей Кнуда достоинства древней расы английских королей становились очевидными. Новый король должен был быть английских кровей, напоминая о прежнем процветании. Сын Эдмунда Айронсайда находился в ссылке при отдаленном королевском дворе в Венгрии, но Эдуард — благородный, благочестивый человек — был рядом, под рукой, и тысячи голосов готовы были звать его уже тогда, когда Гартакнуд лежал в гробу в своем королевском одеянии и со всеми внешними атрибутами власти.

Естественно, датчане не настроенные на такие перемены, были против. И после формальных выборов и посвящения нового короля, буквально через несколько месяцев после этого народного голосования, графу Годвину пришлось употребить всю свою власть и все свое влияние, чтобы добиться поддержки некоторых влиятельных лиц. В самом деле, поначалу было очень трудно убедить самого Эдуарда принять высокий пост. Он, похоже, был более расположен к религиозной жизни, чем к управлению государством. Однако, уступив давлению, оказываемому на него в Нормандии, и горячим просьбам англий-

ских друзей, он вынужден был вновь переправиться через Ла-Манш. Сохранились интересные отчеты о его переговорах с Годвином, правдивые или выдуманные, никто не знает. Но в конце концов самому влиятельному человеку удалось убедить его. Одно только обещание защищать права короля вселило в сердце Эдуарда надежду и уверенность в некоторой стабильности и спокойствии своего будущего правления. Англия в своем развитии далеко отстала от Нормандии по социальным и образовательным показателям. Управлять англичанами — это была не слишком заманчивая карьера для тонкого образованного человека, который к тому же вел монашескую жизнь. Грубые краснощекие лица его будущих подданных, должно быть, резко контрастировали с его нормандским окружением, гораздо более благородным и умеющим скрывать свои чувства. Англия все еще была разделена на четыре части, когда ее оставил Кнуд. Его идея о четырех великих графствах оказалась неудачной и способствовала непрекращающейся вражде и зависти между лордами Нортамбрии¹, Мерсии², Восточной Англии и Уэссекса. Северная территория по своим традициям была в основном датской, и хотя существовало формальное подчинение королю, Нортамбрия была практически независима от какого-либо правления. Жизнь леди Годивы и графа Леофрика в Мерсии сводилась главным образом к тому, чтобы тратить свои время и богатство на развитие всевозможных религиозных домов и церквей.

Самым выдающимся человеком из всех был граф Годвин из Уэссекса, настоящий вождь англичан и чрезвычайно храбрый и благородный человек. Кнуд считался с ним, и, в то время как было достаточно завистливых глаз, глядевших на его почти королевское процветание, а злоб-

¹ Современный Нортамберленд. — *Прим. ред.*

² В период расцвета Мерсия занимала территорию между заливом Хамбер и Темзой. В IX в. была завоевана Уэссексом. — *Прим. ред.*

ные языки шептали по углам о его причастности к убийству молодого Альфреда или о незаконном проталкивании членов своей семьи на ключевые местечки, Годвину все же доверяла большая часть английского народа. Его сын Гарольд был графом Восточной Англии, и они вдвоем являлись законными правителями всей южной части королевства. Это благодаря влиянию Годвина Эдуард стал королем Англии, и можно предположить, что по той же причине он женился на дочери графа Годвина Эдите. Однако династии английских принцев, которую надеялся основать Годвин, не суждено было появиться, поскольку король был бездетным и вскоре стал врагом своего тестя. Говорили, что, однажды посадив зятя-короля на трон, Годвин затем не оказывал ему должного уважения. В свою очередь Эдуард никогда не забывал подозрений, касающихся убийства Альфреда, и брешь в отношениях между ним и графом Годвином увеличивалась с каждым годом. Эдуард не проявил себя сильным английским монархом, на что надеялся его народ. В душе он был норманном, каким может быть человек, который научился говорить на иностранном языке, а все его привязанности остались там, при дворе герцога Нормандии и в ее монастырях. Имя Исповедник, полученное им, говорит о том, что он был известен своей святостью среди друзей и сторонников.

Ничего хорошего не было и в том, что один за другим в Лондон прибывали нормандские джентльмены, чтобы занять очередной высокий официальный пост. Эдуард производил впечатление человека, который жаждет со всех сторон окружить себя норманнами, и мало-помалу изменился весь состав английского двора. Король проявлял свою слабость всеми возможными способами, его можно сравнить с Эфельредом Нерешительным в том, как хороший человек мог казаться плохим.

Недовольство Годвина росло, и его решимость показать, что Англия может справиться сама, без толп иноземцев, вмешивающихся в чужие дела, однажды принесла ему

большие неприятности. Случилось так, что компания друзей короля по пути домой в Нормандию остановилась на ночь в Дувре, потребовав от его жителей гостеприимства в оскорбительных выражениях. Не следовало обращаться с горожанами как с рабами. Завязалась схватка, в ходе которой часть французов была убита, а другая выдворена из города. Эдуард, конечно, принял сторону своих друзей и в негодовании направил распоряжение графу Годвину, который правил регионом, наказать обидчиков. Однако Годвин решительно отказался делать это, пока случившееся не будет справедливо расследовано и люди не получат шанс высказаться в свое оправдание.

Все закончилось крупной ссорой, и король добился победы, не проведя ни одного сражения, поскольку общественное мнение неожиданно переменялось в пользу Эдуарда, — верные короне, люди Годвина оставили его. Великий граф был изгнан из страны вместе со всей семьей. Король выслал даже собственную жену, хотя и оставил за собой ее земли и богатства, что никак нельзя считать проявлением святости и духовности, которых следовало от него ожидать. Один из сыновей Годвина, которому граф предоставил убежище, оказался подлым и коварным человеком, что было одной из причин, почему его попытки защитить свободу своих соотечественников были так расценены англичанами.

Что касается норманнов, они ликовали, поскольку это поражение стало для них триумфом. Они восхваляли набожного короля и рассказывали длинные истории о его аскетической жизни, молитвах и святости. После того как он был канонизирован, эти истории стали еще длиннее. Однако пока он не был окружен ореолом святости, некоторые из его современников обвиняли его в лени и несостоятельности. Ему, безусловно, недоставало необходимых королю качеств, но он добился уважения и любви многих своих подданных и, вне всякого сомнения, был настолько хорошим, насколько слабый человек может быть таковым. После его смерти англичане стали восхвалять

его с новой силой, поскольку недолюбливали Вильгельма Завоевателя. Что касается норманнов, никто не нравился им так, как Гарольд, который был гораздо более грозным претендентом на английский престол. Г-н Фримен пишет: «Обязанностью гражданского правительства... всегда являлось что-то такое, что вызывало внутренний протест. Ему следовало бы занимать не трон Англии, а быть во главе нормандского аббатства... Поскольку его достоинства были достоинствами монаха, он полностью раскрывался в своем усердии собирать реликвии, в своих видениях, религиозных занятиях, в своих дарах церквям и монастырям, в желании в качестве главного итога отметить свое правление основанием великого аббатства святого Петра в Вестминстере. В принце мужественного благочестия Альфреде подобные черты образуют лишь привлекательную и гармоничную часть общего характера. В Эдуарде они формируют человека в целом».

Один хроникер, который пишет о нем наиболее лестно, признает, что иногда у Эдуарда случались шокирующие приступы ярости, но он никогда не опускался до неприличных выражений. Были случаи, когда Годвин или Гарольд едва удерживали его, чтобы тот не начал гражданскую войну или массовую резню, хотя он был человеком здравомыслящим (в рамках своего интеллекта), владел искусством вежливо отказывать и имел привычку оказывать любезности и демонстрировать хорошие манеры. Вильгельм Молмсбери, хроникер, рассказывает нам, что Эдуард сохранял королевское достоинство, но ему не нравилось носить королевское одеяние, даже если оно было сшито его любимой королевой. Подобно его отцу, он всегда находился под влиянием фаворитов, и это быстро обнаружилось и было использовано нормандским духовенством, нормандскими и британскими джентльменами в поисках приключений и расширения своих владений. Очень по-разному описывается этот период истории в английских и французских хрониках. Часто рассказы противоречат друг другу, и только осторожный выбор пра-

вильного пути позволит нам избежать ложных суждений. Особенно верно это в отношении Годвина, великого современника нашего Исповедника. В любом случае он представляется человеком, который как знаток реалий своего времени, предвидящий их последствия на годы вперед, далеко опередил свое время. Его братья-графы завидовали ему, церковь жаловалась на недостаток у него благородства, даже к его признанному ораторскому искусству относились с недоверием, и его хорошее управление собственными провинциями, хотя и достойное похвалы, не позволило ему добиться стабильной власти.

Именно умение управлять, возможно, в большей степени, чем что-либо другое, способствовало тому, что он стал самым выдающимся англичанином своего времени. Вскоре мы увидим, какие глубокие чувства испытывали по отношению к нему в Англии и как много доверия и любви было выказано, когда его приглашали вернуться из ссылки, хотя, покидая страну, он столкнулся с мрачным неодобрением. Жена Годвина, Гита, была датчанкой и, возможно, была тем звеном, которое связывало его с этим северным графством. В романе лорда Литтона «Гарольд» дается яркое описание жизни этого знаменитого дома, события как бы проходят перед нашими глазами, и краткое описание судеб его обитателей и условий их жизни, приведенные здесь, лишь намек на реальные романтизм и выразительность рассказа.

Отъезд Годвина во Фландрию — целый год его отсутствия — научил англичан многому. Они поняли, что это значит: быть без него. Раздражение и беспокойство из-за непрекращающихся назначений норманнов на освободившиеся высокие посты день ото дня усиливались. Епархии и пустующие земли захватывались дворцовыми прихлебателями, тут и там на английских полях возводились уродливые стены замков, почти в пределах видимости друг от друга. Даже в Лондоне укладывался мощный фундамент Великой белой башни. Цитадель для города, форт, призванный держать в страхе жителей приграничной полосы

и датчан, были действительно необходимы стране. Однако с этими новыми домами, построенными для военных целей, будто бы сосед каждого человека был его врагом, Англия как бы превращалась в еще одну Нормандию или Бретань. Высокие квадратные башни не были подходящим местом для жизни людей, которые обрабатывали землю и разводили скот. Зато мощные камни фундамента служили надежными стенами для множества подземных тюрем, и английские земледельцы перешептывались о новых городских жителях и мелких хозяевах, опасаясь прихода тяжелых жестоких времен.

Для строительства этих новых замков использовались разрушенные римские дома и причудливые высокие камни храмов друидов. У людей, которых судьба приводила сюда с нормандских берегов, было в запасе много рассказов о том, какими знаками угнетения эти замки были в их стране и как молодой герцог Вильгельм сровнял многие из них с землей в беспокойной Нормандии. Не существовало английского слова для этого устрашающего понятия — замки! Свободные, открытые залы английских танов¹ разительно отличались от новых жилищ. Роберт из Юмьежа стал архиепископом Кентербери. Это был именно тот монах Роберт, который «вбил в голову короля», что его брат Альфред нашел свою смерть благодаря графу Годвину. Множество его соотечественников все более плотным кольцом окружали короля, угрожая лишить англичан их законных прав.

Очень легко рассказывать историю о норманнах с точки зрения англичан. Давайте еще раз пересечем пролив Ла-Манш и посмотрим, как состояние дел в Англии влияло на молодого герцога. Если бы его воображение было занято идеей расширения владений за счет соседей, в этом не было бы ничего странного. У Эдуарда не было наследника. Правители часто беседовали, возможно, о создании одного благородного великого королевства пу-

¹ Тан — английское жилище (ист.) — Прим. перев.

тем объединения Англии и Нормандии. Каждый день ушей Вильгельма достигало все больше рассказов о богатствах и плодородии земель королевства Эдуарда Исповедника.

X ВЕЛИКАЯ БИТВА

Он стоял с поднятой головой и сверкающими глазами, словно поймал острым взором сигнальные огни маяющих земель. И это приводило его в восторг.

А.Ф.

Внуки викингов не утратили любви к путешествиям ни по морю, ни по суше. Так же, как в Норвегии до сих пор сохранились изделия из кораллов и грубо обработанных драгоценных камней, вправленных в причудливые серебряные оправы, изготовленные крестьянами, так и в Нормандии можно найти испанские кожаные изделия и драгоценности, добытые впоследствии во времена набегов на восточные и южные земли. Мы практически ничего не знаем о Роджере Тоснийском, одном из заклятых врагов Вильгельма в тот период, когда он еще не присоединился к хорошо организованному мятежу Талваса.

Во времена герцога Ричарда Гуда сердца норманнов были полны духом приключений и в южных королевствах были заложены основы больших перемен в Европе. Вторжение норманнов в Испанию не имело серьезных последствий, если сравнивать с более ранними поселениями. Однако в 1018 году Роджер Тоснийский вторгся на Испанский полуостров. Задолго до этого Ричард Бесстрашный убедил большую часть скандинавских подданных высадиться на этих берегах, в ту пору сплошь заселенных язычниками. Роджер последовал их примеру и начал великий крестовый поход против сарацин, надеясь попутно завоевать королевство для себя. Он был благородных нормандских кровей, принадлежал к семье самого Рольфа Гангера и достойно поддерживал честь своего двора в

сражениях с неверными. Рассказывают невероятные истории о его каннибальской дикости в обращении с пленниками. Но такие же истории рассказывают и о других, так что не будем здесь останавливаться и морализировать по поводу жестокости Роджера. Он женился на испанской баронессе из Барселоны, подданной короля Франции, и какое-то время все выглядело вполне благополучно. Однако такое положение сохранялось недолго, и тосниец вновь отправился в Нормандию, где тотчас же вскипел от ярости, узнав о притязаниях Вильгельма Незаконнорожденного. Он не мог поверить в то, что гордые нормандские бароны смирятся с таким унижением. Граф Талвас был рад приветствовать солидарного с ним союзника. Таким образом, оппозиция молодому герцогу стала сильнее, чем когда бы то ни было.

Когда Вильгельм был ребенком, феодальные лорды тратили большую часть сил в бесконечных спорах друг с другом, однако появление Роджера Тоснийского стало сигналом к образованию союза против правителя, которого они презирали. Теперь Вильгельм уже не был ребенком, и слухи о его ранней сообразительности, его необыкновенной силе, быстроте в военных действиях облетали города, предупреждая его врагов о том, что им не следует терять времени, если они собираются расправиться с ним. Вильгельм был юношей благородного вида и отдавал предпочтение образу жизни воина; когда ему было пятнадцать, он потребовал, чтобы его посвятили в рыцари, согласно старой норманнской традиции, в которой сохранились отголоски старинных скандинавских церемоний. Он был необыкновенно силен. Никто, кроме герцога Вильгельма, не мог согнуть его знаменитый лук, и в то время как эти яркие описания его были написаны позднее, рассказ о нем может быть истолкован как исполнение пророчества. Можно не сомневаться, что его могущество быстро росло, и этого нельзя было не заметить.

Он быстро добился признания, и к нему примкнули достойные люди, что стало началом образования великолеп-

ного двора и почти непобедимой армии. Даже король Франции Генрих завидовал растущей славе и популярности своего вассала и, несмотря на его молодость, вынужден был относиться к нему весьма почтительно. В течение первых двенадцати лет его жизни люди чувствовали, что жизнь мальчика Вильгельма была в опасности и что, какое бы уважение Генрих ни оказывал ему, оно может смениться открытыми враждебностью и презрением в любой момент, если будет подходящий повод. Мы можем представить одинокого юношу, развлекающегося в лесах Фалеза и Вало-ни, где он определил себе места для охоты. Можем проследить за ним со времен опеки над ним графа Бретани Алана до того момента, когда он выбрал себе опекуна, который был одновременно и наставником, и главнокомандующим нормандской армией. Однако, имея опекуна или не имея, он стремился вперед без посторонней помощи и управлял другими так, что мир никогда не перестанет удивляться этому.

Роджер Тоснийский начал с того, что отказался быть вассалом Вильгельма, а затем, бурно выражая презрение к Незаконнорожденному, начал опустошать соседние земли так, будто их жители были сарацинами и этим заслуживали наказания. Здесь мы впервые встречаемся с именем Бомона, ставшего довольно известным прежде, судя по описаниям сражений, которые вели с ним разъяренные жертвы Роджера. Мы также узнаем о Грантмесниле; это имя станет нам хорошо известным, когда Вильгельм отправится в Англию со своими нормандскими лордами. Нормандия так и не оправилась от шока и явного изумления от присутствия на троне Вильгельма и от его притязаний, но уже в юности он проявил качества лидера. «Он был таким энергичным и одухотворенным, что всем это казалось чудом», — с энтузиазмом говорит один из старых хроникеров. Когда Вильгельм начал серьезно интересоваться делами, то новости о мятежах и беспорядках в стране вызывали у него вспышки яростного раздражения. Но вскоре он инстинктивно научился скрывать

свои чувства, и в хронике говорится, что «в его детском сердце ключом была энергия, которую он направил на то, чтобы научить норманнов воздерживаться от неправильных действий».

В этой войне против де Тосни у него появилось непреодолимое искушение утвердить свое господство, и хотя он был еще юношей, но он заставил это почувствовать. Роджер Тоснийский был убит в жестокой схватке, и после его смерти мятежи на время прекратились. Однако Вильгельм все чаще выступает на первый план, и вся Нормандия либо принимает его сторону, либо выступает против. Это был незначительный прецедент, но его следовало опасаться; опекуны и преданные ему люди, поддерживавшие его по разным причинам, были в основном уничтожены врагами, и в конце концов не осталось никого, кто бы мог повести в бой людей Незаконнорожденно-го, кроме него самого.

Король Франции Генрих ждал благоприятного случая, а граф Бургундии Гай, сын кузена Вильгельма, которого тот любезно принял при своем дворе, заявил претензии на герцогство Нормандия. Он помогал в осуществлении заговора, и однажды ночью (Вильгельм в это время жил в своем любимом замке в Валони) прибыл шут и, стуча железом в дверь зала, стал кричать: «Они уже вооружились; они готовятся; промедление — это смерть!». Так кричал несчастный дурачок Голет. Его хозяин вскочил с кровати, схватил одежду и бросился на конюшню за конем. Вскоре он уже мчался галопом в направлении Фалеза, спасая жизнь. И по сей день избранная им дорога носит название «Дорога Герцога».

Это было в 1044 году, когда Вильгельму было 19 лет. Он быстро понял, что мятежники вновь зашевелились и что это был не просто заговор, это было восстание. Всю ночь, что он скакал через страну при свете луны, он, вне всякого сомнения, обдумывал свои планы, и великая сила и решимость неожиданно проснулись в его сердце. И это чувство было больше нелюбви к себе и своему происхождению —

старым соперничеством французов и северян. Старый вопрос о превосходстве и расовых предрассудках должен был вновь решаться силой оружия, и на этот раз быстро и окончательно. Это было не просто очередное столкновение между отдельными баронами, а почти противостояние, как если бы вся знать Нормандии выступила против своего герцога.

Во время этой бешеной скачки был один эпизод, о котором стоит рассказать. Герцог мчался спасать дорогую ему жизнь и преодолел на пути множество рек. И был один очень опасный залив, где реки Уна и Вир впадают в море. Благополучно перебравшись на другой берег, он отправился в церковь Святого Клементя в районе Байе, чтобы помолиться.

Он подъехал к церкви и замку Ри на восходе. В ярком утреннем свете у ворот замка стоял лорд Ри. Вильгельм прищипнул коня и уже собирался проехать мимо, но был остановлен верным вассалом, которого звали Губерт, узнавшим Вильгельма. Он спросил герцога о причинах столь опасного путешествия и предложил немного отдохнуть. Уставший герцог спешил, его очень тепло приняли в этом доме. Вскоре ему привели свежего коня, а три отважных юноши — сыновья этого верного вассала — также оседлали лошадей, чтобы сопровождать герцога в Фалез. Это не было забыто. Позже в Англии их благодарный гость дал им высокие места и оказывал почести как принцам.

Граф Бургундии Гай воспитывался вместе с Вильгельмом как друг и родственник, и с ним обращались очень великодушно. Он был хозяином нескольких крупных владений, и одним из них была мощная приграничная крепость между Нормандией и Францией. У него было много друзей и достаточно неравнодушных к его предложениям слушателей. В его жилах текла кровь королевских семей Бургундии и Нормандии, он претендовал на герцогство как наследник, а поскольку многие при дворе стыдились своего законного властелина и были готовы свергнуть его власть, у Гая появился шанс.

Вильгельм был достаточно осторожен, и у него уже был опыт. Когда он был еще ребенком, то использовал малейшую возможность добиться своего и не позволял себе расслабляться. Этот признак его будущей власти подтвердился. Соперничающие, игнорирующие закон лорды чувствовали, что их дням вседозволенности и угнетения вскоре подойдет конец, если они не нанесут быстрый удар. Они опасались такого сильного и строгого хозяина и поэтому объединились под знаменем соперника Незаконнорожденного — Гая Бургундского.

Были некоторые представители знати Котантена, оставившие молодого герцога и перешедшие на сторону его соперника, который едва ли вообще был норманном (по их определению). Он был норманном по материнской линии, или, если пользоваться терминологией самих норманнов, норманнское происхождение было скорее связано с веретенем, чем с мечом. Предки его матери в иные дни не могли бы даже помешать тому, чтобы его называли французом. По преданию, Гай обещал разделить земли Нормандии среди своих союзников, оставив себе лишь то, что французы подарили Рольфу, и это, наверное, было причиной измены потомков Рольфа и лояльных колонистов Вильгельма Лонгсворда. В жизни и окружающей обстановке феодальных лордов даже в годы несовершеннолетия Вильгельма произошли огромные изменения.

Вождем баронов в этом мятеже выступал виконт Кутанса, сын того военачальника, который разгромил короля Англии Эфельреда и его войско почти за столетия до этого. Он жил в замке на берегу реки Уна, где впоследствии построил аббатство Сен-Савиур, которое было центром восстания, и с высокой башни Сен-Савиура открывался прекрасный вид на Котантен с его ухоженными полями и пастбищами, с лесами, утесами и болотами, великим монастырем Лессэй; тут и там стояли на страже крепкие замки его феодальных лордов. Сюда прибыли Рандольф из Байе, Хамон из Ториньяны, а также Гримбальд из Плессиса. Они подготовили крепость к осаде и поклялись, за-

щищая Гая Бургундского, применять любую военную хитрость, даже предательство, чтобы подчинить и опозорить Вильгельма. Я говорю «даже предательство», однако скорее это было первое средство бунтовщиков в их стремлении добиться цели. Они организовали заговор, чтобы схватить и убить Вильгельма в Валони, и удар должен был нанести Гримбальд.

Король Франции Генрих был в глубине души еще одним врагом герцога. Поначалу трудно понять его отношение к своему молодому соседу. Он едва ли когда-либо действительно признавал его, а Вильгельм, со своей стороны, никогда не вкладывал рук в королевские, объявляя с подчеркнутым почтением к своим предкам, что является человеком Генриха. Во времена юности Вильгельма, когда Нормандия оставалась без хозяина, у короля был хороший шанс, который выпадает раз в жизни, укрепить свою власть, захватив по крайней мере часть нормандской территории. Недовольство низким происхождением наследника герцогства не могло само по себе служить оправданием такой узурпации. Однако, в то время как феодальные лорды находились в большом смятении и занимались по большей части выяснением отношений друг с другом, в то время как у них было так мало национальных чувств, а лишь яростная междоусобица, это был подходящий для внешнего врага момент обогатиться за их счет. Время, когда Нормандия стремилась бы к большему объединению из-за внешней опасности, еще не пришло. Французская и скандинавская фракции все еще различались и с подозрением относились друг к другу, но когда наконец король Генрих без предупреждения вторгся со своими солдатами на территорию Нормандии и захватил Эврецин, было слишком поздно. Слишком поздно, если принять во внимание то, что последовало затем, несмотря на вспышку новых проявлений зависти и возрождение старых обид и ненависти.

Генрих одержал победу и какое-то время торжествовал, он потребовал себе знаменитый приграничный замок в Ти-

лье и настоял на том, чтобы его разрушили. И, хотя храбрый командир держался до конца даже вопреки приказу Вильгельма, в итоге он вынужден был сдаться. Генрих тут же разместил там гарнизон, что давало ему сильную власть над Нормандией. Последовал период мира. Король казался удовлетворенным. А голова молодого герцога была занята усиленным изучением врагов, уже проявивших себя или еще скрывающихся под маской лицемерия, а также своих возможных или вероятных союзников. Готовность поступать как должно делала герцога Вильгельма настоящим мужчиной даже во времена его детства. В течение многих лет он замечал, что мятежи и насилие происходили в его герцогстве все чаще, становясь обыденным делом, шум споров и сражений становился все громче. В его первой великой битве при Вал-и-Дюне решался вопрос о господстве: чье правление возьмет верх — котантенских лордов и Гая Бургундского или Вильгельма Незаконнорожденного.

Это была великая битва скорее по своему значению, чем по количеству участвующих в ней людей. Вильгельм призвал верные ему провинции на помощь, и ко двору прибыли рыцари Нормандии, в то время как из Бессина и Котантена прибыли мятежники, готовые помериться силами. Кажется странным, что именно скандинавская часть герцогства первой выступила против Вильгельма, в то время как сам герцог представляется нам идеальным потомком северян. В этот раз король Генрих поддержал своего вассала, и, когда Вильгельм в критический момент обратился к нему за помощью, ему не отказали. Прежде Генрих не стыдился принимать сторону норманнских предателей, и теперь, когда появился шанс разделить на куски герцогские земли и присоединить большие владения к Франции, мы более, чем когда-либо озадачены тем, что он не воспользовался представившимся случаем. Возможно, он чувствовал, что правление герцога окажется лучшим, чем правление мятежных баронов Котантена, и в целом будет, скорее всего, менее опасным. Таким образом, когда Вильгельм

попросил защиты, она была с готовностью ему предоставлена: король прибыл к нему на помощь во главе большого войска и помог выиграть победу.

Из хроник о том сражении мы еще ничего не узнаем о норманнских лучниках. Они прославятся позже. А эта битва была битвой конницы — настоящее сражение времен рыцарства. Поле битвы протянулось вдоль реки Орн и длинных склонов невысоких холмов, покрытых мягким дерном, как в живописных английских низинах за Ла-Маншем. Г-н Вэйс рассказывает о событиях этого дня в своей работе, ярко описывая место сражения. Г-н Фримен в примечании к собственному описанию говорит о том, что вместе со своим другом-историком г-ном Грином он подробно изучил это событие, и в качестве руководства у них под рукой была всегда книга Вэйса. В «Roman de Rou» есть намек на то, что не только крестьянство, но и бедные дворяне тайно были на стороне Вильгельма, что накопившиеся предубеждения и недоверие к феодальным лордам были так велики, что они были склонны принять полновластного властелина, чем терпеть утомительную тиранию менее могущественных лордов.

Бароны саксонского Байе и датского Кутанса составляли оппозицию лояльным гражданам Фалеза, обращенного в католичество Руана и людям христианских городов Лизьё и Эврё. Король Генрих, прибыв с юга со своими спутниками, остановился в небольшой деревне Валмерэй послушать мессу. Вскоре они соединились на просторной равнине, лежащей вдали, с людьми герцога. Их противники уже были там. Лошади в нетерпении перебирали ногами, видя сверкающие щиты и уловив дух предстоящего столкновения. Копья, обвязанные яркими лентами, блещут на солнце, длинные ряды рыцарей наклоняются, вздымаются и раскачиваются, подобно забавным декорациям, — дух захватывает от грандиозного разноцветья шелков на зеленой траве. Высоко в небе проносятся мимо птицы и тут же возвращаются, в недоумении от странного вида родных мест. Их гнезда в траве растоптаны — мир наполнен

людьми в доспехах, которые громко смеются и приносят клятвы и которые собрались здесь для чего-то странного, скорее для того, чтобы убивать друг друга, а не жить на благо Нормандии. Серые и прямые стены церковных башен, разрезая голубизну неба, уходят ввысь. Вдали теряются в дымке зеленые поля, с маленькими, как бы игрушечными домиками, а овцы и коровы беззаботно щиплют траву на пастбищах.

Это великий день для Нормандии, лучшие ее рыцари сжимают рукоятки мечей или в последний раз поправляют подпруги, с нетерпением ожидая начала битвы. Среди котантенских лордов был Ральф Тессон, хозяин сенкелейских лесов и замка в Харкурт-Тэри, со ста двадцатью рыцарями, хорошо вооруженными, доблестными и бесконечно ему преданными. Он поклялся на святых мощах в Байе беспощадно бить Вильгельма, где бы его ни встретил, хотя, кроме притязаний на престол, у него не было личных причин обижаться на друга детства.

Его сердце дрогнуло, когда он увидел своего законного властелина. Да, он был внуком дубильщика кож, его родители согрешили — все это было верно, и все же молодой герцог Вильгельм был красив. И он был таким же храбрым джентльменом, как и его предшественники — законные сыновья Рольфа или Ричарда Бесстрашного. Ральф Тессон, по прозвищу Барсук, человек проницательный и могущественный, держался в стороне и не примыкал со своими людьми ни к кому. Его рыцари струдились вокруг него и напоминали о том, что однажды он поклялся в верности Вильгельму, а теперь готовится к бою против своего законного властелина. Котантенские лорды не на шутку встревожились. Они сулили Ральфу золотые горы, но он никак не проявлял своих намерений и молча стоял несколько в стороне от войск. Молодой герцог и король заметили и его, и сто двадцать храбрых рыцарей его отряда, поднявших копыя с трепещущими шелковыми опознавательными знаками, вышитыми их возлюбленными. Вильгельм сказал, что они будут сражаться на его сторо-

не, ведь ни Тессон, ни его люди не имели к нему никаких претензий.

Внезапно Тессон пришпорил коня и стремительно двинулся через открытое поле, все лорды и джентльмены, затаив дыхание, наблюдали за ним. «Тэри! Тэри!» — кричал он, и ему вторило эхо. Он подъехал прямо к герцогу, что вызвало ропот в рядах людей Котантена, и мягко ударил его своей перчаткой, обыграв так свою клятву над святынями Байе (мы помним, что он поклялся бить герцога). Он ударил Вильгельма, и с этого момента был свободен от клятвы, а его рыцари снова были людьми Вильгельма. «Спасибо тебе!» — сказал молодой герцог, и началось сражение, разгораясь все сильнее благодаря ярости переметнувшихся баронов и их жажде мести. День начался дурным предзнаменованием. «Dex Aide!» — раздавался древний боевой клич норманнов, со стороны Золотой лилии Франции неслось: «Помоги, святой Денис!» — кипела битва.

В наши дни солдат это солдат, а люди, избравшие другие профессии, занимаются своим делом, пока стране не угрожает опасность. Но в те далекие времена каждый мужчина должен был участвовать в войне, если в нем была нужда, будь то врач или чиновник. Он обязан был быть солдатом, даже священники и епископы брали в руки оружие и шли в бой. Было бы интересно услышать много других имен во время переключки в этот день битвы, и мы почти слышим крики, обращенные к покровителям-святым, и бряцание оружия. Отважно сражался в самой гуще король Генрих, и битва как ураган яростно кружилась вокруг него. Уже обломались копья рыцарей, и они сражались на мечах. Никакой военной тактики или маневров в политике не было, была рукопашная схватка, где успех определялся лишь силой отдельных людей и лошадей.

Был момент, когда короля Генриха сбросили с лошади ударом котантенского копья, но он тут же вскочил с земли, чтобы показаться своим людям, и бросился в гущу сражения. На него набросился один из трех великих военачальников мятежников, и он снова оказался на земле. В

свою очередь лорд Ториньи был сражен верным французским рыцарем. Однако скоро и его мертвое тело унесли на щите, как некогда уносили погибших спартанцев. Король оценил доблесть этого воина и приказал похоронить его с почестями в церкви неподалеку от поля битвы. Впоследствии нормандские мужчины и женщины с удовольствием пели и рассказывали истории о храбрости герцога Вильгельма, о том, как прекрасно он владел оружием в этой своей первой великой битве, которая сделала его герцогом всей Нормандии. От его руки погиб один из самых знатных и смелых воинов Байе Хардрес. Г-н Вэйс, хроникер, ярко описывает этот эпизод: как Вильгельм пронзил острым мечом своего дерзкого врага, как тот упал и отошла душа. Вэйс был родом из Байе, и хотя он был певцом и верным вассалом великого герцога, не мог не выразить гордости и печали по поводу судьбы Хардреса.

Без устали сражался Нил из Сен-Савиура, подбадривая людей. Однако Рандольф из Байе чувствовал, что мужество начинает оставлять его. Их великий союзник Хардрес — лучший из рыцарей — был мертв, сраженный жестоким ударом меча. Потеряв из виду Нила, он испугался предательства и вдруг пожалел о том, что взялся за оружие. Яркое описание этого момента битвы можно найти в «Roman de Rou». Ход битвы больше не интересовал его — говорится витиеватыми фразами. Он думал о том, как печально быть пленником, а еще печальнее — убитым. Он отступал, слабея при каждой атаке, бросался то вперед, то назад, чего не следовало делать. Мы видим его то на переднем плане битвы, то в тылу, в конце концов он бросил оружие. «Он опустил голову и бросился наутек», — говорит г-н Вэйс, испытывая стыд за соотечественника. И мы представляем рыцаря с поникшей головой и его доброго усталого коня, лучшего из них двоих, из последних сил уносящего хозяина от опасности. За ним в панике кинулись остальные трусы, однако Нил сражался до конца, не покидая поля битвы, пока не был ранен в правую руку и уже не мог нанести удар. Французы продолжали наступать, ряды

норманнов поредели, они выглядели совершенно измотанными, и могущественный лорд Котантена понял, что надеяться не на что. Здесь, на холмах у реки Св. Лаврентия, был нанесен последний удар.

Группами по три-четыре человека мятежники покидали поле боя, спасая жизнь. Герцог преследовал их, как гончая — зайцев, по направлению к Байе, мимо Великого аббатства Фонтеней и альманских каменоломен, пока они не достигли реки Орн, стремительной и опасной. Люди и лошади бросались в реку, и их свежие раны окрасили ее воды в темно-красный цвет. Они тонули один за другим, эти несчастные рыцари и их храбрые кони. Поток уносил их борющиеся с течением тела, берега реки были усыпаны трупами, и колеса водяной мельницы в Борбилоне, ниже по течению, были остановлены никчемными остатками войск тех лордов и джентльменов, которые проиграли свою последнюю битву в Вал-и-Дюне.

Таким образом, Вильгельм завоевал Нормандию. Гай Бургундский, предав друзей, опозорил свое имя, бежав с поля битвы. Мы ничего не узнаем из хроник о его действиях во время битвы, лишь только то, что он спасался бегством. Создается впечатление, что он был одним из первых, кто бросился на поиски безопасного места, поскольку в хрониках ему сильно достается за это. Почти ничего не говорится об остальных мятежниках, бежавших с поля боя позже. Это была судьба, а не личная трусость — подводит итог одна из хроник.

Гай Бургундский повел за собой троих котантенских лордов обещаниями и насмешками по поводу незаконнорожденного герцога, и ему следовало быть храбрым и доблестным, если он принял решение тягаться с таким храбрым человеком. Он направился не к берегам роковой реки, а в прямо противоположном направлении, к собственному замку в Брионе. Там он довольно долго защищался с группой верных вассалов, бежавших вместе с ним, пока Вильгельм не выманил их наружу, едва не уморив голодом, как крыс в яме. Они держались с достоинством, и после сдачи ник-

то не был предан смерти, а самому Гаю было даже позволено вернуться ко двору. Г-н Вэйс решительно заявляет, что всех их следовало повесить, и добавляет: некоторые знатные люди, почитаемые при дворе, на самом деле были подстрекателями великого мятежа.

Странно, но никто не был казнен. Г-н Фримен говорит об этом, давая нам ясное представление о характере Вильгельма. Следует полностью привести здесь его высказывание: «В те далекие дни в Нормандии так же, как и везде, законная казнь государственного преступника была редким событием. Человеческие жизни безрассудно терялись в бесконечных войнах тех времен, и были люди, которые не стремились избегать убийств. Но лишение жизни благородного пленника через повешение или отрубание головы (что стало обычным явлением в более поздние времена) в XI столетии было необычным зрелищем. И, как ни странно это звучит, Вильгельм Завоеватель не был кровожадным человеком. Он мог бы пожертвовать любым количеством человеческих жизней ради своих безмерных амбиций, не почувствовал бы угрызений совести, обрекая своих врагов на увечья, держал бы людей многие годы в ужасных тюрьмах просто в качестве меры безопасности, однако хладнокровное уничтожение человеческой жизни было чем-то, чего он избегал».

Во время этой своей первой великой битвы, — продолжает историк, — Вильгельм был в том возрасте, когда люди обычно предрасположены к великодушию, и худшие черты его характера еще не начали проявляться. Проследившая его судьбу в более поздние времена, когда он нарушил святые правила, можно заметить появление предрассудков и суеверий, обнаружить закат его славы: бледная и затухающая, в дымке позора и разочарований, заходила его звезда.

Ни с кем из предателей, участвовавших в битве при Вали-Дюне, не поступили сурово, что было вполне в духе того времени. Бароны платили штрафы и давали закладные, и многие из них были обязаны снести свои разбойничьи зам-

ки, которые построили без разрешения герцога. Этим объясняется то, что так мало осталось в Нормандии даже развалин того времени. Хозяин Сен-Савиура был вынужден отправиться в Бретань, но, очевидно, его обширные владения не были конфискованы, поскольку уже на следующий год он вновь при дворе, пользуется расположением герцога и занимает почетный пост. После этого он прожил еще сорок четыре года, необычно долгий срок жизни для нормандского рыцаря, и последовал вслед за Завоевателем в Англию, однако землями и почестями, в отличие от многих его товарищей, награжден не был. Какое-то время Гай Бургундский жил при дворе, а затем вернулся в родную провинцию, посвятив жизнь плетению интриг против брата.

Граф Гримбальд из Плесиса разделил худшую судьбу всех заговорщиков — его доставили в Руан и, заковав в цепи, бросили в тюрьму. Он признался, что пытался убить герцога ночью в Валони, когда дворцовый шут сделал предупреждение, и сказал, что рыцарь по имени Сале был его сообщником. Сале категорически отверг обвинение и вызвал Гримбальда на честный поединок. Однако когда подошел назначенный день, несчастный саксонский барон был найден мертвым в своей темнице. Оковы впились в его тело до самых костей, и он был похоронен в цепях в знак предостережения. Его владения были конфискованы, и часть из них была отдана церкви в Байе.

Теперь наконец нормандские священники и рыцари знали, что у них есть хозяин. Некоторое время в Нормандии было удивительно спокойно, страна переживала период расцвета. Великое герцогство занимало более высокую позицию в иерархии по сравнению с соседними королевствами, и, хотя произошли еще один мятеж и серьезные нападения со стороны завистливых соседей, все же саксонцы из Бессина и датчане из Котантена были разгромлены, и Нормандия стала более сплоченной, норманно-французской, чем прежде. Период длительной борьбы, который продолжался со времен детства Ричар-

да Бесстрашного, в конце концов закончился. Даже сейчас, существует разница между двумя частями Нормандии, хотя прошли века. Но тогда, после знаменитой битвы, уже недалек был день, когда герцог, собрав огромную армию, пересечет Ла-Манш и ступит на землю Англии. «Граф Руана, — пишет г-н Фримен, — победил саксов и датчан в пределах собственных владений и намеревался сплотить их в более надежную армию, с помощью которой можно было бы разгромить саксов и датчан по другую сторону моря».

Возможно, ничто не демонстрирует варварскую жестокость тех времен и жестокий характер Вильгельма лучше, чем история города Алансона. Вильгельм Талвас, давний враг молодого герцога, образовав мятежный союз с графом Анжуйским Жоффре, решил выступить против норманнов. Когда Вильгельм подошел к городу, он обнаружил, что у его жителей хватает наглости насмеяться над ним и оскорблять его. Они развесили сырые шкуры животных на городских стенах и яростно лупили по ним, крича, что в городе есть работа для кожевника, и бросая еще более прозрачные намеки в адрес предков его матери.

Разумеется, Вильгельм, охваченный яростью, осадил со своей армией город, стены которого считались неприступными. Он поклялся именем Господа, что будет обращаться с жителями так, как дровосек с деревьями. И действительно, когда Алансон пал и был отдан на милость Завоевателя, тот потребовал выдачи тридцати двух пленников. Их носы, руки и ноги были отрублены и тут же переброшены назад, за стены города.

XI АББАТСТВО БЕК

*Зимними холодными ночами, заглушая рев моря,
его манил перезвон монастырских колоколов.*

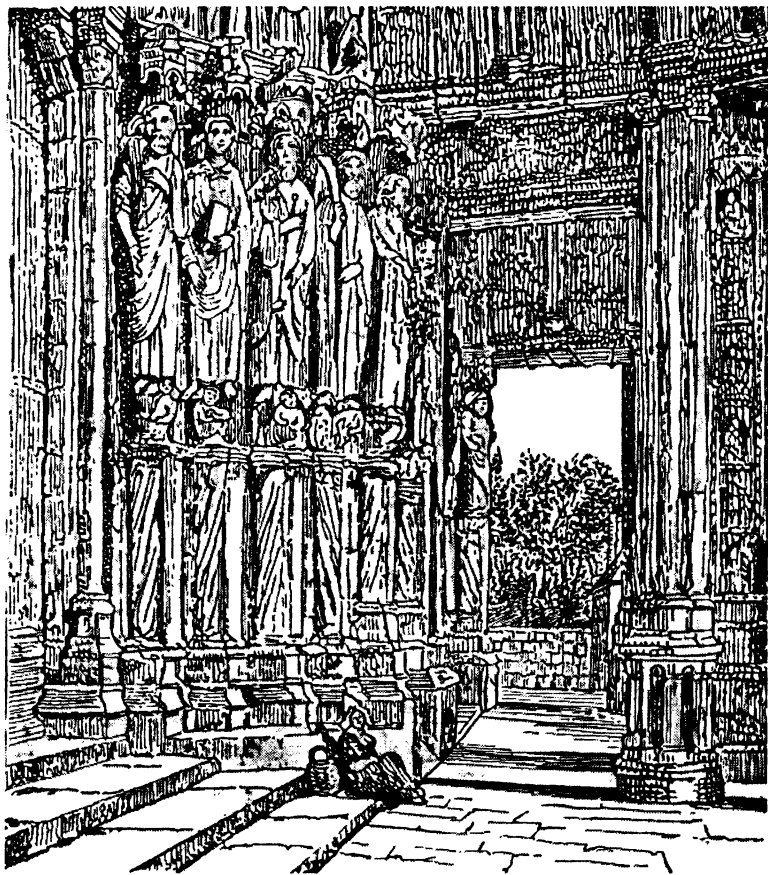
Мэтью Арнольд

Чтобы уйти от феодальных повинностей и постоянных военных действий, был только один путь — полностью

отказаться от земных радостей и найти убежище в монастыре, посвятив себя святым делам. Монашество часто служило единственным оправданием для того, чтобы посвятить себя искусству, литературе или скрыть свое неприятие военных устремлений. Это были не только духовность и стремление к благочестивому образу жизни, которые вдохновляли на затворничество и монашеское презрение к земным благам. Росту и укреплению могущества церкви способствовали не только народные суеверия или признание существования настоящей духовной жизни, но и мирская мудрость паствы. Литераторы, ученые мужи и философы часто были под стать военной части общества, солдатам Нормандии и великим полководцам, которые могли доказывать доблесть лишь силой стратегии и мечей.

Вильгельм быстро признал набирающую мощь духовенство и хорошо защищенную силу заключенного в монастырях общественного мнения. Будучи солдатом и земным человеком, он подавлял желания и, отличаясь рыцарской строгостью и простотой жизни, следил за тем, чтобы почитались монастырские законы, что не мешало ему, однако, быть типичным представителем того воинственного времени. Вильгельм не считал себя праведником, поскольку за ним был грех тайных преступлений против соперников. Мастерское использование того, что один древний писатель называет «стремительной сменой событий», так же способствовало его военной славе, как и любой другой элемент его тактики и стратегии. Вильгельм стремился завоевать симпатии Папы Римского, а от запретов и проклятий церкви уходил всеми возможными способами. Рассказ о его женитьбе — яркое подтверждение его смелости, решительности и настойчивости в достижении поставленной цели — получении поддержки духовного владыки, несмотря на препятствия, которые обескуражили бы более слабого человека. Добиться того, против чего возражала церковь, означало оказаться сильнее церкви.

Таким образом, в Нормандии налицо были две великие силы: первая — военный дух, любовь к приключениям, активности и волнениям и вторая — сильное религиозное чувство, которое нередко заставляло первое быть своим слугой и иногда побеждало. Что подвигло норманнов более активно служить церкви, религиозные предрассудки или искреннее приятие идей христианства, — это тема для отдельной дискуссии. Ученые и праведники во все времена были стимулом развития, люди просто не могут не по-

Вход в храм в Шартре

часть под влияние находящихся среди них истинных последователей Христа и его служителей.

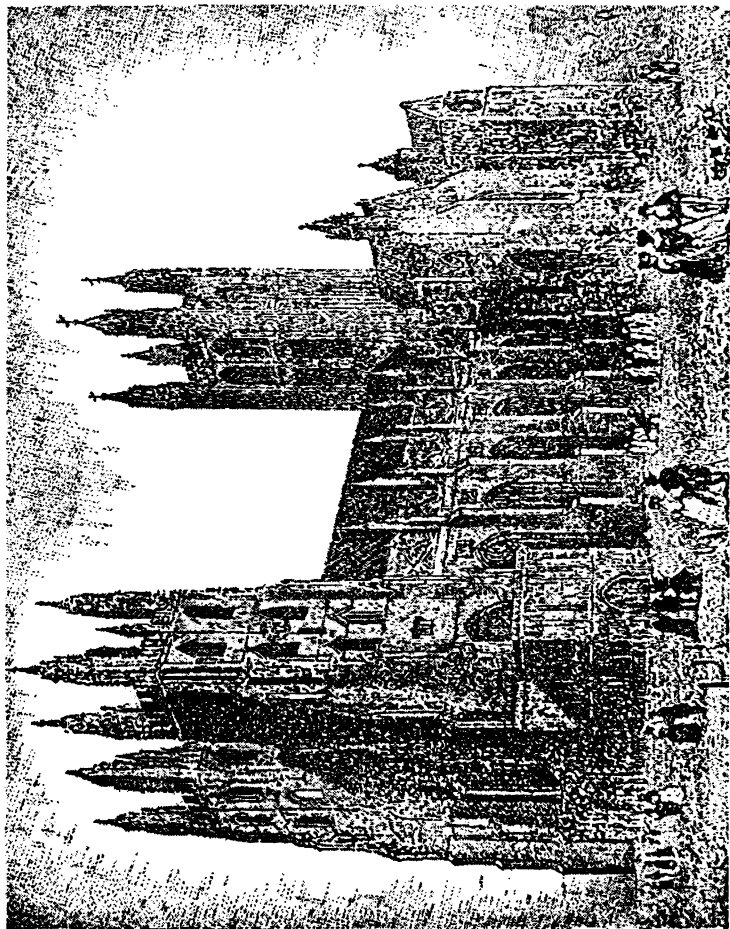
Несомненно, существовало большое количество суеверных ритуалов и обычаев, а люди были доверчивы и наивны. Бесспорно и то, что это позволяло осуществлять удивительный контроль над невежественными умами. Стоя так близко к языческому прошлому, люди, населявшие огромные и относительно отдаленные районы Нормандии, безусловно, запутывались в еще сохранявшихся остатках древних верований. И все же, несмотря на символы веры рыцарства, более явственно религиозное чувство проявлялось в камне и в известковом растворе, в облачениях и постах, покаяниях и щедрых дарах, а не в обычных вере и жизни по божеским законам. Во времена Вильгельма Завоевателя или до него представители нормандской знати считали, что их владениям недостает главного, если в каком-нибудь уголке не поселится колония монахов. Для богатого человека считалось необходимым основать монастырь или какой-нибудь религиозный дом, и это было самым счастливым событием для учеников того времени. Профессия писателя уже становилась достойной и почитаемой, а ученики Беды Достопочтенного и других благородных учителей как с севера, так и с юга уже «посеяли хорошие семена» на просторах Европы.

Именно в те времена были основаны многие знаменитые школы, и в более мирный ранний период правления Вильгельма Завоевателя религия и наука развивались в Нормандии быстрее, чем когда-либо прежде. Было достаточно средств для их поддержки, в селах производилось достаточно продуктов, а крупные центры промышленности и мануфактуры, такие как Фалез, процветали. Стать монахом было так же почетно, как и солдатом. Есть много привлекательного в этих ранних братствах — простой образ жизни, преданность привычке выполнять свои обязанности по поддержанию существования. Но уже просматриваются усилившиеся впоследствии в Англии и Италии тенденции к постепенному переходу от

бедности и благочестия к стремлению к богатству, церемониям и враждебности. Попасть в западную мирских забот, не устояв перед искушением, было гораздо проще тогда, чем теперь, не говоря уже о таких субстанциях, как духовность.

Мы так часто сталкивались с мечами и щитами в этом коротком рассказе, что с радостью отвлечемся на некоторое время, чтобы понять, какое влияние оказывали великие аббатства Бек и Святого Эвреила, и хоть немного познакомиться с их обитателями, вооруженными лишь массивными книгами да принципами просвещения и благочестивой жизни. Мы должны обязательно узнать о Ланфранке, поскольку его называли правой рукой Вильгельма Завоевателя. А сейчас давайте сделаем краткий экскурс в недалекое прошлое и рассмотрим историю основания аббатства Бек и связанные с этим события. Это поможет нам понять образ жизни в монастыре и волну монашеского движения, которая оставила заметный след на окраинах и в долинах Нормандии. Как в деревнях Англии, так и в нормандской части Франции можно встретить однотипные дома с красными крышами, разбросанные вокруг высоких квадратных башен церкви с окнами в серых каменных стенах, которые выглядят как неяркий прямоугольный узорчатый орнамент. Самые старые дома невысоки и невелики, однако самые старые кафедральные соборы и приходские церкви — это величественные сооружения.

Первое посещение одного из таких храмов — незабываемое событие. Чем больше думаешь о нем, тем красивее он кажется. Это первое впечатление высоты и пространства, тишины и отрешенности. Стены хранят эхо молящихся и поющих голосов, окна подобны увядающему, поблекшему саду, пронизанному яркими лучами солнечного света. На окнах изображены фигуры святых, лучи божественной славы проникают сквозь старое стекло и падают на разрушенные временем могильные плиты. Даже пыль, которая пробивает в солнечных лучах широкое темное пространство,

Храм в Кентербери

кажется священной и пришедшей из глубины веков. Переступая двери храма, покидая суетный мир, мы чувствуем себя так, будто находимся в гостинной, откуда легко найти путь в иной мир.

Возникает чувство приближения к Небесам, когда поднимаешься вверх по широкому проходу этой, как благоговейно называли ее наши предки, обители Бога. Вдруг вспоминаются многие тайны, о которых внешний мир не дает возможности задуматься. Это действительно путешествие к Небесам. Там, где на протяжении столетий стирались следы мирских забот и прикосновений строительных инструментов, где кажется, что здание само по себе росло и набирало силу, все же нельзя не думать о строителях и архитекторах, которые сотворили это великолепие. Кто были те люди, которые осмелились вознести крышу, подперев ее высокими колоннами, и почему они в те отнюдь не богатые, суровые времена отдавали все, что имели, чтобы сделать это место таким богатым и высоким? В ответ лениво и мягко звонят колокола, и, если вам удастся заглянуть в старинные потемневшие от времени книги и даже прочитать затейливые записи, вы вряд ли получите ответы на эти вопросы. Можно лишь назвать эти здания великолепными памятниками духа того времени (практически не цивилизованного согласно нашим стандартам), когда, тем не менее, существовали глубокие чувства благоговейного поклонения и почитания.

Нелишне вспомнить, что владыки церкви и правители при желании были в состоянии полностью направлять действия вассалов. Все свободы и привилегии, принадлежащие высшему классу, заканчивались, когда дело касалось низшего класса, крестьянства. Крестьянин был в подчинении у того, кто становился его хозяином. Он мог претендовать лишь на очень немногие права, в то время как Христос наставлял своих учеников, что, кто бы ни стал главным среди них, он должен поступать как слуга. Это было самое удивительное предложение о взаимоотношениях между людьми, которое было непохоже на предшествующие. Ста-

новьясь главным среди иудеев, норманнов или в наши дни, человек часто ошибается, думая, что самый великий является хозяином для всех. Люди всегда стремились принимать одно за другое — земное могущество и божественную власть.

В те времена, когда каждый человек претендовал на право вести личную войну против другого, если тот не был его господином или вассалом, было много проявлений жестокости, и грань между войной и заурядным грабежом, убийством не всегда была четкой. Тот, кто был не в состоянии защититься, был главным страдальцем, и, безусловно, многие миролюбивые люди вынуждены были надевать доспехи и быть готовыми к постоянным военным действиям во всех их проявлениях. Существовала лишь одна альтернатива сначала всеобщему раздору нации вооруженных людей, а позже — более организованной и целенаправленной системе рыцарства: просто навсегда удалиться от мирской жизни и вести религиозный образ жизни. Знаменитый порядок монахов бенедиктинского ордена был выстроен в Нормандии с удивительной набожностью. Природная любовь к знаниям, которая в течение длительного времени лишь теплилась у людей, теперь разгорелась ярким пламенем в сердцах многочисленных потомков скальдов и создателей саг.

В то время как августинский орден монахов знаменит главным образом строительством великих храмов, а нищенствующие монахи в качестве памятников оставили замечательные больницы, бенедиктинцы направили энергию на формирование великих школ. Прошли времена, когда протестантский мир унижал себя, пренебрежительно называя монахов ленивыми, слишком чувствительными и бездеятельными, и не видел ничего хорошего в этих древних сообществах. Развитие знаний во всех формах, равно как и искусства, было бы надолго отложено, если бы не было такого спокойного отступления, когда мужчины и женщины могли дать мыслям лучшее применение, чем то, которое позволялось или даже поощрялось вне церков-

ных стен. Бенедиктинцы особенно благоприятствовали учению, их собратья по монашеской славе очень многим им обязаны.

Был один благородный рыцарь по имени Герлен, который жил во времена герцога Роберта Дьявола и в течение тридцати семи лет был рыцарем при оружии. Он был потомком одного из спутников Рольфа, его происхождение было очень высоким, а владения были частью первоначального дара Карла Простоватого. Герлен был вассалом графа Гилберта из Бриона и проявил себя храбрым и верным рыцарем как своего властителя, так и герцога. Он был в большом почете и был необыкновенно мягкосердечен и справедлив к тем, кто попал в беду. Нам представляется вполне вероятным, что такой человек навсегда остался бы в миру. Для вдумчивой и утонченной души Герлена монастырь таил в себе множество соблазнов. Все еще случались волнения даже среди священнослужителей, худшие из них «хранили оружие и жили жизнью язычников датчан... Вера Герлена почти покинула его, когда он увидел беспорядки в одном из знаменитых монастырей. Однако он обрел душевный покой, случайно убедившись в набожности одного духовного брата, который провел ночь в священных местах. Таким способом он пришел к убеждению, что соль земли еще не полностью утратила свой аромат»¹.

Наш благочестивый рыцарь оставил земные заботы и посвятил себя вместе с несколькими единомышленниками строительству за свой счет небольшого монастыря в Бурневиле около Бриона. Церковь была освящена, и ее основатель получил благословение от своего епископа, посвятив его в духовный сан и сделав аббатом маленького сообщества. Герлен очень прилежно учился читать и достиг этой трудной цели, не гнушаясь никакой работы. Вскоре он стал знаменит в этой части Нормандии святостью и большой мудростью в толковании

¹ Фримен. «Завоевание Англии норманнами».

Библии. Однако вскоре обнаружилось, что местоположение процветающего молодого учреждения было выбрано неудачно.

Колонии необходимы были запасы воды и леса, так что аббатство переселилось в долину небольшой реки, которая впадала в Лиспу недалеко от Бриона. На древнем языке норманнов ручей назывался словом «бек» (ручеек), до сих пор это слово встречается в стихотворной речи и в диалектах, именно оно дало название, возможно, самому знаменитому и часто упоминаемому из всех нормандских монастырей. Г-н Фримен пишет: «Холмы все еще покрыты густыми лесами, еще течет ручей по плодородным лугам под сенью растущих на его берегах деревьев, у стен некогда прославленного монастыря, которому он дал название. Но со времен Герлена не осталось никаких других следов, кроме этих неподвластных времени творений природы. Высокая причудливая башня, одна из последних работ средневековых мастеров, все еще привлекает путешественников, хотя от самой монастырской церкви, кроме нескольких небольших фрагментов, не осталось никаких следов.

Подлинную реликвию прославленного аббатства сейчас можно найти в расположенной поблизости деревенской церкви. Там до сих пор сохранилась статуя, которой впоследствии было отмечено место упокоения основателя. Вот и все, что сохранилось от монастыря, который когда-то был обителью Ланфранка и Ансельма.

Именно в этой долине Герлен наконец разместил первых поселенцев, потратив на это все свое небольшое состояние. «С любовью к этому миру, — говорил он, когда просил за своих бедных крестьян в Гилбертском суде Бриона, — с любовью к этому миру и подчиняясь человеку, я мало внимания уделял Богу и себе. Я был полностью поглощен тренировкой тела и не занимался воспитанием своей души. Если я достоин этого, позвольте мне провести остаток жизни в монастыре. Позвольте мне хранить вашу любовь и отдавать Богу то, что имею».

В своих начинаниях Герлен не был одинок: один за другим к нему присоединялись единомышленники, и вскоре здесь образовалось активное сообщество монахов. Они подвергали себя всем видам самоограничения и лишений, упорно трудились над строительством своего нового дома, рыли землю, возделывали поля, рубили деревья и самоотверженно пели молитвы. Герлен позволял себе один раз в день вкушать скудную пищу, ходил на работы в бедной одежде, весьма почтительно выражая свою преданность Богу. Истории многих других религиозных домов и их основателей весьма похожи, но невозможно не проявить особого интереса к основанию аббатства Бек, поскольку с ним связано имя Ланфранка, который сохранил события в памяти и благодаря которому они стали известными в нормандской и английской истории.

История об этом монахе аббатства Бек, который стал кентерберийским архиепископом и который влиянием и могуществом несколько лет спустя уступал лишь Вильгельму Завоевателю, читается на одном дыхании, как многие другие истории об этом романтическом времени. Он родился в Павии, городе сотни башен в Ломбардии, и принадлежал к прославленному роду. С раннего детства он проявлял необыкновенные способности, и уже в университетские годы стал широко известен благодаря своим ярким талантам и ораторскому дару. Победить его в споре, даже в годы ученичества, было практически невозможно.

Все считали, что после окончания колледжа он использует свои знания и опыт во благо родного города. Некоторое время он действительно оставался там и даже начал свою карьеру, однако оказался неумным в любви к переменам, приключениям и в своем желании увидеть мир. И вскоре мы обнаруживаем егодвигающимся на север в компании восхищенных учеников, как будто в паломничество, только в противоположном направлении. Маленькая процессия энтузиастов пересекла путь святого Бернарда во Францию и по неясным причинам направилась

в Авранш, где Ланфранк основал школу и вскоре стал знаменитым. Несмотря на то что профессия (или ремесло) воина была наиболее распространенной, никогда не существовало времен, чтобы ученость и профессия писателя почитались меньше, и норманны не уступали никому из современников в уважении, которое питали к ученым.

Ланфранка не удовлетворяли почет, слава и успех в Авранше, и в стремлении к чему-то более глубокому и утверждающему (что соответствовало страстным желаниям его души) он оставил процветающую школу и вновь устремился на север. Страна была дикой и небезопасной для одинокого странника. Вскоре, — так говорится в описании, — на него напала банда грабителей, его избили и бросили в лесу, привязав к дереву, без пищи, денег и надежды на освобождение. Проходили бесконечные ночные часы, и отчаяние все больше охватывало его. Наконец он решил призвать на помощь духовные силы и попытался повторить церковную службу. Увы, он не мог вспомнить молитв и гимнов и в отчаянии как мог благоговейно поклонился Богу, поклявшись, что посвятит себя духовной жизни, если его страдания закончатся. Вовремя оказавшиеся поблизости угольщики сыграли благородную роль избавителей. Все еще страдая от боли и ссадин, оставленных веревками, Ланфранк спросил, есть ли поблизости какой-нибудь святой дом, и был направлен в приют Герлена и почтенного братства Бек.

Вся маленькая колония в тот день была в движении. Люди спокойно возделывали землю и терпеливо выполняли другие сельскохозяйственные работы. Сам Герлен, бывший рыцарь при оружии, облаченный в простое монашеское одеяние, предстал в роли опытного каменщика при сооружении новой печи. Но вот из близлежащей чащи появляется странный человек, еще бледный после ночного бдения, и умоляет занести его имя в списки тех, кто посвятил жизнь служению Богу. «Это настоящий ломбардиец!» — сказал удивленный Герлен, преисполнившись

симпатией к гостю, а узнав имя нового брата и почувствовав его страстную набожность, преклонил колени в знак любви и уважения. Это был великий для аббатства Бек день.

Такие знания и способность обучать, которыми обладал Ланфранк, не могли остаться незамеченными. В самом деле, церковь верила в человеческую одаренность и каждый ее член был обязан использовать свой талант на общее благо. Братья обрабатывали землю, рубили лес, строили печи и постоянно были при деле, в то время как Ланфранк, теолог и учитель, человек науки, собрал множество учеников отовсюду. Бек стал знаменитым центром знаний: даже из Италии и Греции молодые люди приезжали в его школу, и год от года его слава росла. Быстрый ум и понимание жизни помогли Ланфранку преодолеть многие беды, и, надо признать, он был остроумен от природы и наделен прекрасным чувством юмора.

У него была индивидуальность — черта его итальянских предков, и он выделялся в любом социальном круге людей своего возраста и даже старше, являясь настоящим «человеком мира». Норманн среди норманнов в своем приемном доме, он, тем не менее, был в состоянии рассматривать Нормандию не как мир сам по себе, а лишь как отдельный фактор в нем, и подчинять его амбиции и владения реальным взаимоотношениям более широкого плана. В молодом герцогстве не было другого такого церковного государственно-го деятеля, как Ланфранк, и его известность и слава становились все больше.

Герцог Вильгельм использовал всю свою сообразительность, чтобы победить этого серьезного противника своей женитьбы, и его первая атака имела вовсе не примирительный характер: Ланфранк получил строгий приказ покинуть страну и оставить аббатство Бек под угрозой худшего наказания. Будущий кентерберийский архиепископ смиренно подчинился своему светскому господину и отправился через лес с жалким эскортом, трогательно бесполезным на вид. Он ехал на замороженной, старой, хромой лошаденке

из обобранных конюшен аббатства, и вскоре они повстречали герцога, который охотился с доблестным войском в сопровождении рыцарей. Удивительно, казалось, будто проницательный Ланфранк предусмотрел эту сцену заранее. Вот он едет на едва живой скотинке, ковыляющей по лесной тропе, он, великий настоятель и ученый Нормандии, выдворенный из дома, который собственными знаниями прославил в христианском мире. «При Ланфранке, — пишет один хроникер, — норманны впервые постигли искусство грамоты, поскольку при предыдущих шести герцогах Нормандии едва ли хотя бы один из норманнов посвятил себя широкому образованию, и не было никакого обучения, пока Бог, Создатель всего, не послал Ланфранка в Нормандию».

Все это, безусловно, пронеслось в мозгу Вильгельма, и добрый итальянский юмор бекского настоятеля оказался прекрасным оружием. «Дай мне лучшую лошадь, — крикнул он, — и ты увидишь, как я буду удаляться гораздо быстрее». Герцог рассмеялся, несмотря на попытки сдержаться, и Ланфранк получил шанс изложить суть дела. Они расстались лучшими друзьями, и знание настоятелем гражданских законов, теологии и человеческой природы так же, как и все остальные его таланты, стали раз и навсегда на службу герцогу. Ланфранк поддержал незаконную женитьбу герцога и даже получил разрешение от Папы Римского, которого почти безнадежно добивался Вильгельм.

В свое время аббатство Бек обладало большим влиянием. При общем недостатке книг в те дни, когда еще не было книгопечатания, лучшим способом обучения было внимательно слушать то, что говорил учитель. Студенты переходили из школы в школу и больше всего стремились попасть в такие места, как Бек, где можно было найти нечто лучшее. Здешние люди были не только патронами обучения и стражами собственных копий древней классики, но и обучали детей в окрестностях, давали приют богатым и бедным, старикам и путешественникам, ко-

торые стучались в ворота. Они делали копии молитвенников, отливали колокола для церквей, были лучшими земледельцами, музыкантами и художниками. В то время как Ланфранк вел великий спор с Беренгаром Турским по поводу доктрины эвхаристии (святого причастия), был победоносным защитником церкви и выиграл дело Вильгельма с Папой Римским с помощью мастерского умения доказывать ценность нормандской преданности римской епархии, его смиренные собраты ухаживали за пчелами, тщательно возделывали землю и обучали сельских детей грамоте.

Такой центр обучения и полезной промышленности, как Бек, был лучшим цветком цивилизации. Сам Ланфранк был до конца верен ему. Мы сталкиваемся с некоторыми восхитительными проявлениями его обыденной жизни, например, однажды во время путешествия с благоговейно преданными паломниками в свою школу позади себя на седле он осторожно вез кошку, тщательно позаботившись, чтобы она не воспользовалась когтями и не поцарапала лошадь. Ланфранк пояснил, что иногда во время ночлега ему сильно досаждают мыши, и из-за этого он создал такой практичный союз. Можно представить, как загорелись хитрые огоньки в глазах доброго человека и вытянулись лица изумленных школяров, которые с благоговейным трепетом готовились к своей первой встрече с таким знаменитым человеком.

ХII

МАТИЛЬДА ИЗ ФЛАНДРИИ

Борьба на равных на открытой равнине, где победа может достаться каждому, возможна, но всякое сопротивление ей тщетно.

Марвелл

Мы слегка коснулись Фландрии и ее вождей по ходу рассказа о норманнах. Однако теперь два герцогства должны были соединиться более прочной связью, чем просто

соседство, чем союз или военное противостояние. В то время как Нормандия завоевывала все новые территории, все более пугая своей военной мощью, становясь все богаче (это касается как деревень, так и богатых различными производствами городов), Фландрия по своему значению всегда занимала одно из первых мест.

Жители Фландрии добились королевских достоинства и роскоши. Ее народ был представлен деловыми, сильными и умными ремесленниками и художниками, и, в то время как звон колоколов ее высоких башен разносился далеко по стране, ткацкие станки и умелые женские руки создавали гобелены, которые доставлялись к стенам Ватикана, и тончайшие кружева для светских дам Испании.

Тяжело груженные корабли Фландрии приплывали и отплывали с богатейшим грузом, порты были переполнены, ее художники создавали произведения искусства, ее сады зеленели, а в домах знати, привыкшей к роскоши, было все, о чем можно мечтать. По мере перенаселения страны многие ее жители пересекали море и отправлялись в Шотландию завоевывать там плацдармы: иногда мечом, но чаще плугом, лопатой и ткацким челноком. Дугласы и Лислы, Роберт Брюс и все семейства Флемингов находят свои корни в тех временах и благодаря искусству или торговле добились права называться шотландцами, занимая заметное место в первых рядах славной истории Шотландии.

Граф Фландрии формально был вассалом как Рима, так и Франции, но практически сам себе хозяин. Болдуин Лисл во времена Вильгельма Завоевателя был слишком значительным человеком, для того чтобы нуждаться в чьей-либо помощи, быть купленным или проданным по желанию какого бы то ни было властелина. Он стоял прочно как представитель благополучия и достоинства своей страны. Такой дальновидный человек, как молодой герцог, естественно, жаждал прочного союза с могучим соседом, а кроме политических, существовала еще одна, более весомая, причина такого союза — любовь к дочери графа Матильде, вспыхнувшая в его сердце.

В 1049 году он уже собирался просить ее руки, поскольку именно в этот год Реймский совет отменил запреты и ограничения, установленные церковью. Все существование Вильгельма было борьбой за жизнь, за свое герцогство, свое английское королевство — и ему хватало мужества держать длительную осаду со стороны церкви и государства, когда женщина, которую он по-настоящему любил, была желанным призом. Если верить истории, она была достойна этой любви. Если бы Вильгельм не любил ее, он не планировал бы и не повторял раз за разом попытки получить ее в течение долгих лет, несмотря на бесчисленные препятствия, которые наверняка положили бы конец его стремлениям, если бы он руководствовался лишь политическими причинами для союза.

Его окружение призывало его жениться. Возможно, сначала они обратили бы свои взоры к Англии, если бы там, при дворе Эдуарда, была принцесса. Поскольку ее там не было, Фландрия казалась лучшей наградой. Нормандское герцогство не должно было оставаться без наследника, и на этот раз вопрос о справедливости притязаний наследника и его праве на престол не стоял. Нормандия пережила достаточно разделов и раздоров во времена юности герцога, и теперь, когда ему исполнилось двадцать четыре года, он стал хозяином своих владений и мог занять подобающее положение среди соседей, все настойчиво требовали его женитьбы, чтобы у Нормандии была своя первая леди. Он был неиспорченным человеком в ту эпоху безрассудства и распущенности. Его уже признавали великим человеком, и даже дочь Болдуина из Фландрии, должно быть, испытывала гордость, выходя за него замуж.

Матильда, почти того же возраста, что и сам герцог, уже была замужем за фламандским вельможей и имела от него двоих детей. Она была красивой грациозной женщиной, и невозможно поверить некоторым старым источникам, в которых говорится, что Вильгельм довольно неуклюже ухаживал за ней, а ее отец, безусловно, не возражал против женитьбы. Она, похоже, была готова стать ему вер-

ной и преданной женой и без промедления выйти за него замуж после этого ухаживания, доставившего столько беспокойства. Великий совет Реймса запретил их женитьбу, и удары Папы Римского Льва сыпались на похитителей законов церкви со всех сторон. Принцы отлучались от церкви, или же на них накладывалась тяжелая епитимья, по справедливости поступали и с самими церковными деятелями — в соответствии с их грехами. Когда большинство этих менее значительных современников получили по заслугам, последовал указ, который касался двух особенно знаменитых людей: графу Фландрии было запрещено выдавать дочь замуж за нормандского герцога, а Вильгельму, в свою очередь, — брать ее в жены. В течение четырех долгих лет любовники, если можно допустить, что они таковыми являлись, были разлучены под предлогом близкого родства. Документальных подтверждений этого факта нет, и вполне возможно, что между ними сохранялись какие-то взаимоотношения. В любом случае гораздо проще поверить этому, чем тому, что на роль невесты могла претендовать жена графа Аделла, обрученная в детстве с дядей Вильгельма.

Мы вернемся к описанию событий в Нормандии и жизни Вильгельма в течение этих четырех лет в одной из следующих глав. Сейчас же расскажем о его женитьбе, когда события в Италии представили случай завершить долгий период ухаживания счастливым концом. Как ни странно, это произошло благодаря Отевилям и той нормандской колонии, историю которой мы вкратце описали. Во время конфликта с Римским Папой Львом, когда он вынужден был уступить силе норманнов и признать их государство верноподданным, Вильгельму либо удалось добиться согласия на этот брак, либо он осмелился проигнорировать запрет. Пока Лев находился в зависимом положении, пылкий герцог поспешил в свой город Эу около фламандской границы, где встретился с графом Болдуином и его дочерью. Не тратя зря времени на пышные процессии и триумфальные празднества, какой-то средней руки священ-

ник благословил влюбленных. Однако весь путь, когда герцог женой, с таким трудом доставшейся ему, возвращался в нормандскую столицу, сопровождался безудержным весельем. Путешествие это было обставлено со всей возможной пышностью, а по прибытии в родной город знаменитого предка Вильгельма Рольфа был устроен великолепный прием, завершившийся грандиозным пиром. С тех пор долгие годы на норманнском престоле находилась достойная его благородная леди.

Однако влияние церкви на этих пиратских землях было слишком сильно, чтобы смириться с таким откровенным игнорированием ее предписаний, даже со стороны главного правителя. У Вильгельма был дядя, которого звали Могер и который был примасом (главой) нормандской церкви и отпетым негодяем — по всем статьям этот человек был полной противоположностью Вильгельма. По мнению Вильгельма, он совершенно не подходил для роли главы духовенства. И этот Могер, рьяно выполняя какие-то свои обязанности, — он не дрогнул и осудил своего племянника!

Все дошедшее до нас о его жизни показывает его с худшей стороны, но за этот поступок следует воздать ему должное — здесь он пытался быть справедливым. Однако следует вспомнить и о ненависти, которую он и его семья питали к незаконнорожденному герцогу, когда тот был ребенком. Может возникнуть подозрение, что пренебрежительно-презрительное отношение к Вильгельму сменились завистью. Выносить прямолинейные суждения о характере человека, который жил в далекие времена, даже такого всеми осуждаемого, как Могер, — занятие неблагодарное. Здесь его биографы могли быть его личными врагами, а более поздние писатели увековечили эти, возможно несправедливые, возгласы возмущения по неосведомленности.

Большого доверия заслуживает Ланфранк, поскольку он также порицал герцога за нарушение святого закона. Мудрый итальянец, весельчак Ланфранк любил своих

приятелей, но будучи учителем по воле Божьей, когда Нормандия была предана анафеме за недостойный поступок своего властелина, храбро выступил с обвинением самонадеянного грешника. Это вызвало вспышку гнева Вильгельма, который приказал жестоко отомстить за оскорбление, нанесенное ему и его жене. Вильгельм, который содержал Нормандию в таком порядке, который стоял как стена из обтесанного камня между своей страной и ее врагами, был тем самым Вильгельмом, который, не дрогнув, мог направить войска за Алансонскую стену с приказом сжечь собранный в скирды хлеб и всю утварь аббатства Бек.

Как встретились герцог и аббат и снова стали друзьями, мы уже знаем. Ланфранк восстановил мир с Папой Римским, который взамен получил верноподданство Нормандии. Очень вероятно, что Ланфранк был рад объяснить всю правду и освободить герцога от поддержки такого хрупкого устройства, как хорошая репутация в церковных кругах. В любом случае Вильгельм охотно вносил ежегодную дань папской казне. Он приказал построить аббатство Сен-Этьен в Кане в знак раскаяния и сделал Ланфранка его аббатом. Матильда построила аббатство Ла Тринити (Святой Троицы), в четырех главных городах Нормандии были построены больницы для стариков и больных. Впоследствии были построены и другие церкви, но и эти все еще стоят одна напротив другой, возвышаясь над остроконечными крышами Кана — величественные памятники смелости и фантазии тогдашних строителей. Воображение быстро переносит нас через восемь столетий в те времена, когда их проектировали и возводили. Ансельм, Морили и Ланфранк были учителями и настоятелями великих церквей, и можно преисполниться чувства уважения к молодым герцогу и герцогине, которые смогли собрать и удержать трех таких благочестивых людей, просветителей, возглавивших нормандскую церковь.

У Вильгельма и Матильды родилось четверо сыновей и три дочери, и нет в источниках даже намека на какие-

либо разногласия между герцогом и его женой до тех пор, пока они не смогли прийти к общему мнению по поводу недостойного поведения их старшего сына. Изучая деяния Вильгельма, можно догадаться о добром нраве Матильды. Есть свидетельства ее смирения и мягкости, в то время как ее часто жестоко обижали и она подвергалась испытаниям.

В одном предании говорится о том, что она работала вместе с дамами двора над гобеленом в Байе, прославляющим знаменитые подвиги Вильгельма Завоевателя. Более поздние исследования не подтвердили этого. Но им и не требовалось оставлять о себе память на вытканной вручную материи, чтобы увековечить себя. Они оба оставили после себя картины, которые выполнены в неувядающих красках, а также рукописи, которые будут храниться до тех пор, пока произносятся английские слова, пока весной расцветают в Нормандии деревья, пока текут в моря нормандские реки и горделиво возносятся к небу башни в Кане.

Нельзя не радоваться тому, что множество этих исторических памятников остались нетронутыми. И это при том, что в разное время было в Нормандии пять периодов, когда дух разрушения и иконоборчества вырывался на свободу, удивительно, что старые здания еще существуют. Кроме давних опустошительных набегов самих северян, религиозных войн XVI столетия и Французской революции XVIII, были и другие, может быть, более разрушительные силы, чем войны. Помимо естественного разрушения каменной кладки и дерева, наблюдался рост богатства отдельных монастырских орденов и больших городов, которым ничего не нравилось больше, чем сносить старые строения, чтобы строить большие и зачастую гораздо менее интересные. В наиболее процветающих городах, естественно, строились лучшие церкви, а старые достраивались и часто заменялись новыми. В результате сохранились лишь немногие, представляющие большой исторический интерес. Самым популярным оружием в X

и XI веках был огонь, и первое, что обычно делали осаждающие город норманны, — забрасывали пылающие факелы за городские стены. Снова и снова все сжигалось дотла — дома, церкви — все.

Однако норманны постоянно совершенствовались в искусстве строительства и имели большие преимущества по сравнению с римской архитектурой, которую они застали, прибыв в Невстрию. Их творения имели собственный стиль, и, возможно, уже то, что они не знали декоративных работ, которые начинали преобладать в Италии, давало им свободу при разработке своих простых идей. Вместо того чтобы заниматься декорированием и безвкусными изображениями, они доверились принципам высотности и больших размеров. Их церкви самые красивые в мире, их простота и суровость придают им примечательность, их стройные колонны и высокие арки заставляют нас представлять высокие сосновые леса Севера. Что касается романских арок, то норманны тоже строили их, но другими способами. У них был хороший вкус, что было редкостью в те времена, особенно в этой части Европы. И как ни сильно и эффективно было южное влияние, этот импульс с севера делал благородную работу. В самой Нормандии во времена Вильгельма и Матильды весьма отчетливо созрели и вынашивались замыслы о дальнейшем росте и расширении территорий.

Никто не может сказать, когда идея покорения Англии стала нормандской мечтой. В те дни всегда существовала возможность в какой-то день стать владельцем соседних земель, и со слабым Эдуардом на английском троне, всегда готовым прислушаться к предложениям и требованиям нормандских баронов и любимых советников, должно быть, всегда казалась более простой, не говоря уже о том, что еще проще было предпринять следующий шаг в этом направлении. Переполненный двор и население Нормандии задумывались о пересечении Ла-Манша, имея для этого хорошие предпосылки, а Вильгельм и Эдуард были старыми друзьями и компаньонами. В 1051 году, когда

Нормандия находилась в состоянии мира, а Англия была готова подчиниться новому хозяину, подобно восставшему рабу, проданному другому владельцу, Вильгельм с компанией благородных лордов и джентльменов нанесли туда визит. Все они внимательно наблюдали за состоянием страны и сделали правильные выводы из того, что увидели.

В любом случае, великий герцог совершил эту поездку не ради собственного удовольствия. Это было для него не характерно. Он всегда был слишком занят и у себя дома. Но дела Вильгельма были в хорошем состоянии, а его английский кузен, более чем наполовину норманн, был слабым человеком. Кроме того, у него не было наследника, и со временем английскому трону недоставало бы надлежащего короля. Идея подобного путешествия привлекала преданного поклонника Матильды, помогая ему коротать время ожидания. Не следует забывать о том, что английские законы не оставляли шансов на престол просто наследнику или потому. Ральф Тимид¹ был внуком Эфельреда, но у кого могла бы возникнуть мысль сделать королем его, а не такого человека, как Вильгельм? Несчастный изгнанник принц, находящийся в дальних краях, при венгерском дворе, — в нем не чувствовали потребности, и он не был желанным. Годвин находился в ссылке, Гарольд был в Ирландии; кроме того, по всей вероятности, было стремление к тому, чтобы такое государство, как Нормандия, присоединилось к Англии, которая была бы не ограблена, а одарена таким предложением.

Эдуард был рад встрече с отважным герцогом норманнов. Было что обсудить в прошлом, были также вопросы, касающиеся настоящего. Как хорошо было иметь такого человека, на сильное плечо которого можно опереться. И разве не естественно было стремиться к тому, чтобы и будущее стало более определенным, без лишней суеты и непочтительности? Когда Эдуард встретился с представи-

¹ Timid — застенчивый, робкий. — Прим. ред.

Мон-Сен-Мишель. Подземная часовня

телями церкви, направляемыми нетускнеющими видениями и вооруженными священными реликвиями, более того, когда священнослужители, оказавшись вне своих тихих монастырских убежищ, осознали противоречия и болезни мирского королевства, разве не заманчиво было увидеть на месте Эдуарда воинственного Вильгельма, при котором правительство двух великих королевств, объединившись, лишь наберет силы, ума и будет осуществлять правое дело?

И в то время как Эдуард обдумывал этот план, Вильгельм, будучи норманном, с осторожной дипломатией, присущей его нации, соединив смелость и прямоту старого Рольфа Гангера, вернулся со своими лордами и джентльменами в Нормандию с огромным подарком — он вернулся в Нормандию признанным наследником английского престола, не оставив за собой никого, кто усомнился бы в том, что это чрезвычайно выгодная сделка. Ниспошли, Господи, грома небесные и не позволь несчастному Эдуарду долго страдать! Нужно было много работать, чтобы достойно управлять Англией, а Эдуард не мог справиться с этой задачей. Англичане сами по себе не отличались большим умом и наводили скуку, слишком много ели и пили, обеими руками цепляясь за свои старые представления о государстве и правительстве. Существует притча о зайце и черепахе, заяц был быстроног и потому победил. Победил? Да, и все же со временем черепаха менялась. Она двигалась в правильном направлении и со временем становилась лучше.

Эдуард не имел права сбивать с пути английское королевство. Это было время для выполнения норманнами своих обещаний, что было записано в хрониках. Вся Нормандия верила, что эти обещания будут выполнены, и была готова сражаться за это. Вполне вероятно, что в то время Эдуард был даже рад заключить частное соглашение с герцогом Нормандии. У него тогда были крайне напряженные отношения с Годвином и его семьей и, следовательно, той частью английской знати, которая их поддерживала. На самом

деле множество этих людей находилась в Ирландии вместе с Гарольдом, они повернулись спиной к королю и королевскому двору, становясь все более дружественными с Нормандией и с каждым днем — менее лояльными по отношению к Англии.

Уже на следующий год после триумфального визита Вильгельма Эдуард Исповедник был вынужден изменить курс в штормовом море английской политики. Норманны показали свою линию слишком скоро, и широко распространились неодобрение и гневный протест против возвращения Годвина из ссылки. Герцог Фландрии Болдуин и французский король Генрих ходатайствовали о его прощении, но внезапно Годвин сам приплыл по Темзе в Лондон, и город с готовностью отдал себя в его власть. Затем Эдуард Исповедник согласился урегулировать разногласия; выбора не было, и армия разочарованных и перемещенных иноземцев вновь отправилась в Нормандию. Среди них был и Роберт из Юмьежа. Англо-саксонские хроники мрачно повествуют о том, что при Уолтоне-на-Нейзе «они напали на сумасшедший корабль, и сам архиепископ бросился наутек, оставив свою мантию и весь христианский мир». Его вынудили покинуть место, «поскольку никто другой так не постарался, чтобы вызвать разногласия между Годвином и королем», и власть Годвина вновь стала самой сильной в Англии.

Великий граф прожил после этого всего несколько месяцев, и, когда он умер, его место занял его сын Гарольд. Уже тогда многие англичане увидели в нем будущего короля, личность заметную, смелую, с сердцем, полностью принадлежащим Англии, и, хотя надежды, воплощенные в нем, разбились несколько столетий тому назад, мы не можем не уловить хотя бы малость из тех надежд и духа той эпохи. Уже почти забылось, что этот храбрый лидер, предводитель древних англичан, был обречен пасть перед наступающей новой частью человечества — перед тем приливом, который захлестнет величественные источники английской расы и ее истории. Между тем норманн Виль-

гельм был занят делами дома. Прежней враждебности между Нормандией и Фландрией, которая началась после убийства Вильгельма Лонгсворда, пришел конец по причине женитьбы герцога. Матильда, благородная фламандская леди, чья родословная восходила к королю Англии Альфреду, принесла мир и дружбу, так же как и богатое приданое, и страху перед внезапной враждебностью пришел конец.

Благодаря союзам с королями Франции нормандские герцоги добились высокого положения, а французские короли были обязаны нормандским герцогам стабильностью и устойчивостью трона. Они сражались друг за друга и поддерживали друг друга вновь и вновь. Теперь же в их отношениях появилась трещина, которая постепенно расширялась, возникнув из зависти и страха перед богатством норманнов, ростом их могущества. Они были хозяевами Бретани и, более того, имели тесные взаимоотношения с Фландрией и небольшим графством Понтиви, которое лежало между ними и фламандцами. Нормандия занимала территорию между Францией и морем, хозяйничала на французских реках и французских границах. Ее следовало сильно опасаться: если ее гордость и могла быть ущемлена с восстановлением старой вассальной зависимости, то не слишком скоро. Генрих забыл все, чем был обязан нормандцам, и провоцировал их непрерывающимися враждебными действиями, тайным и явным предательством. И лиса повела войну против льва, пока дух враждебности не укоренился настолько, что понадобилось пять столетий, чтобы хоть как-то уменьшить его.

Были и другие принцы, которые опасались Вильгельма и завидовали ему. Земли заговорщиков раскинулись от Бургундии до Пиренеев. Бургундия, Блуа, Понтиви, Аквитания — все объединились в преследовании Вильгельма Незаконнорожденного, главаря ненавистных пиратов. Припомнились все насмешки и колкости, надменная враждебность, пришло время положить конец возмутительной жад-

ности норманнов к власти и богатству. Была собрана огромная союзническая армия, которая, разделившись на две части, двинулась в Нормандию.

Брат короля Генриха Одо направил свою армию на Руан, а король выбрал южное направление, вдоль реки Лис по направлению к морю. В любом случае они планировали загнать герцога в его прежние датские владения — Котантен и Бессин. Все его восточные земли, доставшиеся по наследству от Карла Простоватого, как и все остальное, должны были после захвата возвратиться к первоначальным владельцам.

Со времен битвы при Вал-и-Дюне ситуация изменилась. Сейчас уже не было деления среди нормандских лордов, и, как только весть о необходимости вооружиться против Франции, достигнув одного феодального военачальника, передавалась другому, сразу же начинался активный сбор лошадей и солдат. Французский король решил наказать их и вел себя так, будто имел право забрать назад дары, пожалованные, хоть и не по своей воле, Карлом Простоватым. Нормандия не принадлежит Генриху, она наша, — таков был гневный ответ норманнов. Ральф из Тессона, солдаты Фалеза, лорд Мортен, воины Бессина и бароны Котантена были готовы плечом к плечу сражаться на поле битвы. В Нормандии на самом деле произошли изменения: по всей стране поносили Генриха за предательство и за то, что он оказался ненадежным союзником и господином. Люди видели, что Вильгельм — человек, чьи интересы совпадают с их интересами, что он стоит за них и за славу Нормандии, и они еще не забыли битву при Вал-и-Дюне и свои горькие ошибки.

Королевские войска прибыли в страну со стороны приграничного города Омаль, круша все подряд с изобретательностью завоевателей. Те, кому удалось спастись, говорили, что французы даже хуже сарацин. Они крайне жестоко обращались или сразу безжалостно убивали стариков, женщин и детей, мужчин забирали в плен, церкви и дома сжигали или разрушали до основания. В то время

был город Мортемер, которому не повезло, ибо его выбрали в качестве французского штаба, поскольку он прекрасно подходил для поставок продовольствия и для ночлега. От него не осталось ничего, кроме руин древней башни и нескольких домов. Здесь проходили пиршества и попойки, как будто бы Нормандия уже пала. Ежедневно совершались набеги на соседние районы, захватывались пленные и грабилось добро. А агенты Вильгельма тайно проникали в Мортемер и, возвращаясь домой, докладывали герцогу полную обстановку: в городе собрана огромная армия, которую невозможно застать врасплох. И все-таки было принято решение нанести удар по врагу, и однажды ночью герцог и его капитаны, совершив бросок, до рассвета достигли Мортемера.

Любимым оружием внуков пиратов были горящие головни. Армия Вильгельма пронеслась по городу, когда враги, одуревшие от обжорства и пьянства или измотанные совершенными накануне набегами, еще спали. Просыпаясь, они обнаруживали, что их дома в огне, трещат от жара крыши; ослепительный свет сводил с ума, сея хаос. Повсюду в клубах дыма разносились вопли обреченных. Норманны, не дрогнув, убивали, жгли, загоняли врага обратно в горящие дома, выставив крепких часовых по сторонам улиц. Французы отчаянно сопротивлялись: с раннего утра до вечера продолжалась яростная сеча, и к ночи большинство захватчиков были разрублены на куски. Убитые лежали рядами вдоль улиц, и их тела валялись повсюду на прилегающих к городу полях. «Пощадили только тех, кто мог заплатить огромный выкуп. Многие нормандские воины, вплоть до самых низших по званию, увели с собой французских пленников, многие двух-трех великолепных боевых коней с богатой сбруей. Во всей Нормандии не осталось ни одной тюрьмы, которая не была бы заполнена французами»¹. И все это — практически без потерь для норманнов — так говорят хроники. В тот же ве-

¹ Фримен. «Завоевание Англии норманнами».

чер новость дошла до Вильгельма, и он горячо благодарил Бога за это. Похоже, только бог войны мог быть близким и желанным властелином для этого солдата — лорда Нормандии.

Победителю еще предстояло встретиться с другим врагом. Еще оставалась королевская команда, которую надлежало покорить. И это, похоже, можно было сделать без резни. Наступила ночь, и Вильгельм уговорил Ральфа Тоснийского, сына того самого Роджера, который стремился получить испанское королевство и был его врагом в свое время сообщить французам нерадостную для них новость. Лагерь обоих полководцев находились не очень далеко друг от друга, и было еще темно, когда Ральф прибыл на место. В темноте он подобрался к шатру, где отдыхал король, и с первыми лучами света в шатер ворвалось: «Проснись, проснись ты, француз! Ты спишь слишком долго, иди хоронить своих друзей, которые лежат мертвые в Мортемере». И никем не замеченный ускользнул прочь, пока перепуганный король и его свита обсуждали ужасное известие, которое вскоре подтвердилось.

Все войско охватила паника: теперь уже было не до Руана или других нормандских городов. Скорее в Париж! И король спешно двинулся в обратный путь. Их никто не преследовал, и скоро он и его графы были уже дома, в безопасности размышляя о неудавшейся кампании. Мастерство не так благородно, как мужество, но оно много раз служило норманнам, и это была славная победа Вильгельма: хотя не было пролито ни капли крови, король был изгнан из страны. Норманны любили повеселиться; можно представить себе, как они рассказывали о том, как в пух и прах разнесли половину вражеской армии, отделавшись царапинами, и обратили вторую половину войска в бегство звуком мрачного голоса Ральфа Тоснийского в ночи. После этого все еще случались стычки вдоль границ, но уже не было легионов французских графов; для защиты от посягательств королевской крепости в Тилье был построен замок, его командующим был назначен

Вильгельм Фитц-Осберн. В графстве Мен была организована операция против южного замка в Амбрене при поддержке Жоффре Мартелла и в некотором смысле нежелательного принца Бретани. Однако когда Вильгельм поспешил на помощь, то осаждавшие обратились в бегство, за исключением лорда Мена, который был схвачен, брошен в тюрьму и находился там до тех пор, пока не признал себя вассалом герцога.

После этого в Нормандии прошло три мирных года. Страна окрепла, и в ней был наведен порядок. Знаменитый вечерний звон Вильгельма¹ оказался весьма эффективной политической мерой: в зимнее время в восемь часов вечера в каждом доме гасили огни (летом — после захода солнца), и люди должны были находиться в своем жилище под угрозой страшного наказания. Он был строгим, но в основном справедливым правителем, этот сын не признававшего законы Роберта. Он поддерживал бедных землевладельцев и вдов, и его в одно и то же время боялись и уважали. В те годы он уделял много внимания церкви, и в силу личной неприязни сместил с поста архиепископа герцогства своего дядю Могера.

Была еще одна битва, которую по значению можно сравнить с двумя другими знаменитыми сражениями — при Вал-и-Дюне и Гастингсе. Это битва при Варавилле против французского короля и его ангулемского союзника, которые вбили в свои глупые головы, что могут безнаказанно совершить набег на владения герцога.

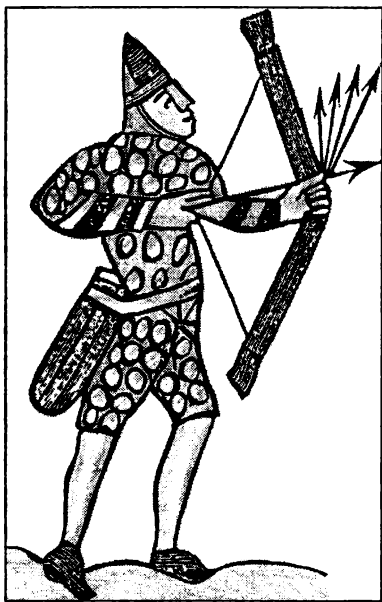
Они разграбили Байе и Кан так же, как и окружающие территории, и собирались совершить рейд к морю, чтобы показать Незаконнорожденному, что тот не может запереть их на своей территории и трясти перед ними ключом. Вильгельм наблюдал за ними, как кот за мышью, позволив событиям идти своим чередом. У него хватило терпения смотреть, как захватчики грабят и сжигают урожай, он позволил им жить в своих городах, а королю держать

Сигнал для гашения света (ист.). — Прим. перев.

временный двор в прекрасном новом аббатстве в Бессине, пока каждый вражеский солдат не начал думать, что испугался мыши и что все норманны — трусы. Затем последовал стремительный яростный выпад, и когтистая «лапа» нанесла мощный удар. Нет печальнее рассказа о войне, чем эта битва при Варавилле!

Французы, нагруженные награбленным добром, намеревались вброд пересечь реку Див. Со стороны Варавилля были болота, а за рекой, неподалеку, тянулись холмы, от берега реки Див до богатого Лиса. Французы, намереваясь начать очередное предприятие, направились в Лис. Этого момента и ждал Вильгельм: часть армии под командованием короля пересекла реку и начала подъем. Арьергард, тяжело нагруженный добром, был уже на другой стороне реки, когда произошла прискорбная неожиданность. Вильгельм с отрядом наскоро обученных войск выдвинулся со стороны Фалеза; он собрал в свою армию крестьян со всей округи, вооруженных чем попало. И они были полностью готовы напасть на французов.

Атака была подобна стремительному разрушительному приливу, и французы не могли исправить свою ужасную ошибку. Их армия была разделена на две части. Король в отчаянии наблюдал с вершины, на которую так необдуманно забрался, как смертельный шквал нормандских стрел обрушился на его армию. Острые наконечники сыпались сверху, несчастные французы сгрудились на обрывистом бе-

Норманнский лучник

регу, где не было никакого укрытия. Лучники стреляли в них, крестьяне добивали их цепами и косами, они падали в стремительный поток, корчась в муках, и река уносила их прочь. Ни одного человека не осталось в живых в разделенных французских войсках, и у норманнов хватило людей, которые хорошо ориентировались в болотистых местах, для того чтобы преследовать и ловить тех, кто пытался спастись бегством.

Бедная Золотая лилия Франции! Так она сгнула в трясине на берегах реки при Варавилле. Это была скорее резня, чем битва, и дух Генриха был сломлен. В одной из хроник говорится: «С тяжелым сердцем, он никогда больше не брался за копьё или щит». Во времена его правления экспедиций против Нормандии больше не предпринимали, он попросил перемирия и отдал взамен замок в Тилье. Таким образом, крепость вновь вернулась к своим полноправным хозяевам. Через два года Генрих умер, будучи старым человеком, и можно вполне уверенно сказать, что и разочарованным. Жоффри Мартелл также умер. Это случилось в 1060 году, когда король Англии Гарольд впервые посетил Нормандию, — это был достаточно неудачный визит, как показало время. Его целью частично было оценить политическую ситуацию в Галлии, но если он стремился привлечь на свою сторону соседей герцога, как полагали некоторые, то не мог выбрать более неподходящее время. Если он желал добиться поддержки, если в будущем Вильгельм проявит себя врагом Англии, то явно опоздал: те, кто, наиболее вероятно, могли бы его послушать, были уже вне досягаемости людских интриг, и их смерть способствовала росту могущества Вильгельма, а не оспаривала его.

Записи о встрече великого графа с нормандским герцогом во время этого его первого путешествия до нас не дошли. Если бы у нас были более подробные сведения, можно было бы прояснить многие вопросы. Некоторые исследователи полагают, что именно во время этого визита Гарольда обманым путем заставили дать клятву о под-

держке притязаний Вильгельма на английскую корону, однако почти все хроники касаются лишь религиозного характера экспедиции. Гарольд последовал примеру короля Кнуда и совершил паломничество в Рим, откуда привез различные сокровища для своего аббатства в Уолтхеме, самого лучшего религиозного дома графства. Нет сомнения: его образ искажен монастырскими писателями, которые старались создать о нем неверное представление. Это объясняется тем, что он игнорировал их притязания в той же пропорции, в какой поддерживал их мирских собратьев, для которых, собственно, и предназначалось аббатство. Монах, удалившийся от мирских забот ради духовной жизни, становился священником, обучал братьев и молился вместе с ними. Рассказывают, что Гарольд не имел предубеждений даже против женатого священника, а это считалось ересью и предательством многими представителями церковной братии.

XIII ГАРОЛЬД-АНГЛИЧАНИН

*Слабо вздрогнуло сердце Англии и часто забилося
под твоими властными словами.*

Витьер

Прервем ненадолго повествование и посмотрим, каковы действительные причины и результаты войн. С этой точки зрения наиболее вероятным представляется существование в обществе определенных сил, способных заявить о себе, только опережая в развитии, превосходя численно, побеждая в бою своих соперников. Война — это конфликт набирающих силу и жизнеспособных идей и идей отживших и готовых отмереть. Люди постигая истину, яснее осознают проблемы, стоящие перед человечеством, сам по себе прогресс становится возможным с большей степенью свободы отдельной личности или нации только путем безжалостного отбрасывания отживших мнений. Лишь путем новых комбинаций рас, нового ут-

верждения старых, непокоренных сил королевство приобретает или, скорее, демонстрирует силу. Когда люди заявляют, что человечество может двигаться лишь по кругу, что мир потерял многое, а опыт человечества подобен смене сезонов и существует лишь воспроизводство, не развитие, то следует внимательнее присмотреться к тому, как (путем комбинаций, стимулирующих примеров, силы духа и божественных великих целей) весь мир каждый год приближается к своему высшему уровню, достигая каких-либо благоприятных целей. Войны могут оказаться запоздалыми, однако во время нанесения удара, несомненно, могут поднять целые нации на более высокий уровень, либо готовя к новому росту, либо смешивая новое со старым. Генералы армий точно так же, как гражданские служащие, следующие за войском, являются следствием великих перемен, а не их причиной. И никогда не велось войны, которая не была бы свидетельством того, что один элемент в ней перерос другой и вынужден проявить себя. Первое следствие войны случайно и временно, вторичное воздействие является связующим звеном в длинной цепи духовного образования и развития мира.

Путаясь в замысловатых переплетениях рассказов о взаимоотношениях Гарольда и Вильгельма с их обещаниями, клятвами и пониманием позиций друг друга в отношении трона Англии, попытаемся добраться до сути. Безусловно, Вильгельм знал, что Гарольд надеялся сменить на троне Эдуарда Исповедника. В каком-то смысле никто так не подходил для этого, как он, — никто не знал и не любил Англию больше, чем он, и не беспокоился так о ее благосостоянии. Он сражался за нее, будучи сыном своего отца, и взоры многих англичан с юга повернулись бы в его сторону, если бы вопрос о преемнике публично обсуждался в Витенагемоте¹. Его наверняка пытались опорочить, и у него дол-

¹ Витенагемот — совет старейшин при короле. — *Прим. пер.*

жны были быть завистники, однако нет сомнения, что он был выдающимся человеком в Англии и имел право на признание соотечественников. Королевство передавалось не по наследству, у Эдуарда не было наследников. Эдуард доверял Гарольду. Возможно, он намекнул, что собирается рекомендовать мудрого графа в качестве преемника, хотя то же самое он обещал Вильгельму, когда Гарольд находился в изгнании, а двор Годвина заканчивал срок бесчестия и ссылки.

Похоже, Эдуарду пришлось пережить промежуточный период недоверия со стороны обоих выдающихся кандидатов на престол. Однако англичане хранили память об Эдуарде Айронсайде, и из Венгрии для вступления на престол вызвали Эдуарда Аутло, изгнанника и законного наследника. Было много веселья, и некоторое время жена принца и его прелестные дети, сын и две дочери, были всеобщими любимцами, вызвав вспышку лояльности, которая слишком скоро угасла. Увы! Несчастный Эдуард вернулся из своего длительного изгнания лишь затем, чтобы вскоре тяжело заболеть и умереть в Лондоне, и вновь умом короля Эдуарда Исповедника завладели мысли о сомнительном будущем своего королевства.

С другой стороны, если довериться нормандским источникам, которые не всегда оставались не подтвержденными английскими историками, то следует учитывать не только возражения, но и поддержку притязаний Гарольда. Эдуард, похоже, больше склонялся к кандидатуре нормандского кузена, который один, казалось, был в состоянии управлять Англией достойно, держа в руках ее завистников. Великие английские графы были фактически королями в своих провинциях, которым не доставало согласия; вдоль границ в определенных районах были нередки вспышки враждебности, и существовали глубокие противоречия между датчанами графства Нортамберленд и южанами. Датчане с материка сами мечтали вернуть королевство, которое принадлежало их великому правителю Кнуду, — существовала вероятность гражданской войны

или иностранного вторжения, а это требовало сильной руки. Желание Гарольда стать королем противоречило английским традициям. Он не принадлежал к королевскому роду, был лишь одним из английских графов и в определенном смысле имел на корону не больше прав, чем остальные. Леофрик и Сивард считали его человеком, вмешивающимся не в свои дела, не имеющим права стоять над ними. Один историк пишет: «Внуки Леофрика, который правил половиной Англии, вряд ли подчинились бы власти равного. Никто, если он не принадлежал к древнему королевскому роду, никогда не мог занять англосаксонский трон».

Гай, граф Понтиви

И в заключение рассказа об этом неудачливом «последнем из саксонских королей», следует упомянуть о тех ужасных обременительных для Англии последствиях, неизбежных, если бы Гарольд вышел победителем, а не побежденным в битве при Гастингсе. Слабость Англии была в недостатке единства и в существующей системе местного самоуправления.

Существует два или три правдоподобных рассказа о цели поездки Гарольда в Нормандию. Иногда невозможно проследить этот период истории ни в английских, ни в нормандских хрониках, когда трудно найти даже упоминание об одних и тех же событиях. Каждый историк имеет такие разные доказательства и конечные цели, что только после тщательного изучения и всевозможных догадок можно дать более или менее достоверный отчет о втором визите Гарольда и его последствиях. Какое-то время можно прислушиваться к рассказу о том, что Гарольда послал Эдуард, чтобы объявить: английская корона будет отдана нормандскому герцогу в соответствии с рекомендациями; или удивляться невероятному рассказу о том, что сын Годвина, Вульфнот, и его внук Хакон все еще удерживались Вильгельмом в качестве заложников, хотя задолго до этого семья Годвина была официально восстановлена в правах и наделена владениями. Предполагается, что Гарольд отправился требовать их освобождения, хотя Эдуард мрачно предупредил его об угрожающих опасностях и предательстве.

Наиболее вероятным объяснением является следующее: Гарольд отправился в увеселительную прогулку с кем-то из членов семьи или во Фландрию, или куда-то еще в своей стране, но корабль потерпел кораблекрушение и был прибит к берегу в районе Понтиви. Все сходится к этому, хотя мы точно не знаем, куда он конкретно направлялся и какими были его тайные цели.

В те дни кораблекрушения были обычным явлением, и чем известнее был спасенный человек, тем больший требовался выкуп. Если вспомнить, что многие из тех грубых обы-

чаев при кораблекрушениях сохранялись вплоть до недавнего времени в Англии, трудно рассчитывать на милосердие субъектов вроде графа Понтиви. Странно было бы увидеть мягкость, проявленную этим мелким тираном. Гарольд был брошен в тюрьму и много страдал, прежде чем герцог Нормандии получил его послание и пришел к нему на выручку.

А сейчас представим Вильгельма Завоевателя, сидящего во дворце в Руане и занятого делами церкви и государства. Он возмужал, на его лице печать размышлений и заботы, чего не было тогда, когда он посещал Англию. Его волосы поредели из-за частого ношения шлема, а его откровенный учтивый взгляд, который был присущ ему в молодости, уступил место колючему и настойчивому, хотя он готов улыбаться, когда того требуют обстоятельства. В то же время это человек, который еще мог мягко обращаться со знатью, и шутка была его оружием и инструментом, если только не бессознательной привычкой. «Более велик по виду, чем по духу», — говорит один историк, который пишет об этом периоде его карьеры с английской точки зрения. Нормандский джентльмен жил в те дни роскошно, был достойным преемником римского патриция времен расцвета империи, он еще не ослабел и простота или экстравагантность не унижали его, хотя мы с изумлением узнаем о том, что доблестные преемники Рольфа Гангера очень зависели от горячих ванн и погружение в холодную воду было для них достаточно серьезным наказанием.

Но мы забыли представить великого герцога норманнов, когда он сидит в своих королевских палатах и слушает посланца пленного графа западных саксов. Это был момент огромного значения, поскольку с помощью ветра и волн Гарольд попал под его власть. Сейчас он должен был действовать осторожно и использовать талант стратега и искусство интриг наилучшим образом. С каким интересом, должно быть, свидетели этого события наблюдали за его лицом и ждали ответа. Посланник с мольбой в голосе рас-

сказывает об ужасном положении Гарольда, описывая голод, мучения и саму смерть, которой граф смотрел в лицо, пытаясь вырваться от жестокого графа Понтиви, удерживающего великого англичанина в темнице как простого грабителя. Возможно, он хочет получить большой выкуп или действует, коварно игнорируя дружбу хозяина Нормандии с Англией.

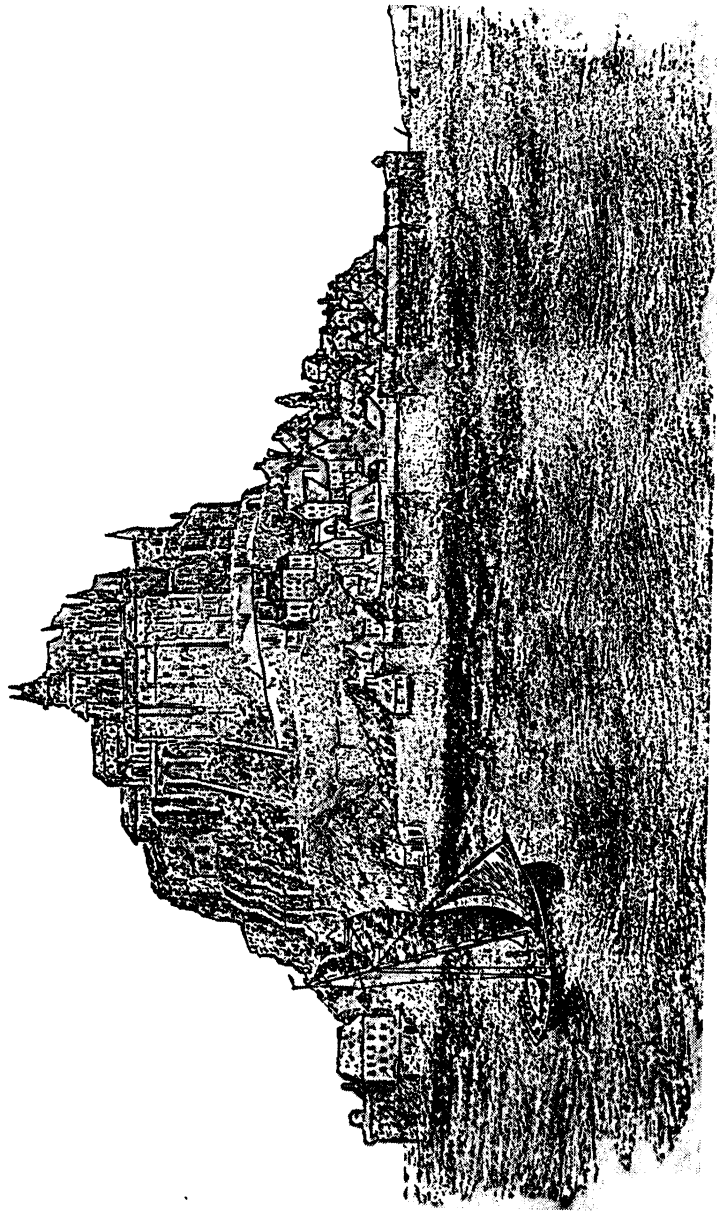
Выслушав, Вильгельм с суровой учтивостью отвечает. Он говорит, что глубоко расстроен, узнав о несчастьях графа. Но он может поступать в этом вопросе лишь как принц с принцем. Это верно, что Гай из Понтиви является его человеком и вассалом. Но верно и то, что Гай управляет побережьем и устанавливает собственные законы. Потребуется большие средства, чтобы выкупить благородного узника, но дело должно быть улажено осторожно, поскольку Гай очень вспыльчив. Его можно легко спровоцировать, и он пришлет в Руан голову Гарольда без тела. Тем не менее он готов отдать половину богатств нормандского герцогства, если необходимо решить такой вопрос, как освобождение английского графа.

Фитц-Осберн, сенешаль¹ герцога, Малет де Гравилль и благородные джентльмены, присутствующие в палате, высказывают одобрение, когда посланец почтительно удаляется. Они уже почувствовали интригу, в духе лучших нормандских традиций, и по лицу Вильгельма видят, что он неожиданно получил желаемый контроль над событиями.

Гарольд был освобожден после продолжительных маневров, необходимых или притворных, и, когда он предстал перед Вильгельмом, это был благодарный человек, который был перед ним в долгу за свое освобождение от опасностей и неудобства и долг этот измеряется огромной суммой денег и ценными земельными угодьями.

Невозможно сегодня подозревать, что Гай из Понтиви и Вильгельм были в сговоре друг с другом. Когда был запла-

¹ Сенешаль — главный управляющий королевским дворцом во франкском государстве. — *Прим. ред.*

Мон-Сен-Мишель

чен выкуп, потерпевший кораблекрушение граф стал очень дружелюбен и даже настоял на том, чтобы проехаться с веселой компанией рыцарей к месту, куда прибыл в сопровождении великолепной свиты нормандский герцог встретить своего выдающегося гостя. Вильгельм на время отложил в сторону обременительные формальности дворцового этикета и поспешил к воротам замка, чтобы помочь Гарольду спешиться. Он приветствовал его с сердечной теплотой, как друг. Гарольд был ослеплен великолепием, с которым его принимали при самом могущественном в этой части света дворе. Добившись по крайней мере временного признания своих силы и прав, Вильгельм вправе был рассчитывать, что если Гарольд станет королем, то не забудет об этом. Несомненно, во время этого неудачного для Гарольда посещения Нормандии его везде выставляли как компаньона великого герцога, его почетного друга и гостя. В любом случае визит Гарольда дал двору занятие, и можно подметить много интересных проявлений жизни знатных норманнов, так же как и примитивные, почти на уровне животных, условия жизни низших классов, страдающих под бременем правления Вильгельма. Следует признать, что суровость законов предотвращала большие беспорядки, которые в другие времена царили в низших слоях общества: у людей было меньше сил и возможностей причинить вред друг другу или государству.

Никакая другая удача, выпавшая на долю герцога в то время, не могла сравниться по значимости с этой, — быть благодетелем Гарольда, и он галантно играл эту роль. Не только герцог, но и герцогиня обращались с гостем с необыкновенной любезностью, и он мог непосредственно знакомиться с жизнью двора. Если бы Гарольду хватило мудрости, он помчался бы обратно в Англию, подняв все паруса. Однако вместо этого он оттягивал момент отбытия, в равной степени готовый восхищаться подвигами норманнов на поле боя и при дворе и показывать своим гостеприимным хозяевам, чего может стоить английская доблесть. Он принял участие на стороне герцога в какой-

то незначительной экспедиции против мятежных бретонцев, однако составить какое-либо представление об этом предприятии весьма трудно. До нас дошло только предание о необыкновенной силе Гарольда: когда нормандская армия пересекала глубоководную реку Коснон, впадающую в море у стен Мон-Сен-Мишеля, некоторых солдат смыло волной, и Гарольд спасал их без всякого напряжения, просто вытягивая их своими длинными руками из воды.

В одной из старых хроник есть сдержанное сообщение о том, что земли Бретани были пожалованы Карлом Простоватым Рольфу, поскольку Рольф настолько опустошил Нормандию, что там с трудом можно было найти место для проживания. Во времена экспедиции Вильгельма Бретань, без сомнения, переживала период энергичного удаления всего живого с ее плодородных холмов и долин. Ничто не нравилось бретонцам больше, чем война, и когда они не объединялись против какого-нибудь иноземного врага, то проводили время, грабя и убивая друг друга. Граф Конан, теперешний агрессор, был сыном графа Бре-

Древние дома в Доле

тани Алана, опекуна Вильгельма. Некоторые из бретонцев лояльно относились к нормандскому господству. Печально известный древний город Дол, так же как и Динан, один за другим были оставлены мятежниками. Динан был уничтожен огнем, любимым оружием норманнов, однако позже мы обнаруживаем, что оба города остались бретонскими, а союзники норманнов вернулись в свою страну. Где-то в хрониках вскользь говорится о появлении армии из Анжу, которая должна была выступить на стороне бретонцев, однако нормандские хроникеры об этом ничего не рассказывают.

Невозможно точно установить дату этой кампании, вполне вероятно, что против Бретани проводилась не одна экспедиция. Еще труднее узнать что-нибудь бесспорное о знаменитой клятве, которую Гарольд дал Вильгельму и за нарушение которой он был так сурово наказан впоследствии. Тем не менее, хотя мы и не знаем конкретно, что это была за клятва, самые упорные сторонники Гарольда никогда не отвергали факт принесения клятвы, и с английской стороны также нет противоречий по этому поводу. Лучшие друзья Гарольда обходили эту тему молчанием. Если прислушаться к нормандским версиям, то наиболее популярным объяснением было следующее: Гарольд заключил помолвку с одной из дочерей Вильгельма, которая наверняка была слишком юна во время его посещения (или посещения) Нормандии, и некоторые писатели заявляют, что причина ссоры объясняется его отказом сдерживать обещание.

Существует также список, по прочтении которого уступки в отношении английского графа кажутся маловероятными. Гарольд, оказав почести герцогу, формально стал его человеком. Он даже признал его притязания на трон Англии после смерти Эдуарда Исповедника. Более того, он обещал блюсти интересы Вильгельма в Англии, немедленно отдать ему во владение замок в Дувре с правом организации там нормандского гарнизона. Вильгельм в свою очередь согласился оказывать своему новому вассалу боль-

шой почет, постепенно отдавая половину своего будущего королевства. Когда была дана эта удивительная клятва, Гарольда спровоцировали поклясться на мощах нормандских святых, которые хранились в сундуке и использовались в особых случаях. Учитывая предрассудки и благоговейный страх, который люди того времени испытывали к подобным символам, этот не самый благовидный поступок со стороны Вильгельма был совершен, чтобы выбить Гарольда из колеи. Г-н Вэйс пишет: «Его била мелкая дрожь, когда он дотронулся до сундука, хотя он и не знал, что в нем находилось. И какие мучения он испытал, когда понял, каким ужасным обетом неволью связал свою душу!»

Таким образом, Гарольд вернулся в Англию вассалом герцога и его будущим зятем — так говорится в хрониках. Однако стоит задуматься, так ли это, особенно после того как выяснилось, каким образом Гарольд стал должником герцога, с каким коварством был связан сетями, когда он еще был в неволе. Вильгельм из Пуатье, хроникер, писавший во времена Завоевателя, повествует о том, что Гарольд был человеком, для которого неволя была отвратительнее, чем кораблекрушение. Нет ничего удивительного в том, что он, став частью стратегии, был готов дать любые обещания, чтобы добиться освобождения.

Заговор с клятвой над реликвиями придает делу другую окраску, и все же, даже если бы Гарольд был на какое-то время ослеплен властью и великолепием Вильгельма, можно сомневаться, оставил ли бы он свои амбиции править Англией. Он уже был достаточно значительной фигурой дома, чтобы играть роль подданного и льстеца, даже если его хозяином был могущественный герцог норманнов и он прибыл из отсталой страны к прелестям и изысканности нормандского двора. Какова бы ни была клятва, данная Гарольдом в Байе, вполне определенно, что впоследствии он нарушил ее, а его враги использовали эту ошибку в интересах не только государства, но и церкви. Это привело к жестокой схватке, ставшей для Гарольда трагической.

Теперь нормандские рыцари были убеждены в том, что их доспехи прочны, а нормандские солдаты — что у них достаточно хороших стрел и луков. Вероятно, данные Гарольдом обещания были тайной и слухи о них переходили из одного уголка герцогства в другой. Во время длительных пеших походов и по ночам при свете костров живо обсуждались возможные кампании, поскольку, хотя великий герцог Вильгельм, будучи их солдатом, направил свою неудержимую силу через Ла-Манш и получил такого ценного союзника, было маловероятно, что Англия упадет в его руки, как созревшее яблоко с ветки. Крепла уверенность в том, что предстоят сражения, однако было за что сражаться. Мелкие вылазки против соседей Нормандии едва ли стоили внимания ее армии. Люди, подобные солдатам герцога, были способны на что-то большее, чем на такие действия по наведению порядка. Кроме того, не было забыто раздражение тех вытолкнутых из Англии Годвином и его сторонниками джентльменов, которые не хотели упустить шанс рассчитаться за старые обиды.

Прошло несколько месяцев, и из Англии пришло известие, что благочестивый король Эдуард вскоре собирается покинуть этот мир. Он уже прославился как чудотворец и провидец. Благоговейным шепотом рассказывали о том, как он отдал свой перстень нищему, который появился перед ним, прося подавание, посреди толпы, собравшейся при освящении церкви. Нищий исчез, но в ту же ночь несколько английских паломников по пути в Иерусалим оказались без укрытия, в опасности вблизи Святого города. Вдруг из пустоты возникла группа псаломщиков, несущих две свечи перед старцем, как если бы он был послан с миссией церкви. Он остановился, чтобы спросить пилигримов, откуда они пришли и куда направляются. Затем он привел их в город, в пристанище, а на следующее утро сказал, что он святой Иоанн Евангелист. Более того, он дал им кольцо Эдуарда Исповедника с наказом отнести его обратно в Англию. Через шесть месяцев Эдуард будет допущен в рай в награду за свою чистую и бла-

гочестивую жизнь. Чудесным образом послание было доставлено королю той же ночью, и с тех пор он молится и постится больше чем когда-либо, поторапливая строителей великого Вестминстерского аббатства, с тем чтобы перед смертью увидеть этот священный памятник своего служения Богу.

Можно представить, что нормандские лорды и джентльмены, слушая этот рассказ, крестились и молились за святого короля. Однако в следующую минуту можно представить также, что они начинали переглядываться (что можно истолковать как нетерпеливое ожидание того, что может последовать за уходом Эдуарда).

Дважды в год, на Пасху и на Рождество, английский король надевал корону и проводил собрание знати в Витенагемоте. В тот год собрание старейшин проводилось при королевском дворе в Вестминстере, а не в Глоусестере, с тем чтобы освятить церковь святого Петра, новый храм, к которому внимание Эдуарда Исповедника было приковано больше, чем к управлению своим королевством.

Однако в те торжественные дни, которых он ждал так долго, силы быстро покидали его, и потому королева Эдит, дочь Годвина, вынуждена была занять его место на церемониях. В описаниях этого дня немало сведений о величественном здании, воздвигнутом набожным Эдуардом. На многие годы он предоставил этому храму десятую часть своих доходов. С гордостью вспоминая о нормандских церквях, которые он видел в молодые годы, он сделал Вестминстер их достойным соперником, лучшей церковью Англии. В самом начале нового года (старейшины Совета еще не успели разъехаться по домам) тело Эдуарда Исповедника, последнего сына Водена, понесли к его последнему прибежищу. Он правил в течение двадцати трех лет и к тому времени был уже дряхлым стариком.

Теперь, на исходе осени,
Когда дуют зимние ветры,
В свои последние деньки,
Он собрал тлеющие угольки жизни.

Пока он умирал в своем королевском дворце в Вестминстере, все беспокоились не столько о короле, сколько о неопределенности будущего страны. Гарольд был как бы помощником короля в течение нескольких лет и взял на себя многие практические обязанности правительства. Он многое сделал в борьбе с валлийцами и был лучшим командующим и воином, чем когда-либо Эдуард. Ни у кого уже не было надежды на выздоровление Эдуарда Исповедника, и в любой момент нация могла оказаться без короля. Молодой сын Афелинга был слабым и некомпетентным человеком, к тому же иностранцем. И только неисправимые романтики могли мечтать о том, чтобы он стал хозяином Англии. Ходили тысячи слухов, у каждого были свое мнение и предубеждение, и наконец все с облегчением вздохнули, когда пришла весть о том, что святой король умер во дворце, назначив преемником Гарольда. Народ охотно поддержал такое назначение: теперь, когда Эдуард умер, он стал по-настоящему святым. В тот же день в соборе на острове Торни состоялись похороны и коронация, последняя воля короля была законом для народа.

Свершилось. Люди прекратили шептаться по углам, что Гарольд является человеком нормандского герцога и может вновь продать Англию в руки тех алчных фаворитов, которых святой король в свое время пригласил на груди, как змей. Не было опасности для Гарольда среди графов, была радость от того, что великий шаг к преемственности сделан и утвержден Советом старейшин. Однако собрание затягивалось, и никто не подозревал, что в конце этих знаменательных дней оно будет распущено уже другим королем Англии.

В свои последние часы король сделал пророчество (у него были видения и вещие сны). Он сказал, что великие беды постигнут Англию за грехи и что ее графы, епископы и аббаты были не кем другим, как слугами дьявола в глазах Бога, что в течение года и одного дня вся земля от края до края опустеет от огня и меча. Почти сразу после этого

он поручил своих нормандских друзей заботам Гарольда, явно не подозревая эту силу в будущих набегах. Справедливости ради следует отметить, что некоторые знатные норманны были верны ему и Англии. Эта сцена у ложа умирающего печальна и торжественна. Там были Норманн Роберт Сталлер, незаконный архиепископ Стиганд, надежда Англии Гарольд и его сестра-королева, которая сейчас в трауре и очень беспокоится о своем царственном муже, доставлявшем ей столько горя холодным отношением, ссылкой и отчужденностью, заставляя ее страдать. Сейчас он ее любит и доверяет ей в этот последний день своей жизни, и ее женское сердце смягчается. Он даже поручает ее заботам Гарольда и дает напутствие, чтобы она не теряла королевского достоинства.

В одной из хроник говорится, что Эдуард, умирая, изрек, что переходит от земли смерти к земле жизни, и хроника добавляет: «Святой Петр, его друг, открыл перед ним врата рая, а его любимый святой Иоанн провел его к Божественному Величеству». Стены, возведенные Эдуардом, сменились другими, не многое от прежнего аббатства дошло до настоящего времени, однако сохранились часть фундамента и одна-две арки. Его могила находится в священном месте, и до сих пор в его Вестминстере, месте захоронения многих королей со времен Завоевателя, читают молитвы и поют гимны, которые он любил.

XIV НОВОСТИ ИЗ АНГЛИИ

*У великих людей длинные руки.
Шекспир*

Итак, Гарольд стал королем Англии. Как же отнеслись к этому норманны? Пока Лондон воздает почести старому королю, надеясь на нового и опасаясь враждебности графа Тостига, а старейшины совета разъезжаются по домам, и волнующие новости разносятся по стране, на время покинем Англию и перенесемся в Нормандию.

HIC PORTATUR: CORPVS
EADWARDI: REGIS: AD: ECCLESIAM: STI.
PETRI APO

Похороны Эдуарда Исповедника (фрагмент гобелена в Байе)

Герцог Вильгельм находился в своем Квевильском парке около Руана и готовился к охоте. Он как раз натягивал тот самый знаменитый лук, который никто не мог согнуть, и как только отдал его пажу, ожидавшему неподалеку, который должен был нести его, к нему подошел человек в доспехах. Они отошли в сторону, в то время как окружающие с любопытством наблюдали за ними и перешептывались, ведь посланник был англичанином.

«Король Эдуард мертв, — услышал герцог, но эта не совсем неожиданная новость была лишь половиной послания. — Граф Гарольд стал во главе королевства».

Злой огонек блеснул в глазах герцога, и посланник удалился. Вильгельм, забыв об охоте, широкими шагами двинулся прочь, за ним последовали слуги. По пути он рассеянно расстегивал и застегивал свою мантию и вскоре подошел к берегу Сены. Он пересек ее на лодке и молча вошел в зал своего замка. Никто не осмеливался спросить, какое несчастье постигло герцога. Свита, последовав за ним, обнаружила Вильгельма на скамье, в необыкновенном волнении. Затем он стал спокойнее, прислонился головой к большой каменной колонне и закрыл лицо мантией. (Задолго до этого в древних северных залах, где викинги жили вместе, если человек был болен, опечален или по какой-либо причине желал, чтобы его не беспокоили, то садился на скамью и закрывал голову плащом, так как не было комнаты, где бы он мог побыть один.) В эти более поздние времена, следуя старому обычаю, рыцари двора Вильгельма оставили его наедине со своими мыслями. И тут в притихший зал вошел, напевая что-то, Вильгельм Фитц-Осборн, по прозвищу Отважное Сердце. Замершие в благоговейном страхе люди, толпящиеся в зале, спросили его, что случилось, посмотрел на него и герцог.

«Тщетно ты пытаешься скрыть новость, — сказал управляющий. — Она уже гуляет по улицам Руана: Эдуард Исповедник мертв, и Гарольд стоит во главе английского королевства».

Стиганд, архиепископ Кентерберийский

Герцог мрачно ответил, что он опечален как смертью Эдуарда, так и неверностью Гарольда.

«Вставай и действуй, — призвал его Фитц-Осборн. — Нет необходимости в трауре. Пересеки море и вырви королевство из рук узурпатора». Так в голове герцога поселились суровые замыслы и зловещие цели. Посланник принес в руке зажженный факел, ставший символом великих планов, которые зажглись в тот зимний день в Нормандии.

Вильгельм и все его люди, от рядового солдата до самого великого, знали, что если они хотят заполучить Англию, то единственный путь добиться этого — сражение. Никогда еще не было такого стремления проявить храбрость, как в этот раз. У норманнов, которые шли завоевывать Италию, не было таких соперников, как Гарольд и англичане, сражающиеся на своей земле, за свои дома и свою честь, но нормандское мужество в эти дни проявилось во всем блеске. Это одно из тех мест в нашем рассказе, когда мы меньше всего должны следить за личной судьбой герцога и забыть, что весь цвет норманнов стремился завладеть новыми территориями. Многие умнейшие люди также были более чем готовы наказать англичан за то, что те согнали их с лучших для жизни мест при Годвине, и упорно стремились восстановить и укрепить свое положение. Никогда ранее армия не предпринимала таких опасных путешествий, какие знали последователи Отевилей, в то время как их захватывающие рассказы о победах и славе вдохновляли норманнов на то, чтобы дома самим добиться новых достижений. Это верно, что со временем развивались цивилизация и искусство дипломатии, и мы видим, как одно за другим возникали оправдания великим экспедициям. Новость о восшествии Гарольда на престол была просто сигналом к действию, однако наследник Рольфа Гангера был политиком, проницательным создателем общественного мнения, и все искусство государственного мужа сейчас было направлено на то, чтобы его желание покорить Англию и

править ею было соответствующим образом воспринято другими нациями.

Право на наследство везде заменяло право народа выбирать королей. Феодалная система имела прочные и сильные связи, но когда Гарольд нарушил клятву вассальной преданности Вильгельму, одно это было недостаточным преступлением. Подобные обязательства не всегда были нерушимыми и в значительной степени были лишь формальностью, временным средством для достижения цели. А Вильгельм хотел иметь оправдание перед общим законом различных наций. Если это вообще возможно — сквозь бездну времени подобраться к сути происходившего, — то главный аргумент против Гарольда Узурпатора был религиозного характера — действительное или предполагаемое заявление Эдуарда о праве Вильгельма на престол и клятва Гарольда на святых мощах в Руане. Это было редкостное и преступное богохульство: норманны славилась приверженностью церкви. Их герцог был безупречен в частной жизни, считался верным защитником веры, благодаря чему был без усилий заключен прочный союз с Ланфранком, великим архиепископом.

Ланфранк и Вильгельм управляли Нормандией вместе. Если проследить за историей тех времен, создается впечатление, что священник был так же знаком с мирскими делами, курсом государства, состоянием армии, иностранными взаимоотношениями, как герцог был прилежен в посещении церковных собраний и служб. Это было время неопределенности и борьбы за папскую корону между Папой Римским и его соперником. Однако архидиакон Хидебранд уже имел власть и авторитет у папского престола. Позже он стал папой и вошел в историю под именем Григория VII. Удивительно: экспедиция против Англии должна была принять характер крестового похода, несмотря на то что Англия строила церкви, посылала паломников в Святую землю и щедро вливала богатства в церковную казну.

«Священники и прелаты подчинялись закону так же, как и другие люди, — в этом состояла проблема, — земля, где король и его советники распоряжались епархией, была землей, в глазах Рима более опасной, чем земли иудеев или сарацин. И это была политика, достойная Вильгельма, — обратиться к апостолам с мольбой о благословении предназначенной ему миссии укрощения мятежной земли. Эта политика достойна даже большего — сделать Вильгельма раз и навсегда орудием достижения целей, еще более смелых и далеко идущих. И пусть Вильгельм и Ланфранк справляются с притязаниями папы, даже большими, чем его собственные»¹.

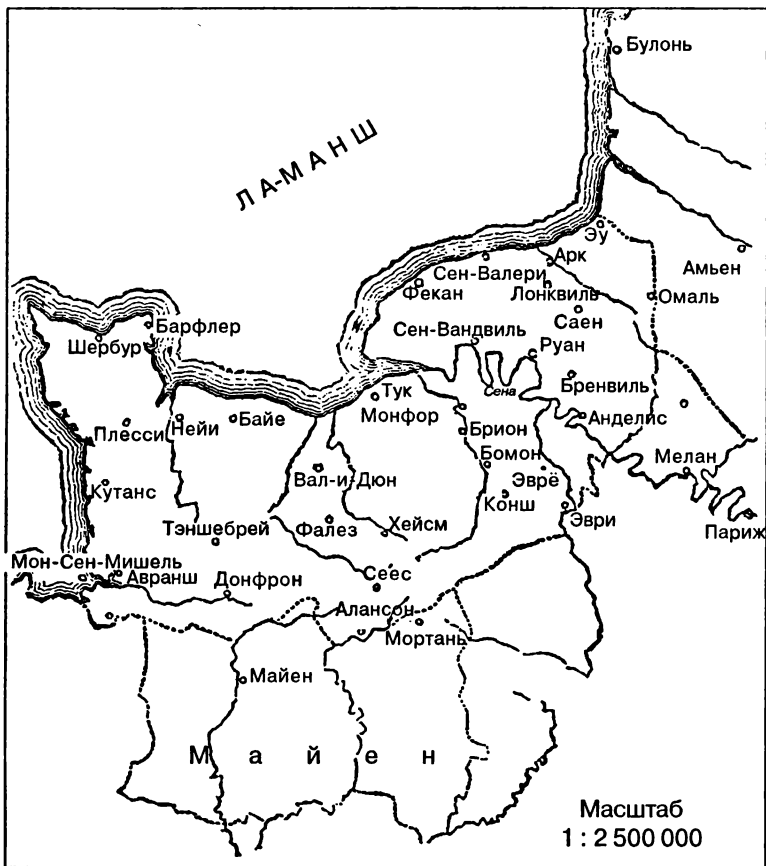
Вильгельм направил к Гарольду послов, возможно, сразу же после известия о его коронации. Полного отчета ни о требованиях, ни об ответах не сохранилось. Несомненно одно: каковы бы ни были требования герцога, они были тут же отвергнуты. Достоверно также, что это был именно тот результат, которого Вильгельм ожидал и даже желал. Он мог добавить еще одну обиду в список проступков Гарольда, и сейчас, кроме первоначальной неверности, Вильгельм мог пожаловаться на то, что его вассал официально отказался выполнять свои обещания и обязательства. После этого он созвал совет нормандской знати в Лиллабоне и изложил им свои планы.

Это была знаменитая группа советников, состоящая из старых друзей герцога. Там присутствовали Вильгельм Фитц-Осборн и брат герцога Одо из Байе, священнослужитель, что не мешало ему быть хорошим воином, Ричард из Эврё, внук Ричарда Бесстрашного, Роджер из Бомона и три героя Мортимера — Уолтер Гиффорд, Гуго де Монтфор и Вильгельм из Варрена, а также граф Мортена, Роджер Монтгомери и граф Роберт из Эу. Все эти имена известны нам так же, как некогда они были известны в Нормандии, и большинство этих людей пустили глубокие корни в своих новых владениях в Англии. Они не возражали против

¹ Фрумен. «Завоевание Англии норманнами».

планов Вильгельма, а лишь настаивали на том, что не имеют права говорить за всю страну и что нужно собрать всех нормандских баронов вместе, чтобы каждый мог говорить за себя.

Это был возврат к традициям времен Рольфа, когда искатели приключений хвастали на берегу Сены, что у них нет короля, который бы правил ими, они только «просят» то, что могут получить своими мечами. Других записей о существовании парламента в Нормандии не найдено. Возможно, впоследствии не происходило ничего того, что в

Нормандия в 1066 г.

такой степени затрагивало бы каждого вооруженного человека в пределах нормандских границ. Тогда феодальные бароны имели право высказываться за себя и своих подданных, и в большом герцогском зале замка в Лиллабоне герцог Вильгельм рассказал им свою историю и попросил помощи. У него было страстное желание отомстить Гарольду за такое обращение с ним, и он спросил благородную компанию баронов, какую помощь они могут оказать, как много людей, сколько кораблей и какую сумму денег они могут предоставить ему, чтобы поддержать это трудное предприятие.

И тут обнаруживается, что многие бароны почти с неодобрением отнеслись к таким планам, сомневаясь в возможности покорения такого королевства, как Англия. Настаивая на своем давнем стремлении совершить набег на другую сторону пролива и распаляя в своих сердцах прежнюю любовь к сражениям, — говорится в хрониках, — нормандский парламент попросил все же дать ему время и только затем дать ответ герцогу. Нетрудно представить картину, как они собирались группами, чтобы выслушать чью-либо точку зрения, за герцога или против него, и, возможно, было много возражений против развязывания войны из страха перед англичанами. Были моменты, когда все выглядело так, будто весь дух собрания направлен против предприятия. Бароны опасались, понадобится столько воинов и денег, что Вильгельм никогда не сможет отблагодарить их за щедрость. Следует отметить: все это звучит неубедительно и не соответствует нормандскому характеру тех дней. Нет ничего странного в том, что среди них нашлись противники. Но в это трудно поверить, зная настолько они были готовы к приключениям до и после рассматриваемых событий, а кроме всего прочего, их отделял слишком короткий промежуток времени от пиратских походов Рольфа Гангера. Вряд ли многие были серьезно напуганы перспективами такого недолгого морского путешествия, как пересечение Ла-Манша. Наоборот, все это выглядит как изощренный способ

преувеличить значение и славу победы норманнов и благодаря доблестному руководству герцога и его преданных соратников.

Вести переговоры с баронами, убеждая их выступить под знаменем герцога, был назначен Вильгельм Фитц-Осборн, который напомнил им, что они все еще вассалы Вильгельма и что было бы несправедливо разочаровывать его. Репутация этого человека была такова, что если бы кому-нибудь из баронов и захотелось избавиться от забот и уклониться от несения законной службы, то им следовало поразмыслить, ведь они находились во власти столь могущественного лорда и были прекрасно осведомлены, как ужасна участь его недругов. Какую ценность имели бы для них деньги, если бы герцог заклеил их как неверных трусов, и зачем бы им нужно было позорить свои имена, не принимая участия в этой справедливой священной войне против узурпатора?

Таковы могли быть аргументы, которые приводил баронам храбрый Фитц-Осборн (если только они действительно, не желая участвовать в кампании, были скупы и трусливы). В конце концов они сдались, уполномочив Фитц-Осборна говорить от их имени на следующем собрании, и когда он смело пообещал каждому двойное жалование и земельные наделы — лорду, являющемуся хозяином двадцати рыцарей, дать сорок, а «для себя, в силу своей верности и усердия, 60 оснащенных кораблей с боевой командой», то бароны вначале стали выкрикивать: «Нет! Нет!» — и зал в Лиллабоне вторил им громким эхом.

Однако в конце концов инцидент был улажен. Герцог лично поговорил со всеми баронами наедине, и в итоге они так же увлеклись предстоящей кампанией, как сам герцог. Все возражения, похоже, сводились лишь к опасениям, что их роль в осуществлении предприятия может оказаться слишком обременительной. Однако герцог тут же дал слово чести, что такого не случится и что их владения и предстоящий вклад будут оценены в соответствии с их возможностями. Были составлены списки рыцарей и солдат,

которых пообещал выделить каждый барон, и с этого момента в Нормандии начались активные приготовления к войне. В ту весну на полях женщин, ухаживающих за будущим урожаем, было больше, чем мужчин.

Герцог провел серьезную работу. Всех баронов герцогства и их людей оказалось недостаточно для того, чтобы завоевать Англию. Вильгельм вынужден был обратиться за помощью к соседям, и в этом его поддержал Папа Римский, который обещал благословение тем, кто накажет Гарольда и его соотечественников, предавших Святую Церковь. Всем участникам похода были обещаны военные трофеи, и искатели приключений повалили толпами с востока, севера и юга, чтобы примкнуть к норманнам. Граф Бретани Алан был готов лично возглавить свои войска, чтобы прийти на помощь Вильгельму. То же можно сказать и об Эстасе из Болоньи. Однако французская знать, сплотившаяся вокруг своего молодого короля, еще находившегося под опекой графа Фландрии Болдуина, вовсе не стремилась предлагать свою помощь, чтобы сделать нормандских соперников сильнее, чем они были. Множество авантюристов прибыло из Фландрии, и среди них некоторые знатные люди, которых не надо было долго уговаривать присоединиться к экспедиции. Кроме того, Вильгельм направлял послов в дальние края, что иногда давало результаты. Существует предание, что даже норманны из Сицилии большими группами двинулись на север.

Следующей важной вещью, которую следовало сделать вслед за перемещением достаточных сил в Англию, было обезопасить нормандские границы от иноземного вторжения. Если бы норманны потерпели поражение в Англии и, вернувшись домой, обнаружили, что потеряли часть Нормандии, — это была бы действительно печальная участь, и герцог делал все, чтобы обезопасить свои территории.

Наиболее мощный альянс был образован с двором папы в Риме. Здесь Ланфранк мог послужить своей стране с

большой пользой. Все более чувствовалась власть Хильдебранда: именно он был самым желанным владыкой, поддерживая притязания церкви на господство над всеми христианскими странами. «Вышел указ, который объявлял Гарольда узурпатором и провозглашал Вильгельма законным претендентом на английский престол. Могло показаться даже, что в нем объявлялось о необходимости отлучить английского короля и его приближенных от церкви. Вильгельм направлялся как мститель, чтобы наказать вассала за несправедливые поступки и нарушение клятвы. Но он также посылался и в качестве миссионера, чтобы направить грешных англичан на путь истины, научить их надлежащему послушанию наместнику Христа и обеспечить более полную уплату мирских налогов его апостолам. Таким образом, вторжение получило благословение, и в качестве зримых знаков благословения были переданы драгоценные дары. Было послано ценное кольцо, содержащее, возможно, более священную реликвию, чем любая из тех, у которых приносил клятву Гарольд, — волосы Христа. И вместе с кольцом было доставлено освященное знамя»¹. Все это было оружием более серьезным, чем нормандские стрелы. Это укрепляло не только мужество, но и чувства долга и преданности Богу. К несчастью для бедного человечества, часто это приводило к неверным действиям: в надежде завоевать Небеса превращали землю в место кровопролития и предательства.

Теперь у Вильгельма, кроме английских земель и высокого положения рыцарей и священников, было еще кое-что, что он мог предложить на завоеванных землях, — безнаказанность и благословение церкви в мире ином. Даже рай был обещан его главным представителем на земле тем, кто будет сражаться на стороне герцога Нормандии против Англии. Хильдебранд в последний раз воззвал к священному собранию кардиналов, когда рассказал об оскверненных святынях и о нарушенной Гарольдом клятве, и призвал отцов цер-

¹ Фримен. «Завоевание Англии норманнами».

кви подтвердить, каким благочестивым делом будет обращение в христианство язычников-саксов. Никто не удосужился вспомнить, что священники Англии владели третью английских земель и правили там железной рукой. Если бы Англия преклонила колени перед Римом — какое бы это имело значение?

В это время произошло одно примечательное событие. При дворе герцога объявился не кто иной, как Тостиг, сын Годвина, стремящийся, вне всякого сомнения, принять участие в заговоре против Гарольда и отомстить за свое изгнание. Он не задержался долго, поскольку сильно занятый герцог вскоре отослал его, не лишая возможности участвовать в войне, которая была уже не за горами.

Гарольд также усиленно собирал силы и готовился к нападению, которое было неизбежно. Однако первым на поле брани оказался другой враг. Весной на острове Уайт высадился Тостиг с целой флотилией, укомплектованной фламандцами и норманнами. Получив помощь от Вильгельма, он отправился мстить деревням Кента и Сассекса, которыми когда-то правил его отец. Ему, похоже, не удалось привлечь на свою сторону каких-либо английских союзников, разве только в морском порту Сэндвич, где он, возможно, нанял какое-то количество моряков. Оттуда он направился на север с шестьюдесятью кораблями и атаковал побережье графства Годвина. Он устроил большие беспорядки в прибрежных городах, однако Эдвин и Моркер из Нортамберленда подоспели вовремя, встретив его с войсками. Таким образом, с двенадцатью оставшимися кораблями он отправился в Шотландию, где шотландский король Малькольм оказал ему сердечный прием и остаток лета оказывал всевозможные почести. Совсем недавно они были заклятыми врагами, однако сейчас, когда Тостиг сражался против Англии, Малькольм отбросил в сторону прежние обиды.

Летом того богатого событиями года Тостиг сначала предложил королю Дании отправиться с ним в Англию и помочь вновь завладеть его графством. У Свена хватило здраво-

Масштаб:
1 : 4 000 000

Англия

го смысла отказаться. Тогда объявленный вне закона Тостиг отправился в Норвегию и сделал аналогичное предложение Гарольду Хардреду, который также выслушал его с недоверием. Однако когда Тостиг напомнил, что Гарольд станет королем Англии, а Хардред сможет претендовать лишь на северные территории и быть под властью короля, став вассалом Гарольда и верно служа ему, великий норвежец согласился готовиться к экспедиции. Он очень походил на Рольфа Гангера и в душе был настоящим отважным викингом. Старая сага, из которой мы взяли этот рассказ, заставляет забыть о заговорах и притязаниях Рима и о жизни нормандского двора, описание экспедиции Хардреды подобно дуновению холодного ветра северных берегов и созерцанию сверкающих кораблей-«драконов», между высокими скалами фиордов прокладывающих путь в открытое море, чтобы совершить набег на чужие территории. Но сага рассказывает также о славе и доблести другого Гарольда, сына Годвина, превознося силу этого врага.

Возможно, поначалу английский король верил в способность северных графов позаботиться о своих территориях и лишь пытался не терять бдительности в отношении южного побережья. Он собрал армию и держал ее наготове всю оставшуюся часть лета, что было беспрецедентным и трудным делом в те дни, и с помощью местных сил, которые мы сегодня назвали бы народным ополчением, его солдаты охраняли побережья Сассекса и Кента. Трудно оценить в полной мере, какого труда это стоило англичанам, которые привыкли к быстрым форсированным маршам, решительным битвам и желанному возвращению домой, как только исчезали побудительные мотивы или отпадала необходимость в том, что собирало их вместе.

Корабли Гарольда контролировали пролив Ла-Манш, а пешие солдаты — равнины. Однако в конце концов стало почти невозможно добывать провиант (что всегда было не просто), и к сентябрю ряды армии сильно поредели. Сам Гарольд отправился в Лондон, куда был также послан флот, но по пути попал в шторм. Множество кораблей было по-

теряно, а еще больше были повреждены, и, скрепя сердце, их признали неспособными к мореплаванию. Все южное побережье оказалось незащищенным, и в этом нельзя было обвинить ни короля, ни его подданных. Они сделали все, что от них зависело, но армия была ослаблена голодом и постепенно растеряла веру в успех предстоящего нападения.

Увы, королю Гарольду не суждено было обрести душевный покой. В эти же дни на побережье Нормандии войско Вильгельма группировалось и собиралось, как роящиеся пчелы, а из устья бергенского фиорда прибыл Гарольд Хардред с массой людей и с огромными богатствами, — такого их множества давно уже не вывозилось из северных гаваней. Похоже, он принял решение переехать, разгромив английского узурпатора, и обосноваться в богатом южном королевстве, как когда-то сделал Кнуд. В Норвегии должны были кое-что знать о положении дел в Англии и Нормандии, но этот знаменитый старый искатель приключений готов был сражаться с каждым, кого ему привелось встретить на пути, и «черный ворон реял у верхушки его мачты».

Дурные предзнаменования сопровождали эту великую экспедицию последнего из морских королей, но он отправился в Шетланд¹, где оставил жену и дочерей, в то время как к нему присоединились новые союзники. Встретиться с ним прибыл и Тостиг с новой армией, которую собрал во Фландрии. Там были также один из ирландских военачальников и великий лорд Исландии. Все они обрушились на беззащитную страну, отмечая свой путь сожженными и разрушенными церквями, замками, хижинами. То тут, то там англичане вступали в бой, но все их попытки были безуспешными. Два северных графа созвали вассалов и в течение нескольких дней после высадки норманнов взяли (без видимых усилий) город Йорк. Эта новость быстро достигла ушей короля Англии.

¹ Шетланд — остров и графство в Шотландии. — Прим. ред.

Какое печальное послание! Гарольд, сын Годвина, был болен, его южное побережье не было защищено, кроме того, он не мог забыть новость, которую Вильгельм передал ему в конце лета с лазутчиком, пересекшим Ла-Манш и побывавшим в Нормандии, о том, что норманны скоро явятся и покажут ему, сколько их и на что они способны. Однако короля утешил святой аббат, рассказав, что ему явился дух Эдуарда Исповедника и уверил, что его преемник несомненно победит.

Пророчество сбылось: король, мобилизовав силы, собрал солдат и двинулся к Йорку. Там он хотел основать новое королевство. У него не было стремления к мести, которое переполняло сердце Тостига, он лишь стремился проявить себя великодушным и мудрым правителем. Как только он приблизился к стенам, которые были легко взяты ранее, то вдали показалась вражеская армия — вначале тучи пыли, подобные надвигающемуся смерчу, а затем зловеще сверкающие наконечники копий. Чуть позже король Англии Гарольд направляет своему брату Тостигу послание. В нем говорится, что тот вновь станет хозяином королевства Нортамберленд, если будет лоялен по отношению к королю. Тостиг в свою очередь шлет ответное послание, в котором спрашивает о том, какова будет доля Гарольда Хардреды. «Семь футов английской земли для его могилы», — отвечает другой Гарольд, и начинается сражение.

Увы, несчастный северянин, отвоевавший восемьдесят замков у сарацин, бич мусульман и грабитель Палестины, союзник Сицилии, Древней Руси и Греции! Прощай, королевство, что он легко потерял в Норвегии! Прощайте, жена и дочери, которые в течение этих коротких сентябрьских дней на Оркнейских островах ждали триумфального возвращения флота, — поскольку надеждам Гарольда, создателя саг и морского короля, не суждено было сбыться. Он мог неистово сражаться с присущей ему яростью бесстрашных и неуязвимых скандинавских воинов своим тяжелым двуручным мечом. Он мог косить и укладывать вокруг себя англичан, но пришел миг, когда в его горло с пронзитель-

ным свистом ударила стрела и он упал замертво, а вокруг него беспорядочно нагромождались тела его лучших бойцов. Флаг Черного ворона Норвегии был взят. Тостиг мертв, а король Англии Гарольд — победитель на поле брани у Стамфордского моста.

Это была последняя великая победа, которую он и его люди когда-либо выигрывали, последнее сражение Англии перед ее завоеванием. Из всей флотилии кораблей, которые приплыли с севера, только двадцать четыре отправились в обратный путь, и Гарольд заключил мир с жителями Оркнейских островов, исландцами и остальными. С тех пор установился мир между Англией и странами северных морей. Последняя победа Гарольда была связана с прошлым, с северянами другой эпохи, как если бы последняя связь его страны со старыми войнами и прежними врагами была разорвана. Были установлены новые взаимоотношения, определена последняя битва за господство.

Битву на Стамфордском мосту можно было бы назвать смертельной игрой на рыцарском турнире, где английский рыцарь получил награду и после поединка возвращается домой победителем. Тем не менее в те дни триумфа уже было известно о приближении нового врага: нормандские корабли, полные лошадей и солдат, готовились высадиться на английском побережье. Гарольду пришлось вступить в другое сражение, которое он проиграл, и новый порядок начал устанавливаться в Британии. Северяне и норманны — между ними существует большой разрыв, и все же английское прошлое и будущее сталкиваются, воины, еще не оправившиеся после одной битвы, должны мериться силами в следующей. Однако на остриях своих стрел норманны принесли великие дары — без них «Англия была бы механической, а не художественной; смелой, но не рыцарской; храмом знаний, а не живой мысли».

Через три дня после этого сражения Гарольд устроил пышный банкет и находился среди друзей, когда быстроно-

гий посланник, едва переводя дыхание, сообщил плохую весть: «Гарольд, король Англии, собирай своих воинов, вооруженных боевыми топорами и копьями; пришли норманны, как стая саранчи. Они высаживаются на побережье Кента».

XV

БИТВА ПРИ ГАСТИНГСЕ

*Я видел славу, подобную падающей с небесной
тверди звезде, но солнце, плача, спускается в низины
запада.*

Шекспир

В начале лета в лесах Нормандии стучали топоры и с шумом падали деревья, а вдоль побережья, на корабельных верфях, раздавался стук молотков корабельных плотников и ковались болты и цепи. Возделанные поля уходили к горизонту, радуя глаз яркой зеленью. Ничто так хорошо не раскупается сейчас, как доспехи, и нормандские рыцари проверяют, крепки ли соединения в их кольчугах и шлемах и надежно ли они защищены своим металлическим одеянием, тяжесть которого по плечу не каждому. Лошади и люди проходят подготовку к военным действиям во дворах замков, и каждый барон собирает войско, сурово отдавая приказы. Церкви переполнены, священники призывают на святое дело, и мысли о войне занимают умы. Цветут вишни, их белые лепестки усыпали землю, яблони окутаны розовым облаком. К середине лета наливаются фрукты, солнце высоко подымается в небе, в тяжелой броне со всех сторон продвигаются к морю группы пеших и конных воинов. Можно видеть их луки с ненатянутой тетивой, когда воины проходят мимо заборов, и их скрученные знамена с геральдическими знаками или христианскими символами. Все они движутся к морю, к устью реки Див. Сельские женщины и их дети стоят в проемах дверей домов, наблюдая за этим потоком. Есть причины помочь им молитвами в войне против англичан-язычников.

На протяжении всего лета в штабах Вильгельма собирались вооруженные люди со всех концов Нормандии и отовсюду, где его призывы нашли отклик. Если верить хроникерам, то войскам хорошо платили, солдаты были накормлены, в армии поддерживался порядок. Встал вопрос, чья армия сможет дольше удерживать позиции — Гарольда на равнинах Сассекса или Вильгельма в устье реки Див? Наконец пришла новость, что английские войска рассеялись, и тогда французы (так здесь впервые стали называть норманнов) начали готовиться к экспедиции. Должно быть, были незначительные стычки в море в течение того жаркого лета, но только в начале осени Вильгельм отдал приказ грузиться на корабли. Сведения об их силе противоречивы. Потерпевшая поражение сторона заставляет нас поверить в то, что захватчики значительно превосходили числом. Норманны, со своей стороны, настаивают на том, что в сражении им больше помогло не количество, а качество и что не размер армии, а ее доблесть привела к победе. Из одних источников следует, что было снаряжено шестьсот девяносто кораблей и четырнадцать тысяч солдат, в других говорится, что кораблей было более трех тысяч, а людей — более шестидесяти тысяч, есть и другие цифры.

Целый месяц нормандская армия ожидала в устье реки Див южного ветра, но его все не было, лишь жестокий шторм разбросал корабли и усеял побережье телами норманнов. В конце концов герцог, воспользовавшись западным бризом, отплыл к бухте Сен-Валери, у побережья Понтиви, надеясь оттуда попасть в Англию. Он читал молитвы в знаменитом аббатстве Сен-Валери и пятнадцать дней наблюдал за флюгерами. Он и его капитаны принесли богатые пожертвования в святые места. Наконец торжественной процессией вышли монахи, неся священные реликвии, и нормандский вождь благоговенно преклонил колени. В июне в Кане были освящены два великих кафедральных собора. Вильгельм и Матильда отдали свою юную дочь, Сесили, на службу Господу с богатыми подношения-

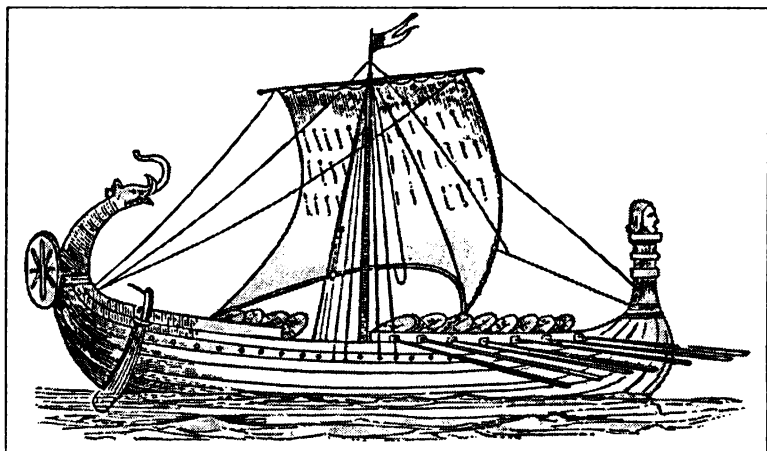
ми в виде земель и денег. С тех пор молебны в церквях и перед алтарями других нормандских религиозных домов не прекращались, в то время как Гарольд продвигался к Стамфордскому мосту.

Наконец в среду, двадцать седьмого сентября, подул южный ветер, и великий флот отплыл. Солдаты верили в то, что их молитвы услышаны и Небеса покровительствуют им. С доспехами и оружием они толпами грузились на корабли, заботясь лишь об одном, — не отстать от остальных. Пели трубы, всадники покрикивали на лошадей, громкие крики перекрывали шум музыки и эхом отзывались с берега. Открытые корабли — точные копии кораблей-«драконов» старых времен — заполнили ярко одетые джентльмены, переливающиеся всеми цветами знамена и огромное количество сверкающих на солнце копий. Щиты воинов украшали геральдические гербы, а отделанный золотом корабль «Мора», который герцогиня подарила герцогу, во всем блеске покачивался на серой воде. Вильгельм взошел на борт и повернул позолоченную фигуру мальчика, дующего в рог из слоновой кости, — предвестника безусловной победы — к берегам Кента. Был распущен священный флаг Папы Римского, чтобы приветствовать долгожданный бриз, и знамя Вильгельма с вышитыми тремя фигурами львов Нормандии трепетало на ветру. Солдаты пели песни и ликовали. И они отплыли, не чувствуя страха, эти благословенные воины 1066 года. На главной мачте корабля «Мора» с наступлением темноты зажгли огромный фонарь. Ночь была пасмурная и рано утром корабль «Мора», нагруженный меньше остальных, оказался один в море, вне видимости с земли или с кораблей. Однако вскоре на горизонте вырос целый лес качающихся мачт. В 9 часов Вильгельм высадился на Сассексском побережье у города Певенсей. Едва ступив (второй раз в жизни) на английскую землю, он неожиданно споткнулся и упал. Находившиеся рядом глухо вскрикнули при таком зловещем предзнаменовании. «Во славу Господа! — вскричал герцог (так он любил начинать клятвы). — Я овладел своим королевством; смотрите, земля Англии в

моих руках!»». При этом один сообразительный солдат сорвал охапку тростника с крыши дома и передал хозяйину в качестве еще одного символа, означающего право на владение богатствами Англии.

И никто не помешал норманнам высадиться на берег и передвигаться по стране. Поскольку недоставало провианта, в Певенсее они оставались только один день, а затем двинулись на восток, в направлении Гастингса. Среди гобеленов Байе, возможно, наиболее достоверных свидетельств тех времен, есть одна завораживающая работа, на которой изображен горящий дом и женщина с маленьким ребенком, спасающиеся бегством. Единственным безопасным местом, где можно было укрыться, были церковные дворы и сами церкви. Набожность Вильгельма вряд ли могла позволить ему разрушать даже вражеские святыни, где проходили богослужения.

Следующие несколько дней были полны неопределенности и ожидания. Никакой армии в окрестностях Гастингса не было, это было очевидно, как очевидно было и то, что норманнам уже принадлежала эта земля. Проходили часы и дни, никто их не тревожил. Горячие головы призывали двигаться дальше в глубь страны, однако ос-

Норманнское судно (фрагмент гобелена в Байе)

мотрительный вождь не спешил. Наконец пришла весть о великой битве на севере, занятии Гарольдом Йорка и ужасных бедствиях, которые обрушились на Гарольда Хардреду, Тостига и их союзников. В это же время герцог получил послание от норманна Роберта Столлера, который стоял у смертного ложа Эдуарда Исповедника и тепло относился к стране, в которой родился, хотя позднее и стал законопослушным англичанином. «Двадцать тысяч человек убитыми на севере, — говорил он в своем послании Вильгельму, — англичане обезумели от гордости и веселья». Далее из послания следовало, что норманны недостаточно сильны и что их не так много, чтобы рисковать, вступив в бой, что они будут чувствовать себя как собаки среди волков и будут полностью разгромлены. Однако Вильгельм пренебрег советом — он прибыл сражаться с Гарольдом и встретится с ним лицом к лицу, он рискнул бы вступить в бой, даже если бы у него была лишь шестая часть воинов, которые последовали бы за ним, защищая его права.

Гарольд, энергично взявшийся наводить порядок в своей пирующей и бездействующей армии, собрал совет военачальников в Йорке. Полчища норманнов, французов и бретонцев высадились в Певенсее. Их было столько, сколько песка в море и звезд на небе. Если бы южный ветер подул раньше, чтобы можно было встретить захватчиков с доблестной армией, которая рассеялась так быстро! Разгромить Вильгельма и отбросить его назад, а затем отправиться на север, к Стамфордскому мосту, — как это было бы здорово! Вместо этого норманны бесчинствуют на юге. Что же делать? Каждый английский капитан-барон дал слово, что никого не назовет королем, кроме Гарольда, сына Годвина. И, немного передохнув после битвы, они приготовились выступить в Лондон. Они хорошо знали, что означало это новое вторжение, ужасные предчувствия наполняли их сердца, верные не только Гарольду, но и Англии. Эти чужаки должны убраться с земли, на которую не имеют законных прав.

Вильгельм Завоеватель (гобелен в Байе)

Слава северной победы собрала толпы добровольцев — под знаменами Дракона Уэссекса и самого Гарольда, — которые вновь устремились на запад. Ничто так не воодушевляет, как успех. Если Гарольд смог победить великого Хардреду, не было ничего невозможного в том, чтобы разгромить нормандского герцога. Главы кланов так же, как и священники, присоединялись к Гарольду Воину. Северные графы неохотно обещали помощь, но никогда не держали слова; возможно, они надеялись получить полную независимость взамен не устраивающего их вассального подчинения югу. По крайней мере, они не собирались участвовать в сражении в Уэссексе, пока оставались шансы избежать его.

Тем не менее в Лондон, где ожидал Гарольд, с запада и юга стекались толпы людей. Сам Гарольд с тяжелым сердцем, полный забот в этот критический для него период провел несколько дней в своем королевском дворце в Вестминстере. Он был неплохим военачальником и уже посмотрелся на нормандских солдат, чтобы недооценивать их отвагу в сражении. Он мрачно качал головой, когда его офицеры с презрением отзывались о своих врагах. В один из дней он совершил паломничество в свое аббатство в Уолтхэме, и в записях монахов говорится, что он молился перед алтарем и каялся в грехах, присягал в верности Богу, который правит всем миром. Когда он коснулся головой священной плиты, то фигура Христа на кресте склонила голову, как бы говоря: «Все кончено». Тэркил, ризничий¹, заметил это чудо и понял, что дело Гарольда проиграно.

Затем нормандский герцог направил в Вестминстер монаха из Феканского аббатства для ведения переговоров, по сути это была перебранка между претендентами на английский престол, целью которой было окончательно спровоцировать англичан вступить в бой за своего вождя там, где захватчики уже надежно обосновались. «Придите и прогоните нас прочь, если сможете!» — так, похоже, насмеха-

¹ Ризничий — хранитель церковной утвари. — *Прим. пер.*

лись норманны, и Гарольд видел, что ему следует поспешить, пока герцог не получил подкрепления, и тогда прогнать его стало бы много труднее. Требование Вильгельма, чтобы король оставил трон, было составлено в оскорбительных выражениях, народ Кента терпел бедствия и был доведен иноземцами до нищеты. И все же Гирт, сын Годвина, просил своего царственного брата оставаться в Лондоне и позволить ему сражаться против норманнов, и даже в последний момент люди просили Гарольда прислушаться к полезному совету. Однако Гарольд отказался: он никогда бы не согласился стать трусом и не мог допустить, чтобы любящий его человек сражался вместо него; таким образом, через шесть дней он выступил к месту сражения, где два величайших полководца того времени должны были помериться силами в рукопашной схватке. У короля Англии было знаменитое королевство, которого он мог лишиться, у герцога Нормандии была возможность приобрести это королевство.

В ночь на четырнадцатое октября обе армии стояли друг против друга около Гастингса, на Сенлакском поле, которое сегодня называют Полем битвы. Они поспешно разбивали лагерь, поскольку для многих эти укрытия были последним земным пристанищем, обителью земных надежд или страхов. По нормандскому расположению лагеря ходили группы священников, норманны молились и исповедовались в грехах. Епископ Кутанса и сводный брат герцога Вильгельма Одо, епископ Байе, — оба этих высоких духовных лица были рядом со своими прихожанами, чтобы поддержать преданных воинов в этом крестовом походе. Одо заставлял солдат обещать, что, выжив в завтрашней битве, они не будут до конца есть мяса по субботам, такими незначительными средствами надеясь добиться расположения Бога, который управляет более масштабными сражениями, приближая день, когда на земле так же будет царить справедливость, как и на Небесах. Они пели гимны, когда наступило серое утро и в предрассветном тусклом свете стали видны англичане. Они стояли на холме,

мысом вдававшимся в болотистую равнину. Прямо за ними начинался лес, и казалось, будто деревья английской земли встали в строй вместе с солдатами. В гуще рядов развевалось королевское знамя Гарольда Воина, рядом с ним стоял Гарольд со своими братьями. В руках у воинов были боевые топоры, еще хранящие следы крови тех, кто был убит у Стамфордского моста, и каждый, прикрываясь щитом, хранил молчание. Норманны увидели своих врагов застывшими плечом к плечу в молчаливом ожидании. Было что-то зловещее в этих спокойствии и неподвижности — при таком огромном количестве людей и полной тишине. Англичане в ту ночь пировали, пели песни и рассказывали истории о северном сражении. Какими зловещими выглядели их боевые топоры, по мере того как светало все больше! Норманны знали, что в этот день многим придется на себе ощутить, как остры края рассекающей стали.

Впереди стояли лучники, за ними воины с копьями, а позади всех всадники. Такова была расстановка сил норманнов, жаждущих проявить отвагу и воодушевленных своей высокой миссией. Завоевывать больше — это лучше, чем просто удерживаться на старом месте. К ночи Англия должна принадлежать им, несмотря на боевые топоры. В это время вперед выехал менестрель (поэт и певец) по имени Тайлефер. Он скакал перед английским войс-

Норманнский
менестрель

ком, легко подбрасывая меч в воздух и искусно жонглируя им. При этом он пел песню о Роланде и Карле Ронсевальском. Сидя на своем боевом коне, подаренном королем Испании, за ним наблюдал герцог. На шее у герцога висели священные реликвии, он обвел взором передний край своей армии, заметив воинов из Котантена, ведомых графом Нилом из Сен-Савиура, и его мысли обратились к битве его ранней юности — битве при Вал-и-Дюне. Какая могучая сила собралась в ответ на его призыв! Теперь все его нормандские враги были сторонниками, он выиграл большой турнир, и если фортуна не отвернется от него в этот день, то он добьется и благосклонности Святой Матери Церкви в Риме, Церкви апостолов и мучеников, и ни один из даров в христианском мире не будет так гордо почитаем, как английское королевство, ставшее верным папской короне.

Вильгельм Незаконнорожденный, попираемый и оскорбляемый внук фалезского кожевника, Вильгельм, герцог гордой Нормандии, во главе воинства стучащий в ворота Англии... Контраст будет еще заметнее, если вспомнить Рольфа Гангера, мокрого от соленых брызг, на палубе своего корабля-«дракона», смело стремящегося на юг, и Вильгельма, герцога Нормандии, богатого и знаменитого, властелина из властелинов, который вскоре станет королем обширной и благородной земли, победителем великой битвы, если святые, которым он поклонялся, будут на его стороне.

Тайлефер убил двух его людей и был в свою очередь сражен. Его песня оборвалась, и меч выпал из его рук. С криками: «Dex aide! Dex aide! На Rou!» — норманны смело бросились вверх по склону, к частоколу из воинов Гарольда. На англичан градом сыпались стрелы, однако они, прикрываясь щитами, держались стойко, нанося удары своими топорами по конным и пешим. Все, даже король, участвовали в сражении, выкрикивая: «Вон! Вон!», когда войска сошлись в рукопашной схватке. Они также кричали: «Боже всемогущий!» и «Святой Крест!», и при этих возгласах

Гарольд, должно быть, с грустью вспомнил, как Христос на распятии склонил голову, когда он молился перед алтарем. А битва разгоралась все сильнее. Норманны то отбрасывались назад, неся большие потери, то вновь с яростью возвращались. Вот они у подножия холма, вот снова наверху, будто людская река, которую неистово рубят мечом. Люди безжизненно падают, беспорядочно нагромождаются тела, пронзенные дротиками и сраженные топорами. Стремительные удары, сверкающие глаза, противники сбились в окровавленный клубок, о который спотыкаются и падают лошади, люди; упавшие слабо молят о пощаде, уворачиваясь от топчущих их ног, — так шло сражение. Гарольд атаковал правый и левый фланги, но Вильгельм и его доблестные капитаны выдержали их натиск. Нормандские стрелы затупились и отскакивали от английских щитов, никому не причиняя вреда, — и тогда герцог приказал лучникам стрелять выше, целясь в лица англичан. В тот день не было слышно грома пушек и не ощущалось запаха пороха: только шум от ожесточенной схватки и лязг металла, жужжание стрел, копий и резкие звуки натянутой тетивы. Да и болезненные стоны, по мере того как две армии все теснее сплетались друг с другом в рукопашной схватке.

Час за часом таял день, и не было видно конца сражению. Раздался возглас, что герцог мертв, и тогда Вильгельм стащил с себя шлем и бросился вдоль линии воинов, чтобы восстановить их мужество. Смертельным дождем сыпались стрелы, воины с топорами и копьями сплетались друг с другом, подобно расплавленной лаве, с треском прокладывая путь в расщелинах. Горячий поток норманнов, в кольчугах и запятнанных кровью шлемах, катится на англичан, на головах которых кожаные шапки, а тела защищают такие же, как у норманнов, кольчуги, затем вновь откатывается назад. День приближается к концу, в то время как расы символически смешиваются в сражении, как должны будут смешаться в правительстве, родстве, братстве и совместном владении Англией.

Гарольд пал, и мерцающее знамя Воина с золотыми нитями и украшениями запятнано кровью и грязью. Стрела глубоко вошла в глаз короля и пронзила его мозг, он упал, и враги наносят ненужные удары по несчастному телу, как будто этот отважный дух не может быть успокоен смертью. Англичане проиграли битву, раздался крик, что они бегут. Услышав это, норманны еще раз сосредоточились и стали преследовать англичан. Глубокое волнение охватило победителей — славный момент, когда они почувствовали, что судьба дня решена.

Вильгельм Незаконнорожденный стал Вильгельмом Завоевателем — грустные слова для многих англичан в те дни. Для нас они служат символом великой победы, которая была и останется английской: благородное и сильное королевство получит дальнейшее развитие. Англичанам была присуща сила, а норманнам — быстрота. Битва подстегнула прогресс, только норманны, а не саксы получили право играть ведущую роль.

Но Сенлакское поле имеет печальный вид, когда мерк-

Воин в доспехах

нет свет короткого октябрьского дня и бледные звезды тускло мерцают сквозь холодную дымку, надвигающуюся с моря. Это так не похоже на ясную погоду в Нормандии. Бриз несет тяжелый запах опавшей листвы, и стаи птиц издают жуткие крики, пролетая над полем брани. Многим победителям не терпится побыстрее разграбить Англию. Однако есть и более трезвые головы, которые считают, что в действительности это великое дело — завоевать такую страну. Чем же на самом деле обернется эта победа?

По окончании дня Вильгельм Завоеватель и его рыцари отдыхают, пируют и хвастают своими подвигами. Флаги Гарольда брошены на землю, а холодный ночной ветер развеивает знамя Трех львов Нормандии. Оставшиеся в живых выглядят, как мясники на бойне, а мертвые лежат большими грудками. Бледные лица в сумерках взывают к жалости в немом одиночестве. Отовсюду слышны слабеющие стоны, и время от времени раздаются крики о помощи какого-нибудь солдата, к которому вернулось сознание, хотя он лежит, оглушенный и искалеченный, среди тех, кто замолчал навсегда. По полю бродят, причитая, стонающие мужчины и женщины с носилками — они не могут найти своего короля. Они, должно быть, привели с собой женщину, которая любила его больше всех, — это Эдита Лебединая шея. Она прошла через это ужасное поле, чтобы обнаружить его искалеченное тело среди груд мертвецов. «Он должен быть похоронен на морском берегу, — такую команду нормандский герцог дал Вильгельму Малету, — и вечно охранять побережье, которое он пытался защитить».

Торжествующие гонцы с известием о победе отправились через коричневые воды Ла-Манша, вестники поражения в трауре идут в Лондон и другие повергнутые в печаль английские города. Это сын Годвина, Гарольд, и его брат Гирт Гуд, самые благородные люди Южной Англии. Ни один человек из окружения короля не остался в живых, чтобы рассказать о случившемся и оплакать великое поражение. Некоторые выжили, для того чтобы рассказывать

об этом в более поздние времена, и у них было одно утешение: говорить, что, когда норманны преследовали их после проигранного дня, они устраивали засады в болотистых топях и наносили по своим преследователям неожиданные смертельные удары. Однако страна была в смятении, когда Вильгельм прокладывает путь к Лондону, встречая трудности и сопротивление. В конце концов смиренные графства, хотели они того или нет, получили нового хозяина. Поскольку слабоумный принц Эдгар не подходил для трона, а королевский двор Годвина пал, Вильгельм Норманн стал монархом Англии, и на Рождество состоялась его коронация в Вестминстере.

XVI

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Затем в его деревянном доме с льняными парусами плывет она, королева, через роковые зловещие моря.

А.Ф.

Вместо детального рассмотрения периода английского правления Вильгельма, который продолжался двадцать один год, отметим его основные черты. Мы не станем слишком часто проводить параллели между жизнью и развитием нации и жизнью и развитием отдельного человека. Однако, поскольку Вильгельм Завоеватель во многом был типичным представителем Нормандии, нельзя не проследить за его судьбой в период становления нормандского характера в целом, более того, стоит обратить особое внимание на некоторые моменты. Вильгельму было около сорока лет, когда он одержал победу при Гастингсе, Нормандия переживала период бурного развития и усиления мощи. Не за горами было время упадка и заката истории собственно Нормандии, после чего только в истории Франции и Англии можно обнаружить знакомые нормандские черты. Передовое по жизнеутверждающей силе и стремлению к централизации и единовластию, в

то время как большая часть Европы была неустойчива и раздроблена, герцогство Рольфа Гангера в последующие годы походило на дикий цветок, который разбрасывает по ветру семена, неизменно дающие урожай. Однако сам он должен погибнуть при первых заморозках: в силу неблагоприятных условий внешней среды или внутренней болезни.

Марш в Лондон был не чем иным, как дорогой к триумфу и прогрессу. Тем не менее подданные нового короля были сердиты и мстительны. Англия утратила свой дух, ее гордость рассыпалась в пыль, и многие ее вожди были мертвы. Печаль и ропот царили в стране в эту темную зимнюю пору, новый закон о вечернем звоне (а по сути о комендантском часе) превратил страну в тюрьму.

Необходимо было проявить большое терпение и многое сделать, прежде чем люди пришли к Вильгельму с просьбой принять корону. У Вильгельма был дар держать паузу, и в конце концов корона была предложена, а не потребована. Мы узнаем, что народ стал наконец лучшего мнения о Завоевателе, доброжелательно вспоминал времена правления Кнуда и что из уст в уста пошла молва о том, что Англии может грозить худшая судьба, если ею не будет править знаменитый христианский принц. Верно, что Гарольд взывал к Небесам, когда началось сражение на Сенлакском поле, но по воле Бога победа была отдана в другие руки. Кроме того, северные графы оставили их в тяжелый час, и в любом случае необходимо положить конец нормандским набегам. Если Вильгельм сможет сделать для Англии то, что сделал для собственного герцогства, и сделает так, что остальные будут опасаться ее доблести, уважая за процветание, как уважают Нормандию, — разве можно желать большего? Итак, герцог созвал совет знати и после детального обсуждения возвестил о своем принятии королевства! Во время коронации в Вестминстере произошло нечто странное. Нормандские всадники охраняли соседние улицы, большая толпа зрителей заполнила церковь, и, когда был задан вопрос, принимают ли они Виль-

гельма в качестве короля, отовсюду раздались одобрительные возгласы: «Да! Да! Король Вильгельм!». Возможно, норманны никогда не слышали такого шума во время торжественной службы. И вновь послышались выкрики, на этот раз вопрос повторили на французском языке, и снова ответом было: «Да! Да!».

Стражникам снаружи показалось, что совершилось предательство, и опасаясь, что их вождю может быть причинен вред, желая помешать этому или отомстить, они подожгли здания вблизи храма. Прихожане бросились наружу спасать имущество или, как могло оказаться, жизни, в то время как внутри продолжалась церемония, а сам герцог дрожал от тревожного предчувствия, принимая торжественную клятву английского короля быть справедливым и великодушным к своему народу. Ему предстояло надеть корону (новую, заметим; а что же произошло с короной Исповедника?), а когда ритуал был завершен, и Вильгельм, король Англии, со своими священниками и рыцарями вышел наружу, он увидел страшную картину. Все это было странно типично — временное великолепие, новая организация церкви и государства, жгучая ненависть и подозрительность по отношению к христианству. Мир на земле, добрая воля! Увы, было все, только не это, в последующие годы правления Вильгельма.

У него, несомненно, были большие надежды, и он строил планы хорошего управления и роста английской славы. Он «приручил» Нормандию, подчинив ее себе, подобно тому, как укрощают горячего скакуна, и казалось, не было причин, которые помешали бы ему укротить Англию. Вначале он пытался показать себя снисходительным и добрым, однако эти попытки потерпели неудачу. Было слишком очевидно, что норманны захватили Англию и намеревались воспользоваться своей добычей. Владения, принадлежавшие погибшим танам и графам, сражавшимся с Гарольдом, были конфискованы и разделены норманнами: это была судьба войны, но она была печальной и несправедливой. В те дни многие молили Бога, чтобы при-

шел еще один Годвин, который набросился бы на этих иноземных стервятников, терзающих английское сердце. Но вспомним, что даже во времена Исповедника частной собственности всегда угрожала опасность. Его жена была изгнана из страны, лишена богатого наследства, которое Эдуард получил вместе с ней. И владения Годвина так же, как и многие другие, были захвачены и розданы вновь во времена правления этого набожного короля, которого все готовы были причислить к лику святых и оплакивать.

После того как Вильгельм отдал приказ своей армии прекратить набеги и разрушения, время от времени случались грабежи и хищения, в чем вряд ли можно обвинять короля. Реально он был королем лишь незначительной части Англии. Нельзя было распускать армию: она должна была находиться в одном месте для возможной защиты от врагов. Однако наличие такой ненасытной орды, нуждавшейся в пище и жилье, где каждый выказывал бы недовольство, не получив личной выгоды от богатой страны, которую помог завоевать, не могло не приводить к опустошению. И все же существует одно обстоятельство — герцог намеревался быть хозяином новых территорий и мог использовать англичан, чтобы держать своих нормандских последователей под контролем.

Одновременно он был весьма снисходителен к соотечественникам в их стремлении к власти и расширению владений за счет англичан. Есть трогательные картины, изображающие, как король передвигался по стране в ранний период правления. Вдовы танов и простолюдинов выходили с маленькими детьми, взывая к милосердию и умоляя вернуть хотя бы часть своего состояния, чтобы избежать нищеты. Несчастные женщины! Им выпала тяжкая доля: больше всех страдают от перемен и потерь именно женщины разрушенной войной страны, а не герои, погибшие или уцелевшие в бою и рассказывающие истории о сражении, победители или побежденные. Мужчины терпели беды более или менее справедливо — им воздавалось должное за их участие в борьбе. Им открывались великие истины,

когда они держали в руках оружие, неважно, на чьей стороне.

Нормандским баронам, которые последовали за своим вождем через Ла-Манш, были даны определенные обещания, и они были выполнены. Надо полагать, бароны были полностью удовлетворены приобретениями — покоренными землями и властью. Они становились королевскими магистрами и советниками, и год от года росло недовольство по поводу всего этого со стороны англичан, ненавидевших как нормандских лордов, так и налоги, выплаты которых требовал король. Сильными сторонами саксонской цивилизации были местное самоуправление и независимость, а слабыми — недостаток единства, централизации и единовластия. Вильгельм был достаточно мудр, чтобы преодолеть это. Вместо предоставления феодалам полного господства, при котором каждый нормандский барон чувствовал себя царьком с правом чеканки монет и безраздельной властью в своих владениях, герцог добивался феодальной зависимости и лояльности, абсолютного подчинения подданных. Однако с введением в жизнь таких законов Англия должна была походить на королевство времен Карла Простоватого или Гуго Капета, в котором феодальные лорды препятствовали его прогрессу.

В конце концов в Англии люди стали получать землю непосредственно от короля, неся перед ним ответственность. Совет старейшин продолжал существовать, но превратился в подобие королевского суда, в котором места имели официальные лица королевства и феодальные лорды. Совет постепенно становился органом, состоявшим из меньшего числа людей, но они теснее были связаны с высшими лицами королевской власти. Не следует забывать, что Завоеватель не заявлял своих прав на трон, а получил его силой оружия. Он всегда настаивал на том, что был законным преемником Эдуарда, и имя Гарольда Узурпатора было исключено из списка английских королей. Следуя этому убеждению, он старался уважать на-

циональные обычаи страны, выставляя себя как можно более истинным англичанином. Его планы преодоления слабости и изолированности английских институтов, придания им европейских черт содействовали переменам и поставили неразвитое королевство в один ряд с ведущими европейскими державами. Даже налоги, которые неохотно выплачивались гражданами, заставляли расширять предпринимательство и интенсивно использовать ресурсы. Последующие достижения Англии берут истоки на заре ее процветания, когда руки Вильгельма убрали с полей остатки прежних урожаев и превратили земли садов в пустыню лишь затем, чтобы подготовить их к будущим урожаям.

При Вильгельме положение низших классов улучшилось. Их права и свободы расширились, и они уже могли претендовать на законную защиту от тирании хозяев. Однако высшие слои общества были разочарованы и недовольны — дух законов изменился, язык двора стал иностранным, а модифицированная феодальная власть короля способствовала тому, что все высокие должности занимали иностранцы, которые теперь могли удерживать конфискованные владения и смеяться над прежними хозяевами, обедневшими и лишенными ресурсов. Страна стала вотчиной деспота, Англия была лишь частью Нормандии, король часто отсутствовал, более занятый делами герцогства, чем королевства. Тем не менее, как уже часто случалось раньше в истории этой растущей нации, шел безусловный процесс слияния, и, хотя разгорался огонь недовольства, золото (то, что было английским, и то, что было нормандским) сплавлялось вместе, и в итоге получился драгоценный сплав.

Легче понять индивидуальность и жизненную силу нормандского народа, увидев новые черты, которые привнес его приход в Англию в английский характер. Иногда стоит вспомнить об этом. Норманн времен Завоевателя уже был хозяином мира. Сковывали английскую жизнь местные интересы и недостаток единства. Можно обнаружить

почти племенные черты в завистливых устремлениях герцогов, недостатке симпатии или братства в отношениях между различными районами острова. Графы Вильгельма управляли лишь отдельными графствами, и рост их независимости был невозможен. Огромным благом для его новых владений стала тщательно продуманная система законов. Если продолжить знакомство с его правлением (твердым и жестоким, как может показаться), то оно больше похоже на твердость хирурга, чем на жестокость палача. Присутствие норманнов среди других наций казалось раздражающим, но столетия, которые пролетели с тех пор, сгладили оставленные шрамы, а стимулирующее воздействие их энергии, горячих амбиций помогло остальному миру сделать шаг вперед.

Оценивая поступки воинственных норманнов и их последствия, не стоит забывать их молящихся собратьев, которые стояли с ними плечом к плечу, также становясь хозяевами английских земель, и не покладая рук работали на новых местах. Мы должны быть благодарны им за набожность и образованность, за церкви, которые они основали, хотя и высмеиваем их жадность, чрезмерное внимание к земным заботам, скрывающиеся за монашескими одеяниями. Ланфранк стал епископом города Кентербери, и, где бы ни развевались знамена Завоевателя, где бы ни добивался он устойчивого положения, по мере того как прилив его военизированного правления то отступал, то надвигался, везде он строил церкви и монастыри. Особенно он заботился об аббатстве с высокими башнями, которое было воздвигнуто на том месте, где Вильгельм сбросил флаг Воина и водрузил знамя Трех львов Нормандии, и посвящено Великой битве.

Прежде чем пойти далее, проследим за возвращением короля домой, в свое герцогство, весной после его первой зимы в Англии. Трое англичан сопровождали его королевское величество — графы северных провинций Эдвин, Моркер и Уолтхоф. Догадываясь, что за этим скрывается нечто большее, чем просто комплимент, они не спешили

начать открытую ссору, которой Вильгельм старался избежать. Не было ничего опаснее в этом неопределенном состоянии Англии, чем оставить ее с непокорными вождями, которые могли составить заговор во время отсутствия Вильгельма. Кроме того, неплохо было бы показать неотесанным островитянам великолепие нормандского двора.

Нормандские хроникеры нечасто соглашались допустить, что Англия была в чем-то на равных с их герцогством. Однако, описывая триумфальное возвращение Вильгельма, они теряют бдительность и восторженно повествуют о золотых и серебряных изделиях, которые он привез с собой, и великолепных вышивках, гобеленах и подвесных украшениях, церковных одеяниях, хотя позднее стараются поразить воображение читателя языческим убожеством общественной жизни за Ла-Маншем, которому должно было положить конец внедрение христианства. Церковь за церковью богато одаривались трофеями, а личная церковь Завоевателя, храм Святого Стефана в Кане, получила больше всех. Кроме английских богатств, мы не должны забывать и о том, что привез Гарольд Хардред для снабжения всем необходимым столь желанного для него королевства. Есть предание об огромном слитке золота, добытом им в восточных походах, таком тяжелом, что двенадцать сильных молодых мужчин с трудом несли его. Эдвин и Моркер из Нортамберленда, должно быть, смотрели на все это с грустью.

Каким бы предубежденным ни было отношение англичан, у норманнов были все основания гордиться своим седьмым герцогом. Он значительно увеличил их владения, и они действительно гордились им, когда он вновь ступил на нормандскую землю. Это было время Великого поста. Весна еще не вступила в свои права, но все выглядело, как во время летних праздников: люди толпами приходили из отдаленных районов страны в города, через которые должен был пройти Вильгельм. Это возвращение походило на праздники времен Великой Римской империи. Благодарные крестьяне протискивались вперед, чтобы увидеть

вождя. (Мир не забывает оказывать почести великим воинам и завоевателям.) В Руане герцог встретил жену, и это был лучший момент. Матильда мудро правила Нормандией в течение пяти или шести месяцев его отсутствия вместе со старым Роджером Бомоном в качестве главного советника.

Королевская процессия во всем великолепии проходила от церкви к церкви и от города к городу по всему герцогству. Английские трофеи казались неистощимыми удивленным зрителям, и те из них, кто нашел повод отстать дома, когда была нужда в их луках и копьях, теперь готовы были, кусая локти, следовать за доблестными соотечественниками. Вильгельм не мешкал в том, чтобы показать цену новых владений: чем больше его людей будет в Англии, тем лучше, поскольку она может оказаться слишком ненадежной. Он провел много тайных совещаний с Ланфранком, который был его главным советником и сторонником вторжения. Священник — государственный деятель кажется чуть ли не более великим, чем воин — государственный деятель. Много свершений того времени произошло по совету Ланфранка, но никто лучше этих двоих не знал, что покорение Англии находилось в начальной стадии, и, когда смолкал шум криков на улицах и звезды светили над Каном, проходили длинные основательные совещания.

Похоже, ни один из городов Нормандии не связан так с теми днями, как Кан. Проходя по его улицам мимо высоких церковных башен и домов под остроконечными крышами, легко вообразить, как возрождается знаменитое старое поколение норманнов, чтобы заселить его рыцарями, священниками и поэтами минувших дней. Можно представить, что герцогиня Матильда, может быть, жива и занимается делами своего аббатства Святой Троицы, своим любимым поселением монахинь. Люди в восхищении воздают ей почести, с любовью глядя на нее, когда она со свитой проходит по улицам. Кан процветает и веселится. «Большой, сильный, полный торговцев различных мастей;

богатые горожане, благородные дамы, девушки и прекрасные церкви», — годы спустя напишет о нем г-н Фрассарт. Даже сейчас можно, поддавшись искушению, поверить, что видишь те же поля и сады, дома и слышишь те же колокола, что и Вильгельм Завоеватель, после того как стал королем Англии.

В Байе также сохранилась часть древнего города. Там, где норманны устроили свое главное убежище, — в Руане или в Фалезе можно вызвать историю к жизни. Возможно, именно в то лето в Байе началась работа над знаменитым гобеленом, возможно, группа английских гостей, некоторые из благородных дам, искусных в «английской работе» с тонкой шерстяной пряжей и холстами, была привлечена епископом Одо, чтобы начать этот «документ из шерстяной материи», который, как ничто иное, сохранил историческую правду о завоевании Англии. Одо намеревался украсить им новую церковь, оставив свидетельства собственного участия в великой битве и того, что ей предшествовало — клятва Гарольда, его неверность, право Вильгельма на корону.

В рисунках просматривается итальянская манера: фигуры едва походят на англичан или норманнов в том, как стоят или жестикулируют на грубых изображениях. Более поздняя история связывала работу над этими 1500 фигурами с Матильдой и ее фрейлинами, как дань доблести Завоевателя, однако существует множество свидетельств обратного. При более внимательном изучении гобелена сама идея о том, что герцогиня и ее дамы работали над гобеленом, читая молитвы, в то время как армия направлялась в Англию, кажется неправдоподобной. Тем не менее среди всего наносного предания иногда содержатся крупинцы истины. Нет ранних свидетельств истории появления этой работы, и о ее исторической ценности заявил только в 1724 году один французский антиквар. Ее яркие шерстяные нити еще сохраняют цвета на полосе льняной материи шириной в двадцать дюймов и длиной более двухсот футов. Есть сведения, что Одо передал гобелен Совету при

епископе в Байе и он мало пострадал от разрушительного действия времени.

Однако следует вернуться к делам норманнов в Англии. Одо и Вильгельм Фитц-Осборн получили графства Палатин и Герфорд в Кенте и возглавляли руководство страной во время отсутствия Вильгельма. Ненасытность этих нормандских джентльменов была такова, что новые подданные не выдержали: мятежи нарушали спокойствие Англии. Епископ оправдывал свою алчность и заявлял, что лишь выполняет приказы короля. Двое сыновей Гарольда были готовы начать войну из своих неприступных крепостей в Ирландии, датчане и шотландцы также устраивали заговоры против нового хозяина Англии. Ко всему прочему, некоторые норманны оказались предателями и причиняли беспокойство. Однако Вильгельм перед лицом всех этих проблем сохранял спокойствие. Он отправился обратно в Англию в конце 1067 года, проведя лето и осень в Нормандии, и вскоре ему пришлось потратить массу времени, разбираясь в путанице мятежей и недовольства. По мере того как проходила зима, одна непри-

Смерть Гарольда (гобелен в Байе)

ятность следовала за другой. Самым заметным событием была осада Эксетера. Но и здесь Вильгельм был Завоевателем, и Юго-Западная Англия вынуждена была ему подчиниться. На Пасху в Нормандию прибыли послы с заданием, доставить в Англию герцогиню Матильду. Когда она прибыла, архиепископ Элдред благословил ее на титул королевы. Окруженная родственниками и придворными, Матильда не видела скорбных лиц английских женщин, которые потеряли мужей и жилища, были лишены всех сокровищ.

Есть в хрониках одна любопытная запись: многие нормандские дамы, чьи мужья прибыли в Англию с оружием и единственной целью — грабить, отказывались следовать за ними, ибо не были в восторге от моря и полагали, что вряд ли найдут лучшую пищу и жилье на чужбине. Вероятно, резиденция королевы в ее новых владениях была роскошной, однако некоторые нормандские мужчины вынуждены были навсегда вернуться домой, поскольку жены угрожали им, что найдут новых спутников жизни, если будут оставаться одни. И это могло быть только поводом для возвращения, поскольку многие желали вновь увидеть свою страну.

Как саксы, так и норманны с почтением относились к чувствам женщин. Когда перед ними вставали такие серьезные вопросы, как поход на войну, беспричинные предубеждения женщин или их поддержка подобных предприятий часто

Норманнская дама

принимались в расчет. Они, похоже, почти возводились на место древних предсказательниц! Однако, как бы это ни было неприятно для женского тщеславия, следует сказать, что норманны с большим вниманием относились также к ржанию лошадей.

Вскоре после прибытия королевы родился Генрих, младший сын короля, а в отдаленных провинциях Северной Англии была одержана последняя и самая трудная победа этого периода. Само имя, данное ребенку, говорит о желании в какой-то мере определиться с новыми интересами. Вильгельм и Матильда, безусловно, искренне желали благополучия Англии, поскольку английское благосостояние прямо или косвенно было их собственным и это имя было знаком признания наследственного союза с Германией, правящим королем и его более знаменитым отцом. Ничто не поражает нас так, как передаваемые из поколения в поколение злословие и предубеждения, которые история хранит веками. Увидев все в более ясном свете, можно легко объяснить несправедливость. Если бы в Англии тех времен можно было влиять на общественное мнение, принятие новых решений и изменение точки зрения, как в настоящее время (непростая задача), перед Завоевателем и дочерью герцога Фландрии Болдуина открылся бы легкий путь. Они оба могли быть эгоистичны, нетерпимы и жестоки, но были носителями высоко развитой социальной культуры, образования и просвещенности. Прогресс был чем-то таким, по поводу чего англичане тех времен сетовали и отворачивались, хотя, возможно, не подозревая об этом. Вильгельм и Матильда вынуждены были тратить усилия на борьбу с отжившими мнениями, и их приход в Англию сделал очевидной странную вещь: они должны были либо сделать шаг назад, либо заставить подданных двигаться вперед. А ведь они не были сознательными реформаторами, мудрыми миссионерами новой веры, которые пытались дать темным душам широкий взгляд на жизнь.

Но давайте признаем тот факт, что ничья задача не является более неблагодарной, чем задача человека, которой

пытается идти впереди своего времени. Людей сжигали на кострах, вешали, позорили и глумились над ними за гораздо меньшие деяния; фактически ничему более упорно не сопротивляется посредственность, чем стремлению смотреть вперед и предупреждать остальных об опасностях, к которым может привести невежественная близорукость. Ничему так не препятствовали и ничто не подвергали грубым нападкам больше, чем подготовка переписи земель и ресурсов Англии в кадастровой книге¹. И ничто не было так необходимо для хорошего управления и стабильного контроля над государственными делами. Сейчас можно лишь удивляться, что эта работа не была проведена быстрее. Работа государственной машины по необходимости осуществлялась тогда грубее. Нет сомнения, что режим тирании Вильгельма безжалостно и неумолимо прокладывал путь во всех направлениях, не обращая внимания на жертвы. Тем не менее для Англии объединенная и сконцентрированная сила правительства была целью, которой следовало добиваться, Гарольд и его враждующие и завистливые соперники графы, мешая друг другу, неумело управляли страной.

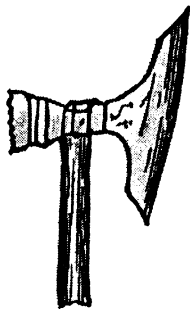
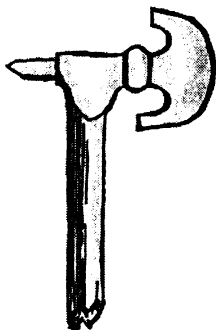
И все же будущее правильное направление движения и процветание Англии были слабым утешением для женских сердец в то время или для безземельных лордов, которые вынуждены были оставаться в стороне и наблюдать за тем, как новые хозяева занимают их места. То, что было добыто мечом Вильгельма, и удерживалось при помощи его меча, и, чем больше англичане бунтовали, тем сильнее они облагались налогами и быстрее изгонялись. Их загоняли в болота, преследования сопровождалась пожарами и кровопролитием. «Англия превратилась в огромную могилу, — пишет Диккенс, — и трупы людей и животных лежали вместе». Первый итог правления Завоевателя был подобен огню, плугу и бороне на клочке земли.

¹ Земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1086 г. — *Прим. перев.*

Это был печальный и трудный период жизни самого Завоевателя: справедлив он был к новым подданным или нет, последние все равно ненавидели его, его далеко идущие планы развития страны вызывали столько же недовольства, как и худшие из его предрассудков или прихотей. Рука каждого была готова подняться против него, и не было глаз, которые не вспыхивали бы злобой при виде короля. Эдуард Исповедник, набожный аскет и почитатель реликвий, любил охоту не меньше, чем его воинственный преемник. Он всегда беспокоился о королевских охотничьих угодьях, но никто и никогда не поднимал голоса против его далекой от святости страсти убивать беззащитных диких созданий и не считал его смиренной душой, любимой ангелами и обучаемой ими во время видений.

Но любовь Завоевателя к охоте всегда была аргументом против него, как если бы он был единственным человеком, виновным в этом, а проведенная им конфискация земель Гемпшира с целью создания новых охотничьих угодий переполнила чашу терпения. Жилища крестьян были разрушены, а земли брошены. Норманн стал хозяином, англичанин — слугой. Королевский поезд из лошадей, собак и охотников в ярких одеждах с треском прокладывал путь в лесу, и из укрытий, из зарослей папоротника, за ним наблюдали люди, посылая вслед проклятия. Шестьдесят восемь королевских лесов уже было в различных частях страны, до того как был облюбован Новый лес. Каждый полагал, что Англия никогда не переживала таких мрачных дней. Однако так же каждый думал и тогда, когда приходили англ, саксы и джyты. И даже это способствовало подъему Англии!

Территории охотничьих угодий не подходили для проживания, и лучше было оставить их зайцам и оленям. Обширные лесные пространства занимали люди низших классов, которые вели почти дикий образ жизни, не имея возможности просвещаться или развиваться духовно. Эти люди были худшими из тех, кто был вне закона, их невозможно было заставить придерживаться установленного порядка взаимоотношений с приличным обществом. Таким об-

Боевые топоры (гобелен в Байе)

разом, для них же было лучше, что их выгнали из логовищ и заставили примкнуть к городскому населению. Среди них, правда, многие страдали незаслуженно. Как «сорняки» Англии были вырваны многие цветы и полезные ростки простого домашнего уклада жизни.

Когда пламя пробирается вверх по городским воротам, невозможно не ощутить его враждебности по отношению к благородным строениям прошлого, даже если оно очистит место для более высоких церквей и лучших жилищ. Критикуя правление Вильгельма Норманна в Англии и противясь ему, должно усматривать в этом волю Бога и свидетельство силы Провидения, которое действует через людей и видит конец вещей в самом их начале, чего не может человек. Возможно, есть некоторое преувеличение в описании Вильгельма из Малмсбери плохого состояния страны во времена завоевания, однако сделанные им выводы не могут быть далеки от истины.

«В процессе развития, — пишет он, — в течение нескольких лет до прибытия норманнов любовь к литературе и религии стремительно угасала. Представители духовенства, довольствуясь скудными знаниями, едва могли произнести слова Священного писания, а человек, понимающий грамоту, вызывал удивление. Знать предавалась распутству. Простые люди, оставшись без защиты, становились жертвами могущественных властителей, которые увеличивали состояние либо захватывая собственность, либо продавая ее владельцам в другие страны, хотя неотъемлемой чертой образа жизни этих людей были кутежи, а не накопительство. Повсеместно распространилось пьянство, в пирушках люди проводили дни и ночи. Их имущество хранилось в грязных жалких лачугах, в отличие от норманнов и французов, которые жили в великолепных дворцах».

«Не может быть сомнений, — рассказывает г-н Брюс в своей книге о гобеленах Байе, — что с внедрением изысканного стиля условия жизни людей улучшались и поновому оценивались чувства». Вполне определенно, завоевание дало мощный толчок развитию знаний. Период

норманнского вторжения характеризуется всплеском интеллекта в школах континента. Нормандия больше остальных выиграла от этого. Вильгельм привез в Англию некоторых выдающихся учеников школы своего родного герцогства, последствием чего стал небывалый расцвет английской литературы».

Одним из грандиозных шагов вперед было освобождение низших классов. До этого существовала категория слуг — простолюдинов, прикрепленных к земле, передаваемых вместе с ней и не имевших права выбирать хозяина или предпринимать какие-либо шаги для улучшения своего положения. Другой большой класс, тьюзы, был абсолютной собственностью владельцев. Поэтому принятый Вильгельмом закон, согласно которому каждый раб, проживший, не вызывая подозрений, в течение года и дня в любом городе, обнесенном стеной, становился навеки свободным, был для многих «вратами надежды». На таких людей благотворное влияние оказывали городская жизнь, естественное соперничество и возможность развивать знания, а также еще один стимул — приобщиться к богатым. Вильгельм приветствовал рост общественного самосознания, которое стало наконец достаточно сильным, чтобы утверждать свои права. Он покончил с работорговлей в Бристоле, чем, безусловно, нажил немало врагов.

Каковы бы ни были лучшие черты королевского характера и его прежние цели по отношению к своим королевству и герцогству, по мере того как он становился старше, его репутация ухудшалась. Должно быть, управление людьми стало казаться ему неблагодарным занятием, и он все меньше беспокоился о том, чтобы смягчать суровость своих вассалов. Его взаимоотношения с домочадцами всегда были островком света в его суровой тяжелой жизни, но со временем даже любимая жена Матильда перестала оказывать ему поддержку и огорчала его, защищая их беспокойного сына Роберта, который был ее любимцем. Роберт и его мать правили Нормандией, когда он был еще ребенком, а его отец находился в Англии. Они, похоже, впоследствии всегда

были союзниками, даже когда Роберт вырос и потребовал прав на Нормандию, что разозлило его отца. Немедленный отказ привел отпрыска в такое бешенство, что он стал объезжать королевские дворы Европы, жалуясь на проявленную несправедливость. Он увлекался музыкой и танцами, тратил уйму денег, которые королева всегда готова была высылать ему. У него был дар нравиться, хотя на большее он был не способен.

Впоследствии Вильгельм обнаружил, что существует тайный посланник, который доставляет запрещенные передачи строптивому принцу. К счастью, гонцу удалось укрыться в монастыре по соседству. Он облачился в соответствующую одежду и, можно надеяться, искренне принял монашеский обет. Вот что рассказывает Ордерик Виталий о встрече, состоявшейся между королем и королевой: «Кто же в мире, — вздыхал король, — может надеяться найти верную и преданную жену? Женщина, которую я любил всей душой и которой доверял королевство и сокровища, поддерживает моих врагов, обогащает их моей собственностью, тайно вооружает их против моей чести, возможно, желая погубить меня». Матильда отвечала: «Не удивляйся, умоляю тебя, потому что я люблю моего первенца. Будь Роберт мертв и окажись он в могиле на глубине семи футов под землей, если моя кровь могла бы вернуть его к жизни, она бы потекла к нему. Как я могу наслаждаться роскошью, в то время как сын испытывает нужду? В моем сердце нет жестокости! Ты не властен заглушить любовь материнского сердца». Хроникеры уверяют, что король не наказал королеву, а между тем Роберт ссорился с братьями и выказывал открытое неповиновение отцу. Тем не менее он всегда встречал сочувствие со стороны матери.

Вскоре обнаружилось, что король Франции готов, из зависти к могуществу Вильгельма, поддержать его сына. Роберт укрылся в одном из замков Франции и при каждом удобном случае совершал разорительные вылазки в Нормандию. Во время одного из таких набегов Вильгельм напал на него. Отец и сын сражались друг против друга, не

зная об этом, до тех пор пока король не был сброшен с лошади, в чем Роберт впоследствии публично покался. Спустя какое-то время (когда вступились бароны), уступив мольбам и стенаниям Матильды, Вильгельм согласился на примирение. Он даже сделал сына своим наместником в Нормандии и Бретани.

В 1083 году королева умерла, и не нашлось никого, кто сказал бы хоть слово против ее благоразумия, добродетелей или набожности. Не было лучшей женщины ни в одной монастырской келье Нормандии, чем эта, которая несла тяжкое бремя нормандской короны и закончила печальную миссию правления покоренным народом так хорошо, как только могла. Жалко было смотреть, как король переносит горе. Вдобавок ко всему, вскоре в Новом лесу был убит их второй сын Ричард. Это место стало местом несчастий королевского двора. Затем последовала другая неприятность, которая затронула не только королевские чувства, она вызвала отчаянный гнев.

Вильгельм был добр ко всем родственникам со стороны матери, особенно к своему сводному брату Одо, епископу Байе. Он оказал ему много почестей и задолго до рассматриваемых событий пожаловал титул вице-короля Англии. Однако даже этого оказалось недостаточно для честолюбивого священнослужителя. Под предлогом сбора налогов (нет сомнения, он ссылался на скупость и алчность короля) он организовал процветающую систему поборов. Вскоре обнару-

Одо, епископ Байе

жилось, что у него были амбиции занять папский престол в Риме и что он использовал деньги для подкупа кардиналов и завоевания доверия итальянской знати. Он купил дворец в Риме, роскошно обставил его и начал снаряжать флот, груженный сокровищами, на остров Уайт. Однажды, когда корабли были почти готовы к отплытию, а группа джентльменов, участвующих в предприятии, спокойно ожидала на берегу, внезапно появился Вильгельм. Король сурово отчитал собравшихся. Он говорил о неверности Одо, несмотря на полное доверие, которое ему всегда оказывалось, об угнетении им Англии, об обирании церквей и конфискации их земель, сокровищ и о том, что он добился, чтобы эти рыцари отправились вместе с ним в Рим, — эти воины, которые поклялись отражать нападения врагов на королевство!

После того как все грехи Одо были перечислены, он был схвачен. Он кричал, что является лишь духовным лицом и слугой Всевышнего, заявлял, что не может быть приговорен без суда Папы Римского. Стоявшие рядом люди взволнованно переговаривались, поскольку никто не знал, как поступят потом с ними. Хитрый Вильгельм ответил, что он арестовывает не духовное лицо, не прелата, епископа Байе, а графа Кента, своего временного наместника, который должен отчитаться перед ним за плохое вице-королевское правление. В течение следующих четырех лет Одо вынужден был сносить тяготы заточения в старой башне Руана.

Эти последние четыре года земной жизни Завоевателя были мрачными. В 1087 году Вильгельм вернулся в Нормандию в последний раз — стране досаждал французский король. Одни говорят, что ссора началась между младшими членами семьи, другие — что Филипп потребовал, чтобы Вильгельм стал вассалом Англии. Ордрик Виталий, наиболее объективный из нормандских историков, заявляет, что спор возник по поводу права собственности на французские районы Уэссекса.

Завоеватель теперь был немолод, а выглядел еще старше. Он так никогда и не оправился полностью от того падения, когда Роберт сбросил его с коня, кроме того, страдал от

других болезней и располнел. Врачи Руана постоянно следили за его здоровьем. Король Франции насмеялся над его немощью, и поэтому в конце июля Вильгельм все же начал свою последнюю военную кампанию. Несомненно, он получил большое удовольствие, предав огню город Мантес. Когда пожар утих, Вильгельм верхом проскакал через покоренный город. Конь, ступая среди дымящихся развалин, вдруг встал на дыбы и перебросил неуклюжего седока вперед, через высокую луку седла. Для короля это был смертельный удар. Когда его привезли в Руан и он предстал перед докторами, он был очень плох. Вскоре у него началась лихорадка, приступы следовали один за другим в течение долгих шести недель. Жестокая лихорадка, жара, стоящая в середине лета, безразличие сиделок — это заставило его по-новому взглянуть на страдания, которые он причинил людям. Тем не менее мы можем лишь пожалеть его, когда он говорит: «В то время, когда мой отец по собственной воле отправился в дальние страны, оставив на меня герцогство Нормандия, я был всего лишь восьмилетним ребенком, и с того дня до сих пор я всегда терпел тяжесть своих доспехов».

Все три королевских сына — Руфус Вильгельм, Роберт Куртхос и Генрих Боклерк — горели желанием получить наследство. Однако король послал за Ансельмом, набожным аббатом, приказав сыновьям находиться рядом, когда он будет исповедоваться в грехах перед смертью. Он дал указания, касающиеся положения дел в Англии и Нормандии, раздал деньги и сокровища беднякам и церквям, даже сказал, что хотел бы, чтобы восстановили церкви, недавно сожженные в Мантесе. Затем он позвал сыновей к ложу, повелев присутствующим, баронам и рыцарям, присесть. Затем, если верить «Ордерику Виталию, Завоеватель произносит выразительную речь, анализируя свою жизнь и свои достижения, а также карьеру своих товарищей».

Писатели-хроникеры имели привычку вкладывать в уста умирающих королей набожные длинные речи. Читая эти заметки, нельзя избавиться от подозрения, что старый монах сидел в своей келье и спокойно составлял этот мо-

полог, включив туда все, что Вильгельм мог бы сказать. И все же в правдивости многих высказываний трудно сомневаться. Нам все равно, что он говорит относительно Могера или короля Генриха, относительно битвы при Мортмере или великой битвы при Вал-и-Дюне, но когда он говорит о своей верности церкви и дружбе с Ланфранком, Гербертом и Ансельмом; о том, что построил семнадцать мужских и шесть женских монастырей (эти «духовные крепости, в которых смертные учатся сражаться с демонами и плотскими страстями»); когда он велит своим сыновьям прислушиваться к словам мудрых людей и следовать их советам, быть справедливыми и не жалеть усилий на борьбу с пороками, помогать бедным и немощным, наказывать горделивых и эгоистичных, не допускать того, чтобы они наносили вред соседям, чтобы благочестиво посещали церковь, предпочитали службу Богу стремлению к земным благам, — когда он говорит это, мы верим, что он действительно раскаивается в том, что лишал крова несчастных англичан, обрекая их на голодную смерть, и в жестоким негодованием, которое проявил, когда у стен Дарема были убиты несколько сотен его храбрых рыцарей. У него хватило смелости никому не отдавать добытого неправедным путем английского королевства, никому за исключением Бога. Но если Богу угодно, он надеется, что Руфус Вильгельм будет его преемником. Роберт может править Нормандией. Генрих возьмет из казны серебра на пять тысяч фунтов. У него пока не будет земель, но пусть он терпеливо ждет времени сменить старших братьев. (Придет время, и он станет наследником всего.)

Наконец король неохотно дает разрешение освободить Одо вместе с другими государственными преступниками. Он предсказывает, что Одо вновь нарушит спокойствие и станет причиной смерти тысяч людей, и добавляет, что епископ не ведет себя строго и скромно как подобает слуге Господа. В качестве последнего акта милосердия король возвращает земли Бодри, сыну Николая, «потому что тот без разрешения оставил мою службу и отправился в Испанию.

Теперь во имя любви к Богу я возвращаю ему все, я не верю, что есть лучший рыцарь в доспехах, чем он. Однако он непостоянен, расточителен и склонен к скитаниям».

Утром восьмого сентября душа великого человека покинула тело... Король, едва дыша, лежал в беспокойном сне, когда начали звонить колокола храма. Он открыл глаза и спросил, который час. Ему ответили, что подошло время заутрени. «Затем, насколько ему позволяли силы, он призвал Господа и Святую Деву Марию и, все еще продолжая говорить, отошел в мир иной, в полном сознании и не исказив своих последних слов».

«Как только король покинул этот мир, многие его слуги, в страшной суете, выносили богатые подвесные украшения, гобелены и многое другое — все, что можно было унести. Прошел целый день, прежде чем тело было положено в гроб, поскольку те, кто был приучен ранее бояться его, теперь оставили его лежать в одиночестве. Однако когда новость распространилась, то длинной процессией стали подходить епископы и бароны. О теле хорошо позаботились, и оно было доставлено в Кан, как ранее велел король. Не было ни одного епископа в провинции, аббата или благородного принца, которые бы не пришли на похороны. Кроме них, было множество монахов, священников и других духовных особ».

Так пишет г-н Вэйс в своем длинном рифмованном рассказе, но он заканчивается не так, как подобает славе Завоевателя. Монахи, поющие псалмы, едва успели установить гроб с телом внутри церкви, как кто-то крикнул: «Пожар!» — и все, за исключением нескольких монахов, которые стояли у гроба, бросились прочь, оставив церковь пустой. Когда они вернулись, служба продолжилась, но как только могила была готова, среди монахов и баронов возникло движение и вперед протиснулся один из вассалов, Аскелин, сын Артура. Он взобрался на камень, чтобы его лучше слышали, и закричал: «Вы, лорды и священники! Вы не похороните Вильгельма на этом месте. Эта церковь Святого Стефана построена на земле, которую он захватил у меня и у моего двора. Он силой забрал ее, и я требую спра-

ведливого суда. Я должен отплатить ему за то, что он мне сделал».

«Сказав это, он спустился вниз. Обсуждая сказанное, люди подняли такой шум, что никто ничего не мог слышать. Одни уходили, иные приходили, и все изумлялись, что великий король, который покорило столько земель и захватил столько городов и замков, не может назвать своей даже ту землю, что займет его тело после смерти».

Нам следует закончить чтением хроники саксов, в которой не так много лести, как в нормандских записях.

«Увы, как обманчиво земное благополучие! Когда-то он был богатым королем и хозяином многих земель, теперь из всех земель он имеет лишь семь футов пространства. Тот, кто прежде носил одежды, украшенные золотом и драгоценными камнями, сейчас лежит распростертый в могиле! Если кто-то хочет знать, каким он был человеком, чему поклонялся и хозяином скольких земель был, тогда напишем о нем так, как мы это видели, потому что мы смотрели на него и иногда присоединялись к нему.

Король Вильгельм, о котором речь, был очень мудрым и богатым, более почитаемым и сильным, чем любой из предшественников. Он был мягок к добрым людям, которые любили Бога, и безмерно суров к тем, кто противостоял его воле. На землях, завоеванных им по воле Господа, он воздвигал монастыри и церкви, селил там монахов и снабжал их всем необходимым.

Он был также очень достопочтенным. Каждый год, находясь в Англии, он надевал королевскую корону. На Пасху носил ее в Винчестере, в Троицын день — в Вестминстере, в середине зимы — в Глостере, и тогда его сопровождали богатые люди всей Англии: архиепископы и епископы епархий, аббаты и графы, таны и рыцари. Он действительно был строгим человеком, мог легко разгневаться, и ни один человек не осмеливался поступать против его воли. В его тюрьмах было полно графов, которые выступали против него. Епископов он лишал епархий, аббатов — аббатств, а таны заточались в тюрьмы. В конце правления он не сделал исключе-

ния даже для своего брата Одо: его он посадил в тюрьму. Мы не должны забывать о мире, который он установил в этой стране, так что состоятельный человек мог путешествовать по королевству невредимым, имея при себе много золота. И ни один человек не осмеливался убивать другого, даже если жестоко страдал от зла, причиненного ему.

Он правил Англией и так тщательно изучил ее, что не было в Англии земли, чтобы он не знал, кто ею владеет и какова ее стоимость. Он властвовал над всем. Ему принадлежал Уэльс, и там он воздвиг замки, кроме того, владел Менкином, его силе подчинялась Шотландия, Нормандия принадлежала ему по праву, и еще он правил графством Мен. И если бы он прожил еще хотя бы два года, получил бы и Ирландию, даже не применяя оружия.

В его времена люди платили большие налоги и испытывали трудности. Он позволял строить замки, а бедные люди облагались жестокими налогами. Король, а чаще его чиновники, был жестким, забирал у подданных много марок золота и сотни фунтов серебра, забирал это у своего народа иногда по праву, а иногда без права и без нужды. Его часто обуревала алчность.

Король и знать любили, даже чрезмерно, купаться в золоте и серебре, их нисколько не заботило то, какими путями им это доставалось.

Он устроил много оленьих заповедников и установил там свои законы: убившего оленя ослепляли. За собой же король оставлял право убивать оленей и кабанов. Он любил благородных оленей так, как если бы они были его детьми. И он постановил, что они, как зайцы, должны быть на свободе. Богатые от этого рыдали, бедные роптали, но его мало заботила всеобщая ненависть. Он считал, что все должны следовать воле короля, если хотят иметь земли, богатство и его расположение.

О Господи! Вряд ли был другой человек с таким скверным характером, который бы так возвышал себя надо всеми остальными! Отнесется ли всемогущий Бог благосклонно к его душе и простит ли его грехи? Вот что мы написали

о нем, как хорошее, так и плохое, и в силу великодушия люди могут отбросить зло, выбрав добро, и пуститься в путь, который ведет в Царство Божье».

XVII

КОРОЛЕВСТВО И ГЕРЦОГСТВО

Хотя существуют на земле разногласия, бессмысленная суэта, вперемешку с тяжким трудом, все еще есть спокойные слуги, делающие свое дело.

Мэтью Арнольд

Вильгельм Руфус поспешил заявить права на английское королевство еще до смерти своего отца. Роберт тогда находился в Аббевилле и, как говорят, проводил время в компании певцов и шутов, радуясь перспективе в недалеком будущем получить герцогство. Генрих припрятал свои пять тысяч фунтов серебра и проводил время так же. Нормандия была в смятении, что всегда происходило в стране в те дни, когда один хозяин уже снял корону, а следующий еще не надел ее. В нормандских церквях служились обедни за упокой души Вильгельма Завоевателя, и вскоре, на излете осени, когда дни становились все короче, пришло известие о том, что Англия приняла Вильгельма Руфуса, с большой радостью сделав его королем. С восхождением нового монарха на трон всегда связывались большие надежды. Безусловно, он дал много обещаний, но тогда никто не знал, что ни одного из них он не сдержит.

Ни для Англии, ни для Нормандии не было перспектив большой безопасности. Роберт стал герцогом, и у него было много друзей, в любви и уважении которых можно было не сомневаться до тех пор, пока у него были деньги. Он был сердечнее братьев, но не годился для роли правителя. На смертном одре Завоеватель сказал о нем своим баронам: «Он также будет служить королю Франции. В Нормандии много храбрых людей, я не знаю никого, кто бы мог сравниться с ними. Это благородные доблестные рыцари, которым покоряются все земли на пути. Если у них есть хороший пред-

водитель, то они будут сеять страх. Однако если у них не будет господина, которого бы они боялись и который бы сурово управлял ими, то их служба вскоре станет ни на что не годной. Норманны мало чего стоят без строгого правосудия, они должны преклоняться и подчиняться воле правителя, и тот, кто держит их под пятой и крепко сжимает удила, может рассчитывать, что они как должно будут служить его делу. Они высокомерны и горды, хвастливы и самонадеянны, ими тяжело управлять, и постоянно нужно держать их в руках, так что Роберту придется сделать многое, чтобы управлять такими людьми».

Умиравший король, должно быть, с грустью думал о том, что амбиции Роберта превышали его возможности. Веселый джентльмен причинил много хлопот отцу, но именно ему предстояло принять на свои плечи бремя правления Нормандией. Рыжий принц Вильгельм был послушным долгу сыном, и он хотел занять достойное место в Англии. Он любил порядок и имел светлую голову на плечах, чтобы управлять другими. «Несчастливые парни, — должно быть, не раз вздыхал старый отец, — было бы очень неплохо все время оставаться принцами и рыцарями, и веселыми наездниками и придворными, но человек, которому предназначено управлять королевством, должен пробивать путь в одиночку, встречая много препятствий и мало помощи».

Шло время, и оба двора, меняясь, все меньше походили на те, которые были во времена Вильгельма Завоевателя, а между рыцарями происходили бесконечные распри. В Англии норманны жаловались на разделение королевства и герцогства. Одо, который вновь получил свое графство Кент, был полон злобных предательских планов и без труда убедил всех в том, что у них нет шансов сохранить земли и права под управлением Руфуса, а значит, гораздо лучше для всех свергнуть его и оказывать почести герцогу Нормандии Роберту, как это было в прежние времена. Роберт был легкомыслен и слишком мягок, а Вильгельм — силен и своеволен. Роберт был готов сразу же поддержать замысел Одо, и через некоторое время Вильгельм стал понимать, что про-

исходит. Он обнаружил, что мятежники под предводительством Одо укрепляют свои замки и привлекают многочисленных последователей — фактически вся Англия готовилась к гражданской войне. Король немедленно осадил город Рочестер, где укрывался Одо, и подавил восстание.

Роберт то ли оказался слишком ленивым, то ли ему не удалось сдержать свое обещание прийти на помощь союзникам. В гарнизоне разразилась эпидемия, которая свирепствовала до тех пор, пока Одо не направил посланцев просить о прощении. Он обещал свою полную лояльность и раскаяние. Король гневался и собирался повесить всех главарей восстания, а остальных предать смерти после самых изощренных пыток. В конце концов, однако, его собственные бароны и военачальники взмолились, прося сохранить жизни их друзей и родственников. В результате они были выдворены из страны и лишены всех английских владений. Самому Одо также пришлось покинуть страну. Не будучи больше графом, он вернулся в свою епархию в Байе — у Роберта хватило глупости восстановить его право на это владение — достаточно смиренным. Однако интриги на этом не кончились. Нормандские бароны в Англии были далеко от своих наследственных владений в Нормандии, а безопасности своей власти Вильгельм Руфус был обязан поддержке англичан. Вскоре он направился в Нормандию, где под управлением Роберта дела шли все хуже. Он объявил о своем намерении захватить владения глупого герцога. Роберт уже успел продать часть Котантена своему брату Генриху за часть полученных им в наследство пяти тысяч фунтов. После долгих раздоров, имея перспективу длительной кровавой войны, которой знать с каждой стороны всячески старалась избежать, братья наконец уладили ссору. Они подписали соглашение, по которому после смерти одного из них другой унаследует все земли и богатства. Затем они заключили союз против Генриха Боклерка, который, ничего не ведая, жил в своих честно добытых котантенских владениях. Они вынудили его покинуть страну и отправиться во французское графство Вексен, где, покинутый всеми, он

провел год или два, однако он мог себе позволить ждать наследства, о котором задолго до этого ему говорил Вильгельм Завоеватель.

Вильгельм Руфус вернулся в Англию, и спустя какое-то время началась война с шотландцами, которые, терпя поражения вновь и вновь, наконец успокоились. Затем в свою очередь подняли бунт уэльсцы, и подчинить их было гораздо труднее. Чуть позже Роберту удалось убедить короля Франции объединить силы, и война с Англией была предотвращена благодаря тому, что Руфус откупился от Франции огромной суммой денег.

Все это время Вильгельм Руфус делал что-то хорошее для своего королевства, но гораздо больше плохого, о чем у нас нет времени рассказывать. После смерти Ланфранка король становился все более неуправляемым, у него явно отсутствовали какие бы то ни было религиозные принципы, зато участились ссоры между ним и священниками насчет церковных денег, получить которые стремились обе стороны. Когда умирали епископы или аббаты, король не назначал их преемников, а забирал все их земли себе. Его фаворитом был человек низкого происхождения, коварный и злой, по имени Ральф Фламбард, и они стоили один другого. Вильгельм Руфус обладал лишь незначительными способностями к делам, которые сделали его отца государственным деятелем и организатором. Фактически его неистовство и образ жизни, не сдерживаемый ничем, шокировал даже не самых благонравных его подданных. Он обладал самыми низкими и не заслуживающими уважения норманнскими качествами, и в его поведении проявлялись самые худшие черты его предков. Однажды, когда он был очень болен и боялся умереть, отягощенный своими грехами, то послал за Ансельмом, святым настоятелем, другом и советником своего отца. Он назначил его архиепископом города Кентербери. Место в этой епархии оставалось вакантным со дня смерти Ланфранка за четыре года до этого. Преступное сознание Руфуса на время было успокоено, и люди Англии были глубоко признательны за то, что у них есть такой пре-

лат. Но прошло не так много времени, и между королем и Ансельмом возникли серьезные разногласия. Ансельм смело боролся за то, что считал верным, однако в конце концов был вынужден покинуть Англию и вернуться в Рим, получив приказ никогда не возвращаться обратно.

Роберт был таким же беззаботным человеком, каким он был и в юности; будь то война или мир, угроза или безопасность, он жил так, будто его не беспокоил завтрашний день и у него не было страха перед будущим. Вот так, если говорить кратко, складывались дела в Англии и в Нормандии, и если не принимать во внимание никого, кроме двух этих скандалистов, которые в жестокой борьбе приобрели «королевский шлем» Завоевателя (так г-н Вэйс любит называть корону). Однако строители церквей продолжали работу, как муравьи, перетаскивающие песчинки. Возводились башни, рыцари вели сражения и устраивали парады, женщины занимались домашним хозяйством, сельские мужчины и женщины в обеих странах возделывали поля и год за годом собирали урожай. Время от времени то тут, то там возникали стычки, как мы только что видели, — между королевством и герцогством, между ними и их приграничными врагами. Однако минуло почти десять лет, и дети, которые забавлялись игрушками и уныло дули в охотничьи рожки тем летом, когда умер Вильгельм Завоеватель, выросли и стали взрослыми мужчинами и женщинами. Это бы совсем не походило на прежнюю Нормандию, если бы от города к городу через просторы всей страны не распространилось известие о новой великой военной кампании. Кровь норманнов вскипела вместе с кровью всех христиан, когда стало известно, что турками захвачен Гроб Господень и священный город — Иерусалим. Рыцари Сицилии уже были в походе — в море и на берегу, Мать-Церковь в Риме призвала своих детей в каждой стране встать на защиту ее святынь от дерзких варваров.

Герцог Роберт проявил здесь наибольшее усердие. Совершить паломничество к Гробу Господню и защитить христианские ценности желали многие рыцари, однако это палом-

ничество было самым великим. У Роберта, как всегда, не оказалось денег, но, к его радости, ему удалось заключить сделку со своим более бережливым английским братом. Он заложил Нормандию Вильгельму Руфусу на срок пять лет за сумму несколько меньшую, чем семь тысяч фунтов. Он отправился в путь вместе со своими лордами и соратниками, на правом плече у каждого из них были нарисованы белые кресты, и всю дорогу они пели гимны. Не только лорды и соратники составляли эту огромную процессию, включающую много тысяч людей. На каждой остановке — будь то в жилищах бедняков или в богатых поместьях — к ним присоединялись новые люди. Если нужны были какие-то другие убеждения, кроме просто объявления того, что турки взяли Иерусалим, то они были в проповедях Петра Проповедника. Все это создавало такой религиозный накал, которого мир никогда прежде не знал. От города к городу шел великий священник и не иссякал живой поток его красноречия. Женщины рыдали, молились и отдавали драгоценности и богатые одежды, а мужчины стискивали зубы, сжимали кулаки и, вооружившись, присоединялись к процессии за остальными.

Англия поначалу не принимала участия в этом. Вильгельм Руфус радовался хорошей сделке и обложил большими налогами недовольных подданных, чтобы вернуть деньги, затраченные на крестовый поход его брата. Англия выбрала позицию ожидания и в этом первом крестовом походе принимала незначительное участие, в то время как норманны, французы и все их соседи провели три года, испытывая жестокие страдания в этих незнакомых странах Востока. В конце концов им удалось завладеть Гробом Господним. Тем не менее турки еще сражались и не прекращали попыток захватить его вновь, они были опасными врагами, а христианское войско быстро уменьшалось. Вновь был брошен клич по всей Европе, чтобы привлечь больше воинов под Святой Крест.

И здесь мы сталкиваемся с проявлениями древнего духа викингов: несмотря на быстро распространяющуюся

ся роскошь, которая угрожала подорвать силу Нормандии и сделать жизнь в ней вялой, любовь к приключениям и яростная энергия дремали в душах норманнов. Даже самые сентиментальные и привыкшие к удовольствиям рыцари Роберта смогли легко сбросить ленты и яркие украшения и надеть доспехи, когда их призвали на службу. Они не мешкая выступили в поход и яростно сражались в священных войнах. Вскоре у ворот Иерусалима и Антиохии развевались нормандские знамена, и на Востоке были посеяны семена новых королевств. Здесь нет возможности проследить за судьбами крестоносцев или той ролью, которую норманны Сицилии играли в этом великом предприятии средних веков. Это лишь короткий эпизод в рассказе о норманнах.

В причитаниях старых хроникеров по поводу налогов чувствуются знакомые современные мотивы. Так же, как теперь, в их жалобах смешаны чувства возмущения и печали, однако Вильгельм Руфус, будучи не самым худшим из обидчиков, большое количество денег возвращал назад в виде прекрасных зданий — знаменитый Великий зал в Вестминстере был построен при нем, так же как и прочная стена, окружающая воздвигнутый его отцом лондонский Тауэр около величественного моста через Темзу.

Когда люди более чем когда-либо ожидали проявлений неизменной щедрости в виде, например, золота, бросаемого в толпу, трудно себе представить, как король мог удовлетворить ожидания народа, не собрав предварительно налоги. Тем не менее причитания хроникеров на эту тему, как стрекотание кузнечиков, не умолкали. Все же в этой схеме благотворительности с проявлениями щедрости было что-то ошибочное, что впоследствии порождало нищету, и о таком налоговом бремени можно было только сожалеть.

Вильгельм Руфус умер в 1100 году в Новом лесу. Крестьяне верили, что этот лес был заколдован и проклят и что злые духи летали между деревьями в темные штормовые ночи. Существовало поверье, что это было роковое место для всех, кто принадлежал к роду Завоевателя. Там же был

убит и другой принц, Ричард, — сын герцога Нормандии Роберта.

Последний год правления короля был мирным. Собрался совет старейшин, чтобы приветствовать его в Вестминстере, Винчестере и Глостере. В то время он беспрепятственно правил от Шотландии до Мена, в Париже было заключено перемирие с французским королем. Однажды августовским утром он отправился на охоту после весело проведенной в одном из своих королевских охотничьих домов ночи. Охотники разъехались по лесу в разных направлениях. Однако было замечено, что король и сэр Уолтер Тиррел, известный спортсмен, поскакали вместе, за ними последовали собаки. Той ночью бедный лесник, обжигальщик извести, пробирался через лес с неуклюжей повозкой, когда вдруг споткнулся о тело короля, лежавшее в зарослях папоротника. Глубоко в груди у него засела стрела. Лесник погрузил тело на повозку и отвез в Винчестер, где на следующий день король был похоронен с минимальными почестями — было мало колокольного звона и молитв (священники не слишком дружелюбно относились к Вильгельму Руфусу).

Вокруг его смерти ходили разные слухи. Тиррел говорил, что стрела была выпущена неизвестной рукой и что сам он бежал из страха, что люди обвинят в убийстве его, — что они, конечно же, и сделали. Уверяли также, что Тиррел стрелял в оленя, и стрела отскочила от дуба. Но правды так никто и не узнал. В те дни слишком многие радовались тому, что король мертв, так что лишних вопросов не задавали и не было особого стремления наказать кого-либо.

Согласно старому соглашению, теперь о правах на английский престол мог заявить Роберт, но он все еще находился на Востоке, сражаясь за Иерусалим. В то роковое утро среди охотников находился Генрих Боклерк. Он поспешил в Винчестер и объявил о своем праве на королевство. Он дал больше обещаний, чем любой из предшественников, и людям он нравился, поскольку родился в Англии. Таким образом, Англия получила нового нормандского короля. Генрих Боклерк правил Англией тридцать пять лет и стал из-

вестен под другим именем — Льва правосудия. Он не слишком хорошо обошелся со своим братом, но мог заслужить титул другими путями: у него был зоологический сад, где он разместил хищных зверей из различных частей света, и он в значительной степени способствовал развитию знаний. Генрих не преминул при первой же возможности заточить в лондонский Тауэр Ральфа Фламбарда. Более того, он выбрал в жены красавицу Мод, дочь шотландского короля Малькольма. Он был лживым, но, несмотря на это, великим человеком и лучшим королем, чем некоторые, кого до этого терпела Англия. Во многом его правление пошло на благо Англии: отмечался значительный рост в национальной сфере, и в то время как англичане стонали под его тиранией, нельзя было не заметить, что он стремился к спокойствию и порядку и был лучшим защитником от гораздо худшей тирании знати. Г-н Фримен полагает, что саксонский элемент всегда присутствовал в английской истории и что завоевание Англии норманнами лишь видоизменило его и оказало временное воздействие, которое необходимо было вынести ради дальнейшего улучшения. Бесполезно спорить по этому поводу, имея такие противоречивые сведения, однако второе вторжение северян в Нормандию окольными путями можно также сравнить со сменой бриттов кельтами или датчан саксами. Норманны, сделавшие такой заметный вклад в развитие цивилизации, были такими же чужаками для англосаксов XI столетия, как и другие европейцы, но их приход имел на них постоянное влияние, как никакая другая сила. Кажется, без них Англия не сплотилась бы, а распалась на части, образовав множество воюющих между собой мелких государств.

Несомненно все же, что англичане времен Завоевателя занимали весьма скромное место в истории цивилизации. Как нация, они с готовностью отвечали на нормандское стимулирующее воздействие, однако сами норманны никогда не имели такой хорошей возможности выработать собственные жизненные идеи и добиться достижений, как на английской земле в первые сто лет после завоевания. Во многих

запутанные и мрачные, чтобы их повторять. Стефан, граф Булони, сын того графа Блуа Стефана, который женился на дочери Вильгельма Завоевателя Аделле, незаконно захватил трон Англии, и Англия и Нормандия погрузились в мрачные времена анархии. И по мере того как новое правление переходило в этом явно невыгодном междуцарствии от двора Блуа к Анжу, так и Нормандия уже больше не казалась Нормандией. Ее жизненные силы растеклись по разным руслам, и это уже история Англии, Франции и Нидерландов, где можно искать дальнейшее воздействие норманнского влияния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я осмотрелся: вдали виднелось облако пыли, разоритель оказался также и строителем; и увидел я среди руин старого ростки нового.

Витьер

Совершенно очевидно, что между различными частями этого краткого обзора истории подъема и роста норманнского народа существует явная несоразмерность. Здесь не говорится о воссоединении Нормандии с Францией в 1204 году. Наш рассказ о знаменитом герцогстве заканчивается задолго до этой даты. Однако ранняя история норманнов дает ключ к любому из дальнейших периодов их развития, и нельзя не испытывать удовлетворения от того, что здесь все-таки описаны характеры первых семи герцогов и Эдуарда Исповедника, которые были типичными представителями различных типов национального характера своего времени. О сложных вопросах гражданской и правовой истории сейчас судить сложно, и вряд ли они могут быть темой подобной книги. Имея под рукой в качестве справочного пособия исчерпывающую исследовательскую работу г-на Фримена, читатели этого рассказа о норманнах смогут разрешить все загадки.

Надеюсь, мне удалось убедить читателя увидеть норманнов такими же, какими увидела я, и так же, как я, заинтере-

соваться их судьбами. Они были передовыми людьми своего времени, наиболее энергичными и быстрыми, чтобы увидеть, где возможен прогресс в управлении, архитектуре, социальной жизни. Они были одарены сильными чувствами и хорошим вкусом, а также физической силой и интеллектом. В первые сто лет существования герцогства они совершили такой быстрый прогресс во всех областях и оказали такое заметное влияние на современников, как никакой другой народ в любом столетии, — разве что, возможно, народ Соединенных Штатов, который можно назвать норманнами современности. Поскольку, получив от викингов в наследство и таланты и опасные слабости, он повторил резкий скачок, что подтверждает норманнское родство, покоря естественные силы природы, он добился победы там, где человечество выступало против человечества. То, что отличало северян и норманнов в прежние времена, все еще отличает американцев сегодня.

Секретами успеха норманнов были энергичное самосовершенствование и признание веры, секретами неудач была общая для многих слепота к неизбежным следствиям определенных причин и нежелание прислушаться к лучшим и наиболее дальновидным учителям. Карлейль однажды сказал своему другу: «Еще не было в мире нации, которая бы не сделала что-нибудь великое, не будучи глубоко религиозной». Люди склонны выбирать то, что рядом, и то, что легче осуществить, вместо того чтобы заняться добродетельными делами. Когда роскошь становится не средством, а целью жизни, лучшее оружие человечества становится хрупким, лучший ум — вялым, грозя исчезнуть совсем. Церковь забывает о своих целях, призывая служить церкви вместо служения Богу. Государство все больше уходит от того, чтобы быть олицетворением справедливости и порядка, становясь средством грабежей и достижения корыстных целей.

Я не могу рассказывать о влиянии норманнов на дальнейшую историю королевства Франции, на Францию наших дней, хотя признаю, что автор подобной книги должен был бы сделать это. Однако есть один момент, представляю-

щий большой интерес, поскольку курс северян на юг был с готовностью поддержан.

Создается впечатление, что произошел значительный рост изысканности и учтивости, чувства собственного достоинства, а также богатой образами литературы, связанный с развитием французских мужчин и женщин прежних времен. Современный мир во многом обязан лучшими социальными приобретениями этому постепенному прогрессивному росту.

Полагаю, что достаточно беглого взгляда на Францию IX—X столетий, чтобы отбросить всякие мысли о том, что она была единственным вдохновителем или благодетелем. Франки являлись продуктом германского развития и в то время не превосходили всех остальных в области социальной культуры. Они во многом были более грубыми людьми, чем итальянцы или даже испанцы, менее развитыми духовно, и обладали менее тонким восприятием. Хотя они и были уже великой нацией, никто не может заявить, что такт или нетерпимость к плохому воспитанию восходят к их нации. Позднее Данте говорил о «пьянствующим германцам», и, хотя нам следует допустить наличие значительных расовых предрассудков, в этой его фразе была доля правды. Так что не от франков, а от самих скал и глубоких ущелий природы викингов произошел рост изысканности, который заставил рыжеволосых ярлов и дочерей морских королей привнести восхитительный дух настоящей поэзии в Нормандию, где они породили искусства и литературу. Верно, у каждой нации есть нечто, что она может дать другой, но это был именно норманнский дух, который сделал дарования обеих наций доступными и плодотворными для всего человечества.

Было бы справедливо отметить, что, согласно нашим сегодняшним понятиям, моральные устои в XI столетии всюду были низкими, но верно и то, что на севере вновь зажегся свет, отблески которого можно проследить в его непрерывном отражении от Норвегии до Нормандии и далее до Англии и всего мира. Нам остается только напом-

нить о развитии литературы в Исландии, о построении правительственной и социальной силы и величественной индивидуальности, о том, что северяне ни в коей мере не уступали французскому превосходству. Нам достаточно сравнить X столетие с XI, чтобы увидеть, какой был дан импульс. Любители саг, жители Севера, были одарены грацией, которая была свойственна только им.

Есть рассказ английского путешественника, который, будучи в Норвегии, встретил молодую женщину, ведущую слепого нищего по улицам бедной и неказистой деревушки. Она происходила от одного из благородных семейств древних времен, и ей доставляло удовольствие, она считала своим долгом служить одинокому старому человеку. Путешественник уверяет, что ни в ком из лучших людей, которых он встречал, не видел таких достоинства и грации, с какими держалась эта провинциальная женщина, понятия не имевшая о придворной жизни или о светской эlegantности. В ее речи и манерах было естественное благородство, которому могли бы позавидовать придворные и которое могло бы украсить благородный дворец, став его самым прелестным украшением. Легко писать эти слова с симпатией, хотя, возможно, этот полузабытый рассказ путешественника был несколько приукрашен, если вспомнить собственные посещения этой северной страны. Простота и бедность успокаивают благородную кровь, зеленые склоны холмов и свежий воздух Норвегии до сих пор не перестают вдохновлять неиспорченные души, которые более чем вероятно могут возродить к жизни новое, лучшее поколение.

Импульсы, которые ведут к социальному прогрессу, проходят скачкообразно. При смене великих эпох чередуются времена вынашивания плода и его роста, зима сменяется летом. Если рассматривать норманнов как прекрасное творение весны, когда Европа получила смелое, полезное и разностороннее развитие, я думаю, мы будем недалеко от истины.

Рассказывая историю о норманнах, пусть и в незавершенном виде, я не забывала упомянуть и об их темных сторо-

нах, но то, какими они были, — это постоянная составляющая их национального характера, в то время как то, какими они не были, — всего лишь временная. Оставленные ими пробелы должны были заполниться другими средствами, медленными процессами, при помощи которых Бог развивает в природе и человеке лучшее, что необходимо для настоящего, и вместе с тем предвосхищает будущее. Камни, которые составляют стену храма, так же укладываются по отношению к самому куполу.

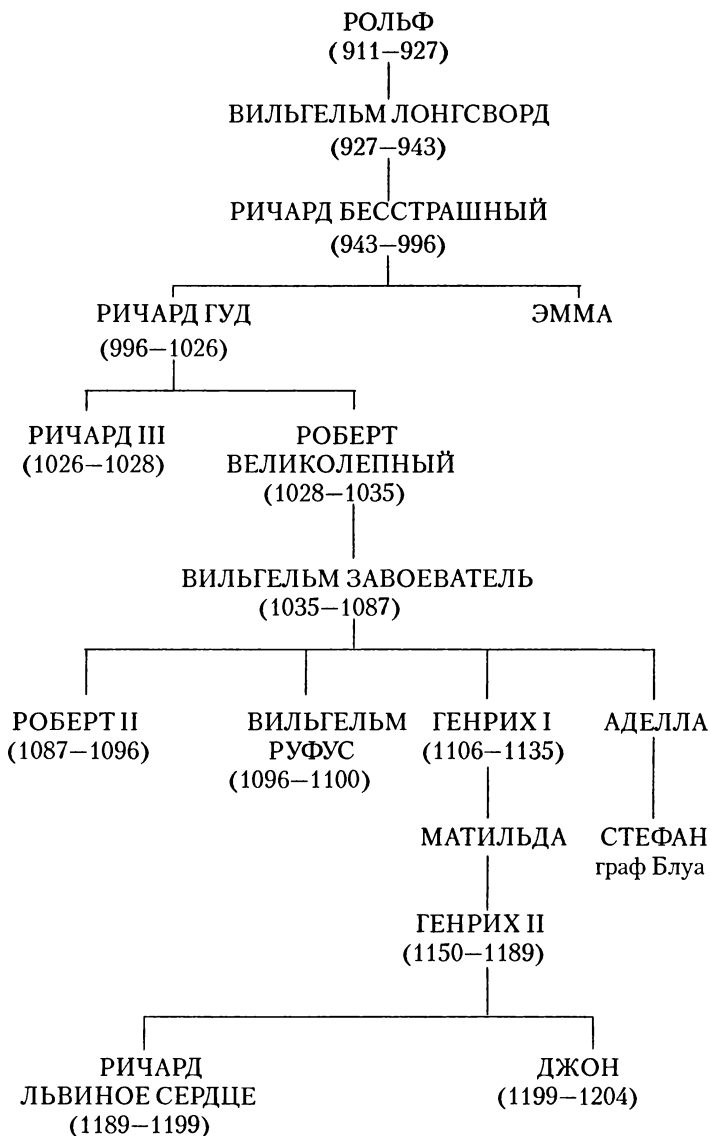
Здесь, в начале норманнского проникновения в Англию, я заканчиваю рассказ об основании и росте норманнского народа. Слияние его яркой, яростной, восторженной и мечтательной природы с флегматичной, упрямой, рассудительной и решительной англосаксов принадлежит, строго говоря, уже истории Англии. На самом деле трудность заключается не в незнании того, где же остановиться, поскольку можно рассказывать о двух расах отдельно даже сейчас, после столетий установления связей и соединения. Все еще сохранились в Англии саксонские землевладельцы, фермеры и государственные деятели, непокоренные, не переубежденные и «не норманнизированные». Однако едва ли возможно рассказать о воздействии на цивилизацию результата слияния двух великих натур в этой или какой-либо другой книге — мы еще находимся слишком близко от него и сами составляем его неотъемлемую часть, чтобы быть непредвзятыми. Если у нас английское происхождение, то мы весьма уверены, что являемся членами одной или другой группы. Будь то саксы или норманны, или даже слияние этих двух наций, мы не в состоянии рассматривать их отдельно друг от друга. Иногда мы должны смотреть на Англию как на позднюю Нормандию. Она являлась лидером, олицетворяя могущество многие сотни лет, набирая силу от самого лучшего, присущего северным расам, и давая миру великих мужчин и женщин, типичных представителей этих рас, призванных величественно представлять свое время в грядущие дни так же, как типичными были мужчины и женщины Греции, которые до сих пор

живы в нашей литературе и в песнях. В королевских дворах и величественных залах Англии, на рыночных площадях, на море и на суше мы видели как триумф и славу современного человечества так и, в не меньшей степени, деградацию, предательство и ошибки. В великой поступи истории мы можем видеть, как нация растет, а затем постепенно вырождается и исчезает, подобно изменчивой человеческой жизни. Однако силы нашей матери-Англии еще не израсходованы, хотя ей угрожают великие перемены, а процессы роста нуждаются в зиме так же, как и в лете. Ее жизнь не является жизнью страны, лишенной гаваней, своими богатствами она обязана своему благородству. Но ведет ли ее норманнский дух самоуверенности, своевольности и упрямства или саксонский дух тянет ее назад, к медлительности и вялости, недостатку надлежащего восприятия в чрезвычайных обстоятельствах или в эпохи необходимых перемен — она все еще следует в правильном направлении. Именно благодаря норманнской прививке на крепкое старое саксонское дерево был возвращен лучший среди других наций плод, и Англия заняла ведущее место в истории, стала Англией великих ученых, солдат и мореплавателей, страной великих мужчин и женщин, книг, кораблей, садов, картин и песен. Существует множество старых английских домов, за серыми стенами которых воспитывались многие поколения тонких, чувствительных и изысканных душ мужчин и женщин, которые своими умом, грацией и настоящими гордостью и красотой заставляют нас понимать старую норманнскую красоту, вновь возрождая времена рыцарства.

Если последовать дальше, можно обнаружить в пустынных горных долинах и фиордах Норвегии еще более изысканные и благородные достоинства. В стране сочинителей саг и грубых морских королей около крутобережных гаваней, где находили укрытие корабли викингов, продолжают существовать неизменно повторяющиеся символы далеких предков и вновь расцветают саги, как в прежние времена. Среди красных крыш и серых стен нормандских городов, и

неярких красок северной природы, среди зеленых изгородей и золотых пшеничных полей Англии более пышно цветут те же цветы, семена которых были привезены из Норвегии и Дании и попали на более плодородную почву. Сегодня северяне, норманны, англичане и американцы имеют одну родословную и, обладая богатым наследством, должны укреплять родственные узы.

ГЕРЦОГИ НОРМАНДИИ

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Люди с кораблей-«драконов»**3
Древние северяне. Образ жизни. Быт и гостеприимство. Сочинители саг. Морские короли и викинги. Карл Великий и викинги. Морские путешествия викингов и их колонии. Северяне во Франции. Современное наследство, оставшееся после северян.
- II. Рольф Гангер**.....29
Гарольд Хаарфагер. Ярл Рюгнвальд. Объявление Рольфа вне закона. Карл Простоватый. Архиепископ Руана. Гастинг. Осада Байе. Характер Рольфа. Основание герцогства Нормандия. Дар короля. Принятие Рольфом христианства. Закон и порядок. Смерть Рольфа.
- III. Вильгельм Лонгсворд (Длинный Меч)**47
Французское влияние. Карл Великий. Карл Толстый. Феодализм. Франки. Подчинение Нормандии Франции. Политика Лонгсворда. Северяне из Байе. Затворничество Лонгсворда. Характер Лонгсворда.
- IV. Ричард Бесстрашный**58
Сын Лонгсворда. Норманнский замок. Известие о смерти Лонгсворда. Его похороны. Ричард становится герцогом. Опекунство короля Франции Луи. Содержание Ричарда под стражей и его побег из Лиона. Граф Парижа Гуго. Луи в Руане. Норманнский заговор. Гарольд Блаатан. Нормандия против Франции. Независимость Нормандии. Нормандия и Англия. Герберга.

Союз с парижским графом Гуго. Союз с Гуго Капетом.
Смерть Ричарда.

V. Герцог Ричард Гуд77

Ричард Гуд становится преемником. Французское влияние. Недостаток документальных источников. Процветание герцогства. Любовь Ричарда к изысканности и роскоши. Обиды простых людей, их жалобы. Рауль из Эврё. Фламандская колония. Фалезская ярмарка. Брат Ричарда Вильгельм. Король Франции Роберт. Женитьба Ричарда. Эфельред Нерешительный. Датчане в Англии. Эмма из Нормандии. Конфликт с Бургундией. Земли Дре. Граф-епископ из Шалона. Норманнские хроникеры. Эрменольд. Ричард III и его убийство.

VI. Роберт Великолепный96

Мощь и богатство Нормандии. Английские принцы. Король Англии Кнуд и королева Эмма. Расточительность Роберта. Граф Фландрии Болдуин. Дочь кожевника. Норманнская гордость и игнорирование Робертом общественного мнения. Паломничество Роберта в Иерусалим. Его смерть в Ницце.

VII. Норманны в Италии108

Пират Гастинг. Ранние норманнские колонии на юге Европы. Норманнский характер. Танкред Отевиль. Серлон Отевиль. Сицилия. Папа Римский Лев X. Роберт Гвискар. Быстрый прогресс норманно-итальянских государств и их процветание. Норманнская архитектура в Сицилии.

VIII. Юность Вильгельма Завоевателя123

Типичность характера Вильгельма. Одинокое детство. Вильгельм Талвас. Феодальная система. Христианство и рыцарство. Церемонии посвящения в рыцари. Рыцарские клятвы. Отношение к Богу.

IX. За Ла-Маншем.....142

Перемены в Англии. Эфельред. Налог на землю. Вновь датчане. Свен. Кнуд. Эдмунд Айронсайд. Паломничество Кнуда. Годвин. Эдуард Исповедник. Столкновение в Дуврском проливе. Норманны в Англии. Замки.

X. Великая битва.....161

Роджер Тоснийский. Детство Вильгельма. Вильгельм оставляет Валонь. Лорд Ри. Граф Бургундии Гай. Мятеж. Вал-и-Дюн. Ральф из Тессона. Нил из Сен-Савиура. Снисходительность Вильгельма. Его господство. Осада Алансона.

XI. Аббатство Бек.....176

Монахи. Военное дело и образование. Строительство религиозных домов. Храмы. Бенедиктинцы. Герлен и его аббатство. Ланфранк. Его влияние в Нормандии.

XII. Матильда из Фландрии.....190

Фландрия. Возражения против женитьбы Вильгельма. Женитьба Вильгельма на Матильде. Могер. Восстановление церквей. Первое посещение Вильгельмом Англии. Возвращение Годвина. Его смерть. Зависть Франции. Французское вторжение в Нормандию. Битва при Мортемере. Вечерний звон. Битва при Варавилле. Посещение Гарольдом Нормандии.

XIII. Гарольд-англичанин.....209

Причины и следствия войны. Взаимоотношения Вильгельма и Гарольда. Неспособность Гарольда править Англией. Кораблекрушение у побережья Понтиви. Дворец Вильгельма в Руане. Известие о захвате Гарольда в плен графом Понтиви Гаем. Освобождение Гарольда. Его жизнь в Нормандии. Его клятва. Последняя болезнь Эдуарда. Гарольд назначен преемником.

XIV. Новости из Англии	224
Гарольд становится королем. Вильгельм узнает новости. Норманны начинают планировать войну. Вильгельм направляет посольство. Совет в Лиллабоне. Сопротивление баронов. Влияние Ланфранка в Риме. Тостиг. Армия Гарольда. Гарольд Хардредра. Битва у Стамфордского моста.	
XV. Битва при Гастингсе	242
Нормандия готовится к войне. Армия у стен Сен-Валери. Вильгельм пересекает Ла-Манш. Лагерь при Гастингсе. Король Англии Гарольд. Сенлак. Боевой порядок. Великая битва. Победа норманнов.	
XVI. Вильгельм Завоеватель	255
Характерные черты норманнов. Коронация Вильгельма. Его план правления. Возвращение в Нормандию. Кан. Гобелены Байе. Матильда — коронованная королева. Трудности правления. Английские леса. Запущенность образования во времена правления Эдуарда. Законы Вильгельма против рабства. Его сын Роберт. Смерть королевы. Заговор Одо. Ранение Вильгельма в Мантесе. Его недуг и смерть. Фрагмент из «Roman de Rou».	
XVII. Королевство и герцогство	281
Вильгельм Руфус. Роберт, герцог Нормандии. Вильгельм Руфус в Англии. Герцог Роберт отправляется в паломничество. Убийство Вильгельма Руфуса. Захват Генрихом Боклерком английской короны. Смерть принца Вильгельма.	
Заключение	292
Развитие норманнского характера. Северное влияние. Великое наследство.	
Герцоги Нормандии	299

Научно-популярное издание

Джуэйтт Сара Орне

ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ НОРМАННАМИ

Ответственная за выпуск *В. Н. Волкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.05.2003.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 5000 экз. Заказ 1157.

ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

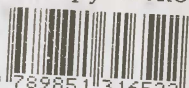
Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Книга рассказывает о периоде широкой экспансии в X—XI вв. скандинавских морских королей — викингов, как они называли себя сами, или варягов — под этим именем они были известны на Руси, или норманнов — так их именовали в Западной Европе. Воссоздавая события тех далеких времен, перечитывая литературно-исторические памятники, дошедшие до наших дней, немногочисленные, разрозненные, часто противоречивые, автор пытается сквозь толщу веков разглядеть живых людей, понять их характеры, мотивы их поступков.

Историческая библиотека

ИНН 4501046435975010 А Колосова
ИБ: Джунет Завоевание Англи

Цена: 66руб.00коп.

9 789851 316522 18.08.03